

Biblioteka
U.M.K.
Toruń

328889

59 55

ЗАПИСКИ ЛАЗУТЧИКА,

ВО ВРЕМЯ

УСМИРЕНИЯ МЯТЕЖА ВЪ ПОЛЬШѢ,

ВЪ 1863 ГОДУ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1868.

Виданъ

ЗАПИСКИ ЛАЗУТЧИКА.

ЗАПИСКИ ЛАЗУТЧИКА.

ЗАПИСКИ ПУТЕШЕСТВЕННИКА

ЗАПИСКИ ЛАЗУТЧИКА,

ВО ВРЕМЯ

УСМИРЕНІЯ МЯТЕЖА ВЪ ПОЛЬШѢ,

ВЪ 1863 ГОДУ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ГОЕНФЕЛЬДЕНА И Ко.

(Вас. Остр., 3 л., № 44).

1868.

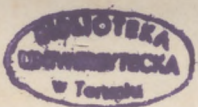
ЗАПИСКИ ДАЗУТРНА

ВО ВЪЗРАЖ

УЧЕНИЦИ НА НАСТАВНИКА ВЪ ПОЛЪЩА

Дозволено ценсурю. С.-Петербургъ, 28 Января 1868 года.

ВЪ 1868 ГОДУ.

328889

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФИИ ГОТЕНБЕРГЪ.
(Въ Спб. 2. 1. 1868.)
1868.

К. 1860 / 62

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Составитель **Записокъ лазутчика** унтеръ-офицеръ изъ дворянъ Буланцовъ, поступивъ въ 1863 году охотникомъ въ плочкій военный отдѣлъ, оказалъ необыкновенную смѣлость, самоотверженіе и смѣтливость. Зная отлично польскій языкъ и мѣстность края, онъ отправлялся перодѣтымъ, нерѣдко одинъ, въ самыя опасныя мѣста, открывалъ банды, давая возможность истреблять ихъ до послѣдняго человѣка, содѣйствовалъ поимкѣ важныхъ преступниковъ, большею частью жандармовъ-вѣшателей, отыскивалъ скрытые мятежниками военные и съѣстные припасы, одежду и оружіе и сообщалъ весьма полезныя свѣдѣнія.

Не входя въ психологическій разборъ дѣятельности лазутчика, считаемъ многіе изъ описанныхъ имъ случаевъ весьма любопытными и достойными вниманія читателей, желающихъ ознакомиться съ закулисными тайнами польскаго мятежа 1863 года.

ИЗВЕЩАНИЕ

О деятельности Комитета по устройству
школы в г. Казани за 1863 год.
В 1863 году Комитет по устройству
школы в г. Казани, учрежденный
в 1861 году, продолжал свою
деятельность в том же направлении,
как и в предыдущем году. В
этом году Комитетом было
принято решение о том, чтобы
взять на себя содержание
школы, и для этого
было предложено
выделить на эту
цель часть
земельных
угодий, принадлежащих
государству. Это предложение
было одобрено
губернатором
и Высочайше
утверждено.
В 1863 году
Комитетом
было
принято
решение
о том, чтобы
взять на
себя
содержание
школы, и
для этого
было
предложено
выделить
на эту
цель
часть
земельных
угодий,
принадлежащих
государству.
Это
предложение
было
одобрено
губернатором
и
Высочайше
утверждено.
1863 год.

ЗАПИСКИ ЛАЗУТЧИКА,

во время усмиренія мятежа въ Польшѣ, въ 1863 году.

I.

Нападеніе на Плоцкѣ, въ ночь съ 10 на 11 Января 1863 года.

Въ концѣ 1862 года, въ царствѣ Польскомъ, носились слухи о возстаніи; уже стали появляться въ лѣсахъ скопища неизвѣстныхъ людей; но никто въ то время еще положительно не думалъ о возможности явнаго мятежа. Никому не приходила въ голову мысль о такой дерзости; а, между-тѣмъ, вооруженіе шло дѣятельно; поляки готовили оружіе, порохъ, и т. п.; почти въ каждомъ семействѣ шили одежду, конфедератки, щипали корпію. Мѣстная полиція, состоявшая исключительно изъ поляковъ, конечно, знала о томъ, но молчала. Впослѣдствіи обнаружилось, что многія полицейскія власти принимали дѣятельное участіе въ приготовленіи къ возстанію и въ самомъ мятежѣ.

Наши военные, еще съ 1861 года, отделились отъ поляковъ и не бывали въ ихъ семействахъ, а

потому и не могли знать положительно о приготовленияхъ къ открытому возстанію; хотя всё понимали, всё чувствовали, что вокругъ ихъ готовится что-то не доброе. Поляки въ своихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ въ отношеніи къ русскимъ стали чрезвычайно дерзки, нахальны. Русскому въ Польшѣ была жизнь не въ жизнь: худо и дома, еще хуже внѣ его. Дома—русскій каждую минуту могъ ожидать, что или выбьютъ стекла его квартиры или устроятъ кошачью музыку. (Эта музыка состояла въ томъ, что соберутся подъ окнами квартиры и начнутъ кричать какъ кому вдумается: кто по собачьи лаетъ; кто мычитъ, какъ корова; кто мяукаетъ по кошачьи и т. д. И это дѣлала толпа иной разъ въ двѣ или три тысячи человѣкъ и болѣе). Внѣ квартиры русскій подвергался непріятности быть избитымъ или оплеваннымъ. Не буду приводить всему этому примѣры: они извѣстны изъ газетъ 1861 и 1862 годовъ. Начальство не приступало къ рѣшительнымъ мѣрамъ, полагая, что поляки опомнятся, придутъ въ себя, и дѣйствовало мѣрами кротости. Приведу въ доказательство слѣдующее наставленіе военнымъ начальникамъ покойнаго намѣстника князя Горчакова: держать себя съ приличною гордостью, не давая вида, что подобное положеніе дѣлъ унижаетъ ихъ значеніе. Это наставленіе было объявлено по случаю жалобъ на то, что жители—поляки, при встрѣчѣ на улицѣ съ военными, не взирая на званіе, проходя мимо, или обгоняя ихъ, нарочно задѣвали и толкали ихъ, либо

харкали и плевали. Все это я упоминаю, чтобы показать какъ обходились русскіе съ поляками до мятежа и какъ поступали поляки съ русскими. Всякая мѣра правительства, клонившаяся къ возстановленію спокойствія, тишины и порядка, нарушаемыхъ поляками, выставлялась ими въ видѣ насилія; всякое безчинство, публичное оскорбленіе наносимое русскимъ, оправдывались, по іезуитски, патріотизмомъ. Словомъ сказать, смотря по обстоятельствамъ — изъ мухи дѣлали слона и изъ слона — муху.

Чѣмъ мѣры правительства были снисходительнѣе, тѣмъ поступки поляковъ были нахальнѣе. Когда-же наконецъ обнаружилось, съ какими людьми довелось намъ имѣть дѣло, были приняты мѣры рѣшительныя, но уже было поздно, и со стороны поляковъ все было готово къ открытому возстанію. Въ концѣ 1862 года былъ отданъ приказъ по войскамъ: быть постоянно въ готовности къ дѣйствию, усилить патрули, забирать съ улицъ всѣхъ шляющихся по ночамъ и т. д. Тогда-же стали доходить до начальства положительные слухи, что въ лѣсахъ собираются толпы неизвѣстныхъ людей; иные являлись съ дубинами, другіе — съ оружіемъ. Съ нашей стороны стали посылать отряды для разогнанія шаккѣ. При появленіи ихъ мятежники разбѣгались. Со стороны войскъ никакого насилія дѣлаемо не было. 9 Января 1863 года, дали знать въ Пlockъ о появленіи въ лѣсахъ близъ этого города большого скопища неиз-

вѣстныхъ людей. Командиръ Муромскаго полка, полковникъ Козляниновъ, самъ отправился для увѣщанія и, въ случаѣ надобности, для разогнанія непокорныхъ. Верстахъ въ 20 отъ Плоцка, въ лѣсу, настигъ онъ огромную толпу за завтракомъ, и не думая, чтобы это были отчаянные мятежники, собравшіеся съ цѣлью напасть на русскихъ, принявъ ихъ за сбродъ праздношатающихся негодяевъ, собравшихся для какого-нибудь скандала, въ родѣ кошачьяго концерта, выбитія гдѣ-нибудь стеколъ и т. п. Не думая встрѣтить какое-либо сопротивленіе, онъ слѣзъ съ коня, подошелъ къ толпѣ и сталъ убѣждать собравшихся людей, чтобы они разошлись, говорилъ мягко, ласково; не было съ его стороны ни одного браннаго, оскорбительнаго для поляковъ слова, не смотря на дерзкія выходки: убирайся пся кровь съ своими москалями и казаніями (нравоученіями) и т. п. Слушая своего командира, дивились солдаты его ангельскому терпѣнію. „Такъ-бы ихъ шельмъ и переколотилъ всѣхъ“, говорили они. Больно было видѣть, какъ эти негодяи не умѣли цѣнить доброе обращеніе начальства. Чѣмъ снисходительнѣе, чѣмъ мягче говорилъ Козляниновъ, тѣмъ нахальнѣе становились поляки. Наконецъ, когда онъ, во имя Бога, во имя совѣсти, со слезами на глазахъ, сталъ упрашивать ихъ разойтись: „Не хочю, говорилъ онъ, употреблять противъ васъ силу; я знаю, что вы послушаетесь меня и подобру разойдетесь. Ну, чего вамъ нужно; кажется, Царь для васъ все дѣлаетъ хорошее, все

болѣе и болѣе заботится объ улучшеніи вашего быта; съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе даетъ вамъ правъ. Неужели вы не цѣните этого? Опомнитесь! Что вы дѣлаете? Ради Бога прошу васъ разойтись. Вѣрьте мнѣ. Не слушайте вредныхъ, праздныхъ людей, негодяевъ; они не доведутъ васъ до добра.“ Но едва лишь кончилъ полковникъ Козляниновъ свою рѣчь, какъ выскочилъ изъ толпы одинъ изъ поляковъ, съ словами: „Я тебѣ дамъ пся кровь; я начальникъ этихъ людей“, и однимъ взмахомъ топора положилъ его на мѣстѣ. Никто изъ присутствовавшихъ тамъ не успѣлъ опомниться, какъ не стало одного изъ лучшихъ нашихъ военныхъ людей. Настала ужасная минута. Солдаты, не помня себя, бросились на злодѣевъ. Рѣзня была страшная. Полилась кровь за кровь. Перомъ не выразить того ожесточенія, съ какимъ нападали солдаты и казаки на мятежную шайку. Не было криковъ; только стоны, да молчаливые взмахи прикладовъ, пальба изъ ружей, дружный напоръ на толпу, желаніе всѣхъ отмстить за смерть своего любимаго командира. Самъ убійца въ числѣ первыхъ былъ положенъ на мѣстѣ. Когда ни одного злодѣя уже не оставалось въ живыхъ, солдаты собрались кругомъ трупъ любимаго начальника. Сколько было тутъ сердечныхъ слезъ, проклятій убійцамъ и клятвъ до смерти мстить за его убійство! Кто знаетъ русскаго солдата, тотъ знаетъ его любовь и привязанность къ хорошему и доброму командиру, какимъ былъ полковникъ Коз-

ляниновъ. Миръ праху твоему, храбрый воинъ, достойный сынъ отечества!

Смерть Козлянинова вполне убѣдила начальство, что эти толпы собирались не для какого-нибудь публичнаго скандала, какъ это было прежде, а для явнаго возстанія; уже стали доходить положительные слухи, что вся молодежь, вооруженная чѣмъ попало, ушла изъ домовъ и собирается въ огромныя массы въ лѣсныхъ мѣстахъ, и что не сегодня такъ завтра надлежало ожидать открытаго нападенія на войска. Войскамъ было отдано приказаніе: не спать по ночамъ, назначены были секретныя патрули и т. д.

Вечеромъ съ 10 на 11 Января особенно замѣтно было движеніе въ городѣ; вездѣ около домовъ шныряли какія-то тѣни; въ различныхъ мѣстахъ собирались массы людей; въ одномъ мѣстѣ разогнанная патрулемъ толпа сходилась въ другомъ, и все это дѣлалось тихо, безъ шума. Всякому чудилось что-то не доброе; всякій ожидалъ чего-то опаснаго. Въ казармахъ мы оставались весь вечеръ вооруженные, въ полной аммуниціи; о снѣ никому не приходило въ голову; между нами ходили различныя толки: въ одномъ углу шель подробный разговоръ о смерти полковника Козлянинова, да творилось крестное знаменіе за упокой души умершаго; въ другомъ—говорили о какомъ-то польскомъ главнокомандующемъ Подлевскомъ, съ той стороны Вислы, котораго будто-бы съ часу на часъ ожидали поляки, и о томъ, какъ, нѣсколько дней тому на-

зая, какой-то молодой человекъ въ юнкерской формѣ Смоленскаго полка ходилъ по всѣмъ нашимъ кухнямъ и побывалъ внутри казармъ, гдѣ тогда было очень мало солдатъ, потому что нѣкоторые изъ ротъ были посланы на усмиреніе волнующихся жителей, по разнымъ деревнямъ въ окрестности Плоцка; говорили, что онъ обратилъ на себя вниманіе всѣхъ остававшихся въ казармахъ, тѣмъ болѣе, что по-русски онъ говорилъ довольно чисто. Въ послѣдствіи узнали, что это былъ начальникъ мятежнической шайки, отставной юнкеръ Островскій, и что онъ, по выходѣ изъ казармъ, замѣтивъ, что на дворѣ подъ навѣсомъ стояли артиллерійскія орудія, принялъ ихъ за дѣйствительныя, тогда какъ это были деревянные модели, при которыхъ нижніе чины занимались ученіемъ. Эта ошибка, какъ увидимъ въ послѣдствіи, была одною изъ причинъ спасенія Плоцка. Говорили также о смерти за матушку Россію и повторяли рассказы о герояхъ, положившихъ свой животъ на полѣ брани за вѣру отцевъ своихъ, да за батюшку Царя православнаго. Незамѣтно прошло время до половины двѣнадцатаго; вдругъ вбѣгаетъ дежурный по карауламъ, говоря что огромныя толпы народа ѣдутъ и бѣгутъ мимо казармъ. Мы всѣ выскочили на улицу, и дѣйствительно въ темнотѣ увидали множество экипажей и большія массы народа, тихо входившія въ городъ. (Въ послѣдствіи обнаружилось, что у многихъ изъ пѣшеходовъ подошвы были подшиты телячьей кожею, вверхъ шерстью). Войска сей-

часъ-же отправились въ назначенные для нихъ, на всякій случай секреты. Я съ другимъ унтеръ-офицеромъ и съ шестнадцатью рядовыми поспѣшилъ на городской бульваръ, въ центрѣ города, гдѣ мы стали за деревьями, въ ожиданіи непріятеля. Небо стало покрываться тучками, темнота все болѣе и болѣе сгущалась; сѣверный вѣтеръ рѣзалъ лице.

Толпы идущихъ и ѣдущихъ болѣе и болѣе стали мелькать передъ глазами; въ различныхъ мѣстахъ появлялись кучки народа, то расходившіяся, то опять сходявшіяся; вездѣ движеніе, какой-то глухой шумъ, мы не знали, что дѣлать, что думать. Разсѣянная нами въ одномъ мѣстѣ толпа, собиралась въ другомъ. Патрули безпрестанно переходили съ одного мѣста на другое, всюду, гдѣ собиралась толпа. Въ окнахъ домовъ была совершенная темнота, ни одного огонька. Вдругъ въ отдаленіи показалась бѣлая тѣнь, она подходила все ближе и ближе; наконецъ, мы ясно могли различить какую-то бѣлую фигуру на конѣ, которая, поровнявшись съ нами, выстрѣлила вверхъ. Этотъ выстрѣлъ привелъ насъ въ сильное недоумѣніе. Мы не знали что дѣлать: задержать всадника мы не успѣли, потому что онъ пролетѣлъ мимо насъ во всю скачь, да и не смѣли мы сойти безъ приказанія съ указаннаго намъ мѣста. Оставалось ждать у моря погоды. А между-тѣмъ, движеніе все болѣе и болѣе усиливалось; народъ стекался со всѣхъ сторонъ на площадь къ гауптвахтѣ и костелу. Наконецъ наши патрули стали соединяться, явился

офицеръ и мы уже въ числѣ шестидесяти человѣкъ стали на бульварѣ, въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій. Явился унтеръ-офицеръ съ приказаніемъ коменданта—не допускать сборища народа въ одномъ мѣстѣ; по командѣ офицера, мы тотчасъ образовали цѣпь на улицѣ, идущей къ означенной площади и преградили путь идущимъ и ѣдущимъ. Внезапно раздался звонъ, который сначала мы приняли за призывъ къ какому-нибудь молебствію, но потомъ догадались, что это имѣло иную цѣль. Страненъ былъ услышанный нами звонъ, то ударять въ одинъ колоколь, рѣзко, протяжно, какъ звонять за упокой; то зазвонять во всѣ колокола, чаще и чаще; то въ одинъ за другимъ въ перемежку. Тутъ слышалось вмѣстѣ и погребальное поминовеніе, свадебное торжество, и печаль, и радость. Никогда, во всю жизнь, не слыхалъ такого звона. Оказывали намъ послѣ, будто-бы такой звонъ былъ придуманъ ксендзами для возбужденія мятежниковъ и для подавленія имъ знака къ вырѣзанію всѣхъ русскихъ въ городѣ. Но великъ Богъ земли русской! Онъ не допустилъ восторжествовать злодѣямъ! Вслѣдъ за звономъ мы услышали ружейные выстрѣлы и нѣсколько минутъ спустя прибѣжалъ къ намъ унтеръ-офицеръ съ приказаніемъ спѣшить на площадь, говоря: „что тамъ видимо не видимо народу, что поляки напали на гауптвахту и уже убили часоваго“; вслѣдъ за тѣмъ, взлетѣла спущенная съ гауптвахты ракета и мы стрѣлой бросились на площадь. Дымъ, пальбу, крикъ, визгъ, страшную давку: вотъ что

мы застали на площади. Съ крикомъ ура! бросились мы на встрѣчу мятежной толпѣ. Пошла перестрѣлка; дымъ былъ такъ густъ, что нельзя было видѣть ничего въ нѣсколькихъ шагахъ. Напирая дружно на толпу, мы вскорѣ добрались до костела, куда уходили стѣсненные войскомъ поляки и польки. Занявъ главный входъ костела, мы преградили къ нему доступъ, а между-тѣмъ подошло войско изъ за города; перестрѣлка на площади мало-по-малу утихла и толпа на площади стала рѣдѣть. Между-тѣмъ въ костелѣ происходили возмутительныя сцены: ксендзь благословлялъ свою паству на открытый мятежъ, говорилъ буйныя рѣчи, ругалъ Россію и русскихъ, называлъ насъ злодѣями, варварами и т. п. Слышны были стоны раненыхъ мятежниковъ, ушедшихъ съ площади въ костелъ, плачь и вопль напуганныхъ женщинъ, и, къ довершенію всего, когда казаки уже заняли боковые входы костела, въ одного изъ нихъ выстрѣлили изъ ризницы. Это заставило насъ принять болѣе рѣшительныя мѣры. Всѣ поляки, бывшіе въ костелѣ, были оттуда выведены и обысканы; почти при всѣхъ, даже у многихъ женщинъ, было найдено оружіе: кинжалъ, револьверъ, пистолеть и т. п. Стало разсвѣтать, площадь опустѣла; войско вполне овладѣло мѣстомъ битвы, не смотря на то, что его было въ десять разъ меньше числа поляковъ. Мятежники однакоже все еще появлялись и совершенно оставили площадь уже въ десятомъ часу утра. Болѣе двухъ сотъ человѣкъ было заарестовано. Когда костелъ

опустѣлъ, мы его заперли и отправились въ казармы; по дорогѣ зашли на гауптвахту и тамъ нашли трупъ бывшаго на часахъ нашего товарища. Пораженный смертельно пулею, онъ, падая, вскрикнулъ: караулъ, вонъ! и отдалъ Богу душу. Такъ до смерти остался вѣренъ своей присягѣ, истинный русскій солдатъ! Лежалъ онъ, какъ живой, еще съ незапекшеюся кровію. Говорили тогда, что когда начался звонъ, толпы мятежниковъ съ криками: „вивать“ бросились къ гауптвахтѣ и стали стрѣлять. Возлѣ часоваго, у будки, горѣлъ всячій фонарь, и потому все выстрѣлы были направлены на погибшаго солдата; остальные-же люди на гауптвахтѣ, по распоряженію коменданта, были поставлены въ тѣни, такъ что мятежники не могли ихъ видѣть. На гауптвахтѣ всего было шестнадцать человѣкъ, а нападающихъ, какъ говорили тогда, до трехъ тысячъ; казалось, гибель остальныхъ шестнадцати была неминуема и мятежники могли овладѣть гауптвахтой, гдѣ содержалось подъ арестомъ до семидесяти поляковъ, и впослѣдствіи городомъ, если-бы не помѣшало тому присутствіе духа, указанное въ рѣшительную минуту комендантомъ Плоцка полковникомъ Познякомъ, который, находясь въ то время на гауптвахтѣ, первый отвѣчалъ на пальбу мятежниковъ выстрѣломъ изъ револьвера и самъ собственноручно пустилъ ракету, что привело поляковъ въ замѣшательство и заставило ихъ думать, что мы приготовились къ отпору. Мятежники сочли ракету выстрѣломъ изъ орудія,

вообразили, что на площади уже находится артиллерія (Островскій извѣстилъ ихъ, что въ казармахъ есть пушки), и вмѣсто того, чтобы атаковать гауптвахту, оставались въ нерѣшимости, пока пришли на площадь войска, стоявшія въ городѣ, а потомъ и прочія. Съ нашей стороны палъ только одинъ рядовой; раненыхъ не было; со стороны-же мятежниковъ убито до полсотни.

Разсѣянные мятежники отправились къ выходу изъ города, близъ Вислы; тутъ находились казачьи казармы, въ которыхъ было только двѣнадцать казачковъ, на половину больныхъ. Мятежникамъ вздумалось сжечь эти казармы, чтобы истребить стоявшихъ въ нихъ казаковъ. Съ этою цѣлью поляки стали носить къ зданію солому. Казаки, обреченные явной гибели, открыли пальбу изъ ружей по мятежникамъ, и такъ мѣтко, что ни одна пуля не пропала даромъ. Непріятели, въ числѣ трехъ сотъ человекъ, четыре раза подходили къ казармамъ и каждый разъ, встрѣчаемые смертоносными казачьими пулями, возвращались назадъ. Впрочемъ, неизвѣстно, какой исходъ имѣлъ-бы неравный бой, еслибы въ это самое время войска, шедшія въ городъ, не обратили въ бѣгство мятежную шайку. Часть ея разсѣялась въ окрестностяхъ города; прочіе-же повстанцы скрылись въ реформатской церкви и были тамъ захвачены войсками.

II.

Лазутчикъ въ должности надзирателя при передачѣ бѣлья и одежды мятежникамъ въ Плоцкой тюрьмѣ во время мятежа. Тюремные комитеты. Различныя козни поляковъ въ тюрьмѣ.

Нападеніе на Плоцкъ и на другіе города, въ одно и то-же время, ночью съ 10 на 11 Января, имѣло послѣдствіемъ появленіе въ лѣсахъ вполнѣ сформированныхъ вооруженныхъ бандъ, доходившихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 3,000 человекъ и болѣе; во всей странѣ, молодые люди какъ-будто исчезли; нѣсколько нашихъ офицеровъ польскаго происхожденія и нижнихъ чиновъ перебѣжало въ банды мятежниковъ: все это обнаружило правительству всю важность заговора и убѣдило, какъ вредно дать поляку какую-либо поблажку. Варварскіе-же поступки мятежниковъ выказали ихъ непримиримую ненависть къ Россіи и русскимъ и полную извращенность ихъ нравственныхъ понятій іезуитизмомъ, для котораго хороши всѣ средства къ достиженію цѣли. Поляку, воспитанному въ іезуитской школѣ, ничего не значило содрать кожу съ

живаго человѣка, даже брата-поляка, вонзить кинжалъ въ сердце мирнаго гражданина, отца семейства, или отравить его ядомъ. Ксендзу, служителю алтаря Господня, проповѣдующему съ кафедры о человѣколюбивомъ ученіи Христа, ничего не значило самому убить какую-нибудь безпомощную женщину въ глазахъ ея дѣтей, повѣсить беззащитнаго старца или отравить не вмеящаго ихъ богопротивному ученію. И за что-же все это? А за то, что они, по ихъ понятію, измѣнники отчизнѣ, вѣрны москалямъ, которые, будто-бы непримиримые ихъ враги, угнетающіе ихъ душу и тѣло, морально и физически; а они, убійцы, — спасители, восстановители моральной и физической свободы, избавители Польши отъ варваровъ москалей, и т. п. И эти люди, будто-бы ратующіе за свободу убѣжденій, за свободу совѣсти, убиваютъ и отравляютъ своего-же брата-поляка — за его совѣсть, за его убѣжденія, имъ противныя. Какъ назвать такихъ людей? Можно-ли дать имъ имя восстановителей свободы, спасителей отчизны? и т. п. Это пусть рѣшить самъ читатель; я скажу только, что подобныя варварскіе поступки поляковъ, во время прошлаго мятежа, въ глазахъ всего свѣта, въ девятнадцатомъ вѣкѣ, будутъ позорнымъ, неизгладимымъ пятномъ для нихъ въ исторіи человѣчества.

Правительству нашему нужно было много мужества, много нравственной силы, чтобъ подавить это зло, тѣмъ болѣе, что пронырливые поляки, при началѣ мятежа, очень ловко умѣли вооружить об-

щественное мнѣніе всей Европы противъ Россіи, выказывая свои поступки и дѣйствія русскихъ въ искаженномъ видѣ. Но нѣтъ худа безъ добра, говоритъ пословица. Мятежъ вполне открылъ глаза правительству и показалъ какъ нужно дѣйствовать ему въ отношеніи поляковъ и Польши.

Въ это время, тюрьмы, съ каждымъ днемъ, болѣе и болѣе наполнялись арестованными поляками. Начальство учредило особыхъ временныхъ комендантовъ надъ тюрьмами, въ коихъ содержались политическіе преступники, и выбрало надежныхъ унтеръ-офицеровъ для наблюденія за арестованными; въ число послѣднихъ попалъ и я. Въ Плоцкѣ было два тюремныхъ зданія: одно изъ нихъ выстроено было предъ самымъ началомъ мятежа и отличалось отъ прежняго своимъ особымъ устройствомъ. Оно и было отведено для политическихъ преступниковъ т. е. для мятежниковъ. Особое устройство его состояло въ томъ, что въ немъ не было общихъ казематовъ, а одиночные, устроенные такъ, что всѣ они были видны съ середины корридора; одинъ часовой стоя на мѣстѣ, могъ наблюдать надъ сотнею арестантовъ. Тюрьма состояла изъ трехъ этажей и одного корридора въ самомъ нижнемъ этажѣ; второй-же и третій этажи устроены были въ видѣ хорровъ. По срединѣ корридора находилось возвышеніе и на немъ стоялъ алтарь. Тутъ въ праздничные и воскресные дни, ксендзь совершалъ богослуженіе. Алтарь и ксендзь были видны всѣми арестованными, которые однакоже не могли видѣть

другъ друга: такое устройство тюрьмы, во время мятежа, было весьма удобно въ томъ отношеніи, что арестованные не имѣли никакой возможности сговариваться между собою, и къ тому-же не требовалось многочисленной стражи въ такое время, когда каждый солдатъ былъ на счету. Мнѣ, кромѣ секретнаго наблюденія надъ арестованными, поручено было смотрѣть за ихъ бѣльемъ. Обязанность моя состояла въ слѣдующемъ: 1) при поступленіи арестованнаго въ тюрьму, осмотрѣть его, и если на немъ оказывалось грязное или ветхое бѣлье, то такое перемѣнить; 2) принимать вещи, платье и бѣлье отъ попечительницы комитета и раздавать ихъ арестантамъ, и 3) принимать платье, бѣлье и съѣстные припасы для арестантовъ отъ родственниковъ ихъ и раздавать ихъ по принадлежности. Что-же касается до снабженія ихъ пищею, то это было поручено начальнику караула.

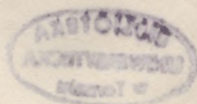
При самомъ началѣ мятежа въ городѣ, съ дозволенія нашего начальства, былъ устроенъ жилищами комитетъ для вспомошествованія нуждающимся арестантамъ. Польза и необходимость такого комитета были очевидны. Мятежники, большею частью, попадали въ тюрьму прямо изъ лѣсу, будучи захватываемы, или въ самомъ сраженіи, или во время бѣгства, послѣ разбитія банды. При этомъ, съ разсѣяніемъ банды, терялись и запасы бѣлья и проч., находившіеся при бандахъ; мятежники, по нѣсколько мѣсяцевъ, бродили въ лѣсахъ, не перемѣняя бѣлья, и потому часто случалось видѣть приводимыхъ въ

тюрьму арестантовъ безъ бѣлья, въ лохмотьяхъ; вмѣсто сапогъ, они обтягивали ноги древесною корою, однимъ словомъ, имъ было и голодно, и холодно. Жалко было смотрѣть на нихъ, и при томъ они попадались ежедневно, особенно въ началѣ мятежа, въ такомъ множествѣ, что весьма часто не доставало мѣста въ тюрьмѣ и приходилось отводить для помѣщенія арестантовъ другія зданія. Платье и бѣлье для содержащихся въ тюрьмахъ полагаются въ столь ограниченномъ количествѣ, что едва лишь восьмая часть арестантовъ могла ими пользоваться. Что-же могло бы быть съ остальными, если бы не было заботящихся о нихъ комитетовъ? Тюремное начальство положительно не имѣло возможности имѣть въ запасѣ нужнаго количества бѣлья, какъ по неимѣнью денежныхъ средствъ, такъ и по недостатку времени; иногда въ однѣ сутки поступало въ тюрьмы полтора и болѣе мятежниковъ. Учрежденіе комитетовъ было необходимо. Не одна тысяча поляковъ должна быть благодарна, какъ начальству за дозволеніе учредить комитеты, такъ и учредителямъ ихъ.

Что кажется проще, естественнѣе, какъ учрежденіе комитета для вспомоствованія своимъ несчастнымъ братьямъ? Что можетъ быть спасительнѣе, нравственнѣе, челоуколюбивѣе, какъ исполненіе одной изъ заповѣдей Христа: одѣть нагаго, посѣтить болящаго и находящагося въ темницѣ. Но и тутъ воспитанники іезуитовъ, въ учрежденіи комитета, прежде всего, видѣли одно изъ средствъ

для достиженія своей цѣли — какъ можно болѣе вредить правительству. Тутъ главная цѣль комитета состояла не въ томъ, чтобъ исполнить христіанскій долгъ, помочь своимъ братьямъ; онъ только старался мѣшать правительству въ разоблаченіи козней заговора, возбуждать въ заключенныхъ ненависть къ правительству, обманывать ихъ мнимою близостью наденія русскаго владычества въ царствѣ Польскомъ и своего торжества; онъ доставлялъ имъ въ тюрьму вымышленныя свѣдѣнія объ успѣхахъ мятежа, заставляя арестантовъ скрывать извѣстныя имъ дѣйствія и намѣренія мятежниковъ, не показывать вѣрныхъ свѣдѣній о мѣстахъ, гдѣ находились: порохъ, оружіе, одежда, типографическіе станки и другія орудія мятежа, и о лицахъ, руководившихъ возстаніемъ, а, напротивъ того, доставлять комитету свѣдѣнія о тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были скрыты эти припасы, по случаю разбитія или расцѣпанія какой-либо банды; для этого комитетомъ употреблялась всякаго рода переписка: зашивались записочки и маленькіе карандаши въ швы бѣлья и въ одежду, такъ искусно, что нужно было имѣть весьма опытный глазъ, чтобъ открыть ихъ; прокалывались на тонкомъ бѣлѣ мелкія буквы, которыя видѣть можно было только сквозь свѣтъ; запекались записки въ хлѣбное тѣсто, либо искусно вкладывались въ куски свѣчей, мыла; кромѣ того, было много и другихъ способовъ. Но не всегда удавались имъ такія хитрости, и даже иногда подобная замысловатая передача свѣдѣній обращалась во вредъ

злоумышленникамъ, давая начальству возможность узнавать сокровеннѣйшія ихъ тайны. Весьма естественно, что выборъ членовъ комитета долженъ былъ со стороны поляковъ производиться съ большою осторожностью, съ большимъ тактомъ. Нужно было, чтобъ члены были: 1) самые закоренѣлые мятежники, отличающіеся особою ненавистью къ Россіи и къ русскому правительству; 2) опытнѣйшіе изъ опытнѣйшихъ, іезуиты изъ іезуитовъ; 3) чтобъ они не были прежде замѣчены правительствомъ въ сочувствіи къ мятежу, и 4) чтобъ они были люди съ вѣсомъ въ польскомъ обществѣ. И дѣйствительно лица, состоявшіе въ комитетѣ, были таковы, что и правительство не считало ихъ для себя вредными, и поляки были увѣрены въ ихъ преданности: такъ ловко они умѣли вести свое дѣло. Будучи иногда въ числѣ первыхъ организаторовъ мятежа, они считались правительствомъ самыми благонамѣренными людьми.

Въ составъ комитета, кромѣ членовъ, входили особые попечители и попечительницы. Они были въ качествѣ посредниковъ между комитетомъ и тюрьмою. Бѣлье, платье и все прочее изъ комитета въ тюрьму шло чрезъ ихъ руки. Они собирали свѣдѣнія о нуждающихся въ тюрьмѣ и потомъ докладывали о нихъ комитету, который, согласно такому докладу, распоряжался выдачею требуемыхъ вещей, и потому попечители и попечительницы были хорошо знакомы тюремному начальству. Вообще-же изъ состава ихъ можно было заключить,

что выборъ въ попечители и попечительницы производился еще съ большею осмотрительностью, чѣмъ выборъ членовъ: кромѣ качествъ, необходимыхъ для члена комитета, они должны были еще обладать особою ловкостью и умѣньемъ пользоваться обстоятельствами, знать качества и характеръ тюремныхъ начальниковъ и подчиненныхъ имъ унтеръ-офицеровъ и служителей, какъ имѣющихъ особый надзоръ за арестованными, и вслѣдствіе того искусно разыгрывать различныя роли для достиженія вышеизложенныхъ цѣлей комитета. На ихъ обязанности лежало, приводить въ дѣйствіе секретныя пружины комитета, и дѣйствительно нѣкоторыя изъ нихъ очень ловко вели свои дѣла, особенно-же попечительницы, такъ что нехотя иногда вспоминалась пословица: „баба и черта проведетъ“. У насъ въ тюрьмѣ попечительницею была госпожа Бу...ская, одна изъ ярыхъ поборницъ мятежа, женщина очень ловкая, умная, умѣвшая пользоваться всѣми возможными обстоятельствами, и при всемъ этомъ весьма хороша собою. Такой искусной актрисы я въ жизнь свою не видалъ; съ каждымъ она говорила и вела себя иначе, видѣла насквозь cadaго, а потому съ однимъ была серьезна, съ другимъ шутивла; съ однимъ говорила о священныхъ обязанностяхъ солдата, осуждала дѣйствія поляковъ, говорила о евангельской любви къ ближнему и т. п.; другому рассказывала какіе-нибудь веселые анекдотики: и въ томъ и въ другомъ случаѣ, она имѣла цѣлью расположить къ себѣ всякаго,

чтобы лучше достигнуть возложенной на себя обязанности—приводить въ движеніе тайныя пружины комитета, что въ иныхъ случаяхъ ей и удавалось. Опутаетъ челоуѣка, да и ведетъ его куда хочетъ. Сначала ей позволяли имѣть свиданія съ заключенными: много, я думаю, она тогда надѣлала вреда правительству и много пользы своему комитету. Впослѣдствіи, по подозрѣнію ея въ неумѣстныхъ переговорахъ и въ тайной передачѣ писемъ, ей запрещены были свиданія, такъ что она не имѣла доступа дальше комендантской канцеляріи. Тамъ она выказала весь свой талантъ и, вполне оправдавъ довѣріе мятежнаго польскаго общества, показала, что ксендзы не даромъ трудились надъ воспитаніемъ полекъ. Каждый день она посѣщала тюрьму, приносила бѣлье и платье и справлялась о нуждахъ арестантовъ. На другой день по вступленіи въ должность надзирателя за бѣльемъ, я встрѣтилъ Бу...скую въ тюремномъ корридорѣ, и она, узнавъ о моей должности, остановила меня и стала спрашивать о бѣльѣ для заключенныхъ: довольно-ли его? И сколько его еще нужно доставить? И кто особенно нуждается? Потомъ стала спрашивать о моей службѣ: какъ давно я въ царствѣ Польскомъ, гдѣ служилъ прежде, давно-ли въ Плоцкѣ, откуда родомъ, женатъ-ли? Далѣе—стала говорить о несчастіяхъ поляковъ, проклипать тѣхъ, кто началъ этотъ мятежъ. „И чего кажется имъ нужно было, говорила она, ѣли, пили хорошо; нѣтъ! Мало имъ всего этого; просто съ жиру бѣ-

сятся; да хоть-бы сами пошли въ лѣса, а то заманили съ собою молодежь, совратили ее съ истиннаго пути и заставляютъ теперь бѣдняжекъ терпѣть по-напрасну. Вѣдь многіе изъ нихъ, о Іезусъ, Іезусъ, безъ бѣлья скитаются по лѣсамъ, и холодные, и голодные, безъ крова и безъ пищи, и за что? А за то, что послушались этихъ негодяевъ. А вѣдь какая славная эта молодежь; народъ честный, правдивый! Какъ они всегда хорошо отзывались о русскихъ, особенно о военныхъ. Да вѣдь мы съ военными всегда жили дружно и очень пріятно проводили время. Какіе все они милые, простые, незлобивые!“ и проч. и проч. А кто харкалъ, плевалъ при встрѣчѣ на улицѣ, толкалъ ихъ, а иногда и наносилъ имъ побои, давалъ копачьи концерты, билъ окна ихъ квартиръ, и т. п. — возражалъ я на слова польской барыни. „О! это все дѣлалъ простой классъ, мы все были противъ этого и всегда осуждали этихъ негодяевъ“. — „О! нѣтъ, не простой классъ, а паны и паньи; я самъ былъ тому свидѣтелемъ—возражалъ я. „Ну это все люди мало образованные и при томъ подстрекаемые негодьями. Порядочный человекъ никогда этого не дѣлалъ, я всегда осуждала подобныя дѣйствія, всегда говорила: перестаньте глупить, а то будетъ худо; будете послѣ каяться, да поздно; нѣтъ—не послушались, вотъ теперь и плачутъ. Это самъ Богъ наказываетъ ихъ. Вотъ дожили до какой бѣды. Но, впрочемъ, Богъ не безъ милости: Онъ караетъ, Онъ и милуетъ. Поляки опомнятся, и Царь сжа-

лится надъ ними. И чего они хотятъ? Вѣдь не глупъ-ли народъ? Не разсудятъ того, что онъ только и можетъ благоденствовать подъ вѣдѣніемъ русскаго правительства, особенно подъ властью такого Царя, какъ Александръ Николаевичъ“. Много она говорила мнѣ на этотъ ладъ, наконецъ свернула на другое, стала говорить о томъ, какъ русскіе не злонамятны, какой они добрый народъ; сказала, „что, не смотря на все то, что сдѣлали поляки, русскіе обращаются съ заключенными человѣколюбиво, и потомъ, заплакавъ, добавила: „Богъ заплатитъ вамъ за это. А мы всегда вамъ будемъ благодарны“. Далѣе, обращаясь собственно ко мнѣ, стала говорить, что она уже слышала о мнѣ много хорошаго, что я человѣкъ честный, добрый и ласково обращающійся съ арестантами, потомъ прибавила: дѣлайте такъ, и Богъ васъ не оставитъ, и комитетъ также будетъ вамъ благодаренъ. Вотъ онъ мнѣ за ваши труды велѣлъ передать вамъ“, и при этомъ вынулъ изъ кармана какую-то ассигнацію, хотѣла отдать мнѣ. Но я отклонилъ это предложеніе, говоря: „много благодаренъ комитету, но денегъ не возьму, потому что нужды ни въ чемъ не имѣю, и все, что мнѣ нужно, имѣю отъ Царя, и все дѣлаю, какъ присягаль, согласно волѣ начальства, а потому будьте благодарны не мнѣ, а начальству“. — „Да это, конечно, такъ, но вѣдь вы много трудитесь, а жалованье получаете небольшое“. — „Не понимаю, какимъ образомъ вы можете заключать о моемъ трудѣ, тогда какъ я здѣсь еще

и сутокъ не пробыль“. — „Ну да вѣдь человѣка можно узнать по наружности“. Ну, думаю, съ этою бабой не скоро сладишь; вѣрно ей нужно, что-нибудь отъ меня, что она такъ разговорила, да и деньги еще предлагаетъ. Это не даромъ. Прикинусь дурачкомъ, простенькимъ; посмотрю, что будетъ дальше, а хорошо-бы поймать ее на удочку; вѣрно — пришла съ какимъ-нибудь порученіемъ отъ комитета. Во всякомъ случаѣ нужно узнать, что ей нужно отъ меня. — „Мнѣ извѣстно — сказать я польской барынѣ, что на вашей обязанности лежитъ помочь бѣднымъ арестованнымъ, своимъ падшимъ братьямъ, что вы, по добротѣ своей, хлопочете о нихъ, а потому я всегда радъ раздѣлить трудъ вашъ, сколько могу“. — „Вотъ сейчасъ и видно, что вы добрый человѣкъ, спасибо вамъ:“ при этомъ она взяла меня за руку и со слезами на глазахъ, сильно пожала ее. Ну, думаю, бѣсъ баба; ты разчувствовалась не даромъ, а тебѣ хочется поймать меня на удочку. Посмотримъ кого проведетъ. Ты не глупа, да вѣдь и мы видавали виды. Я тоже тертый калачъ. Не первый разъ говорилъ съ поляками. Слава Богу, десять лѣтъ между поляками живемъ. — „Богъ васъ за это не оставитъ. продолжала пани Бу...ская, Онъ велѣлъ помогать несчастнымъ. Какъ пріятно говорить съ человѣкомъ, который понимаетъ, сочувствуетъ всему доброму. Я всегда была хорошаго мнѣнія о русскихъ. Вѣдь и въ нихъ, тоже, какъ и въ насъ, течетъ одна кровь славянская, да еще освященная

христіанством“ и много еще говорила барыня, и все со слезами на глазах; наконецъ, подавъ мнѣ руку, она сказала: „я вполнѣ надѣюсь на васъ; вы будете мнѣ помогать въ оказаніи помощи нашимъ несчастнымъ братьямъ“. Экъ, думаю, куда хватила, стой, что будетъ дальше? „Вотъ видите-ли, продолжала она, родные такихъ-то, вчера арестованныхъ, прислали имъ чрезъ меня нѣсколько платья и бѣлья, такъ мнѣ нужно передать имъ поскорѣе, тѣмъ болѣе, что я слышала, что они почти совсѣмъ безъ бѣлья были схвачены въ лѣсу, гдѣ они бѣдные бродили нѣсколько мѣсяцевъ, безъ крова и безъ пищи, и холодные, и голодные; такъ я буду васъ покорнѣйше просить доставить имъ это платье и бѣлье. Вы придите завтра часовъ въ десять въ канцелярію, тамъ и я въ это время буду, и отдамъ вамъ эти вещи, а вы потрудитесь сейчасъ передать ихъ кому нужно“.—А отъ кого-же вы знаете, полюбопытствовалъ я спросить ее, что они приведены сюда безъ бѣлья въ тюрьму, и теперь тамъ находятся“.— „Да я вчера сама видѣла, какъ ихъ привели, и какъ я еще ничего имъ не доставляла, то и думаю, что они и теперь безъ бѣлья“.— „Нѣтъ, говорю я, они вчера-же получили бѣлье“. — „Но я все-таки, во всякомъ случаѣ, васъ прошу завтра придти въ десять часовъ въ канцелярію; я знаю, что вы, по свойственной вамъ добротѣ, исполните мою просьбу“. — „Да, вы можете въ канцеляріи оставить вещи, а я приду за ними“. — „О, нѣтъ! Я лучше сдамъ вамъ ихъ съ рукъ на руки, а то,

скажу вамъ по секрету; въ канцеляріи онѣ могутъ пропасть. Придите пожалуйста; надѣюсь, что вы исполните мою христіанскую просьбу“. — Ну, думаю, тутъ что-нибудь да есть, а то зачѣмъ ей такъ просить меня, когда бѣлье и платье и безъ меня можно оставить въ канцеляріи. Пропажа изъ канцеляріи едва-ли возможна; тутъ—что-нибудь другое. „Хорошо, говорю, завтра въ десять часовъ буду въ канцеляріи“. — „Вотъ и прекрасно, а я вамъ за это по гробъ буду благодарна. Прощайте!“ За тѣмъ еще разъ пожавъ руку, ушла. Чтобъ не попасть какъ-нибудь въ просакъ, я, по уходѣ ея, тотчасъ отправился къ коменданту тюрьмы и передалъ ему весь разговоръ съ Бу.....скою и предложеніе мнѣ, отъ имени комитета, благодарности деньгами. Это я сдѣлалъ изъ предосторожности, потому что поляки, не успѣвъ поймать на удочку нужнаго чловѣка, старались вредить ему, чтобы сдѣлать его не опаснымъ для себя, заподозрить его въ глазахъ начальства, и т. п. Я слышалъ не разъ, какіе они употребляютъ способы противъ людей не поддающихся ихъ искушеніямъ, и зналъ, что борьба съ ними очень опасна; что нужно имѣть зоркій глазъ и много ловкости, чтобы устоять въ борьбѣ съ такими противниками. Главнымъ условіемъ успѣха я считалъ совершенную откровенность въ отношеніи къ начальству. Я принялъ за правило не только не скрывать отъ него своихъ дѣйствій, но въ иныхъ случаяхъ руководиться его совѣтами на счетъ своихъ намѣреній. Только при такихъ условіяхъ на-

чальство можетъ вполнѣ довѣриться человѣку и видѣть истинную суть и его дѣйстви.

Изъ разговора съ госпожею Бу...скою не трудно было вывести заключеніе, что: во 1) лица, за которыхъ она хлопотала, почему-то были дороги для комитета и во 2) комитетъ желалъ привлечь меня на свою сторону. Еще до вступленія въ настоящую должность я много слышалъ о комитетѣ и цѣли его существованія и о средствахъ, употребляемыхъ имъ для достиженія своихъ цѣлей. И потому я рѣшился, во что-бы-то ни стало, по возможности, разстраивать его козни, по-крайней-мѣрѣ въ тюрьмѣ, и для этого считалъ необходимымъ дѣйствовать его-же средствами, то есть на время облечься въ отвратительную пелену іезуитизма. Прежде всего надлежало втереться въ довѣріе попечительницы, искусно притворяясь, будто-бы исполняю въ точности ея порученія. Надлежало дѣйствовать такъ ловко, чтобы она не имѣла на меня и тѣни подозрѣнія, и для этого маскировать свои дѣйствія отъ всѣхъ, и даже отъ тюремныхъ служителей. Необходимо было также заслужить довѣріе арестованныхъ мятежниковъ. Благодаря моей природной смѣливости, находчивости и терпѣнію (какъ увидитъ читатель), я достигъ и того и другаго и, не подвергаясь упреку въ хвастовствѣ, смѣло могу сказать, что мнѣ удалось принести не малую долю пользы. Прямая моя обязанность въ тюрьмѣ, какъ я уже и сказалъ, была — передавать арестантамъ платье, бѣлье и съѣстные припасы, принимая эти

предметы то отъ сказанной попечительницы, то отъ другихъ лицъ, объявлявшихъ себя родными арестантовъ, всему получаемому дѣлать строжайшій осмотръ, который я дѣлалъ такъ искусно, что никому и въ голову не приходило, чтобы мнѣ было что-либо извѣстно; всѣ, бывшіе со мною въ сношеніяхъ, кромѣ ближайшаго начальства, считали меня простячкомъ, что чрезвычайно облегчало мои дѣйствія.

Чтобъ быть вѣрнымъ слову, я на другой день послѣ свиданія съ г-жею Бу...скою, ровно въ десять часовъ уже былъ въ канцеляріи тюремнаго коменданта; но прежде хотѣлъ разузнать, что за люди тѣ арестанты, о которыхъ говорила Бу...ская. Это были мятежническіе офицеры, взятые въ лѣсу при разбитіи одной изъ бандъ, и въ числѣ ихъ нѣкто С....., помѣщикъ Плоцкой губерніи, помощникъ предводителя банды, убитаго въ сраженіи. Ну, думаю, тутъ нужно держать ухо остро, можетъ быть, удастся узнать кое-что хорошенькое. Въ половинѣ одиннадцатаго явилась Бу...ская и съ нею чело-вѣкъ съ большимъ узломъ бѣлья и платья; выбравъ нужное изъ узла, она отдала мнѣ эти вещи, для передачи арестантамъ, а за тѣмъ, отдѣливъ нѣсколько штукъ тонкаго бѣлья, сказала мнѣ: „а вотъ это отдайте отъ родныхъ пану С....“ и развернувъ узелъ, шужливо прибавила: „смотрите-же, хорошенько обшарьте, нѣтъ-ли чего подозрительнаго; вѣдь вы знаете, что поляки, и особенно польки, народъ хитрый. Остерегайтесь, чтобы онѣ не об-

манули васъ“. Я бѣгло осмотрѣвъ вещи, отвѣчалъ: „полноте, ну что тутъ можетъ быть подозрительнаго?“ — „То-то-же возразила Бу...ская. А вѣдь намъ ни въ чемъ не вѣрять, какъ-будто уже мы такой дурной народъ. Не вѣрять, что и между нами есть люди самые благонамѣренные, да вотъ хоть напр. члены комитета; ни кто про нихъ дурнаго слова не скажетъ; всѣ они душею преданы правительству“. Ладно, думаю, хорошо поешь, гдѣ-то сядешь. Знаемъ мы этихъ благонамѣренныхъ людей; не клади имъ пальца въ ротъ. — „Такъ пожалуйста, пане Буланцовъ, передайте сейчасъ-же эти вещи и скажите, что родные и знакомые заключенныхъ о нихъ очень беспокоятся. Прощайте! Будьте здоровы!“ Я отправился въ свою комнату и думаю: нужно хорошенько осмотрѣть вещи; не можетъ быть, чтобъ тутъ чего-нибудь да не было. Осмотрѣлъ сначала швы; нѣтъ ничего; началъ осматривать сквозь свѣтъ, смотрю — на одной рубашкѣ проколоты тонкія польскія буквы. Я ихъ сейчасъ переложилъ на бумагу и читаю (въ русскомъ переводѣ): „Гдѣ спрятано? Сегодня вечеромъ васъ будутъ допрашивать въ комисіи. Въ протоколѣ показанія отмѣтите знаками отвѣтъ. Мы стараемся. Долго сидѣть въ тюрьмѣ не будете. Наши вездѣ побѣждаютъ. Не сегодня, завтра, ожидаемъ гостей изъ за-границы. Церковь за васъ молится. Будьте и въ тюрьмѣ истиннымъ полякомъ“. — Вотъ въ чемъ штука, думаю; что-же такое это спрятано; нужно дѣйствовать осторожно; значить — и въ ком-

мисіи есть ихъ пособники, кто-жь-бы это былъ та- кой? Плохо дѣло! Наконецъ, какіе-же это ихъ знаки? Пойду, доложу о всемъ коменданту, а сорочку от- дамъ по принадлежности. Комендантъ отправилъ меня къ предсѣдателю комисіи, которому я до- жилъ о найденномъ мною, прося его не выдавать меня, чтобы на будущее время не потерялъ я до- вѣрія попечительницы и не лишился возможности слѣдить за мятежническою перепискою. „Объ этомъ не безпокойся, отвѣчалъ предсѣдатель комисіи, труды твои не пропадутъ“. Вечеромъ дѣйствительно С...скаго позвали въ комисію. Въ протоколѣ до- проса, писанномъ имъ собственноручно, дѣйстви- тельно нашли особые знаки надъ буквами въ видѣ точекъ, какъ-будто нечаянно поставленныхъ, и при томъ такихъ миниатюрныхъ, что ихъ могли усмо- трѣть только чрезъ увеличительное стекло. И что- же открылось? С.... отвѣчалъ: „Все сложено въ лѣсу, около деревни М... въ разстояніи отъ ней не болѣе ста сажень, на право, подъ деревомъ, на которомъ полотняный флагъ съ польскимъ зна- комъ. На зрителя за бѣльемъ, кажется, можно положиться“. Вечеромъ, предсѣдатель комисіи объя- вилъ мнѣ, что о мнѣ написано. „Очень радъ — от- вѣчалъ я — что сумѣлъ заслужить довѣріе этихъ почтенныхъ людей; теперь поразузнаю и больше“. „Смотри, не промахнись“, сказала мнѣ предсѣда- тель. „Объ этомъ не безпокойтесь, ваше высоко- благородіе“, отвѣчалъ я.

Въ указанномъ мѣстѣ нашли нѣсколько сотъ

ружей, много пороху, пуль, одежды и съѣстныхъ припасовъ; въ послѣдствіи обнаружилось, что, когда войска наши разбили банду, мятежники, по приказанію С...скаго, зарыли означенные припасы, чтобы они не достались въ руки нашихъ войскъ. Этотъ обыскъ былъ сдѣланъ такъ ловко, что поляки не подозрѣвали меня въ обнаруженіи ихъ козней и приписывали открытіе склада случаю, говоря, что польскій значекъ на деревѣ выдалъ ихъ тайну.

Нѣсколько спустя привели въ тюрьму помѣщика Р.....; его арестовали въ собственномъ домѣ, въ городѣ, за что? не знаю. Черезъ два дня послѣ его ареста меня потребовали въ канцелярію. Застаю тамъ Бу...скую. Опять начала заговаривать зубы мнѣ, что я золотой человекъ, просто кладъ для нихъ, что я свалился съ неба, и потомъ завела рѣчь о Р....., какой онъ милый, прекрасный человекъ, что жида оклеветали его изъ злобы къ нему, что онъ совершенно напрасно попалъ въ тюрьму, что она его очень хорошо знаетъ, и прибавила, что Р... человекъ больной, и что домашніе его прислали ему три сдобныхъ хлѣбца. Пожалуйста передайте ихъ и скажите ему, что всё его домашніе живы и здоровы и надѣются, что скоро его выпустятъ. При этомъ взявъ одинъ изъ хлѣбовъ, сказала: „фу! какой горячій; видно, что сейчасъ изъ печи; только не сырой-ли“, и отрѣзавъ небольшой ломтокъ, сама отвѣдала, и дала мнѣ отвѣдать. „Кажется не сыръ?“ спросила она. Нисколько, отвѣчалъ я. „Такъ пожалуйста передайте

ему“. — Хорошо, сейчас отдамъ. Бу...ская ушла, и я отнесъ хлѣбъ въ свою комнату. Отрѣжу, думаю, еще ломотокъ, да и снесу больному, а то онъ бѣдняжка голодень. Пану Р...у довольно и оставшаго. Скажу ему, что отрѣзаль кусокъ для больного; конечно, онъ не обидится. Около моей комнаты, въ казематѣ, содержался одинъ изъ арестованныхъ въ лѣсу, молодой человекъ, нѣкто Д..... Говорили, что онъ, вынужденный холодомъ и голодомъ, вышелъ самъ изъ лѣса на встрѣчу войску и сдался; его привели въ тюрьму, почти нагаго, и такого блѣднаго, изнуреннаго, что хоть сейчасъ въ гробъ клади. А ему еще и двадцати лѣтъ не было; сказывали, что онъ гимназистъ пятого или шестаго класса; нельзя было равнодушно смотрѣть на него: такъ онъ былъ жалокъ. Начинаю рѣзать хлѣбъ, задѣлъ за что-то, въ родѣ бумаги, смотрю дѣйствительно виденъ кусокъ бумаги. Что-бы это значило? Рѣжу хлѣбъ по-поламъ, тамъ—записка. Вотъ вѣдь какой хитрый народъ! Ну ужъ теперь не проведете меня. Буду обшаривать ваши вещи не такъ. Читаю записку, пишутъ: „гдѣ бумаги и прочее, отвѣтъ чрезъ особые знаки на протоколѣ допроса въ комисіи“. Ну, думаю опять та-же исторія. Списалъ записку и остановился. Какъ-же передать ее? Вѣдь если опять вложить въ тотъ-же хлѣбъ, то замѣтитъ, и тогда пропало дѣло. Пошелъ посоветоваться къ презусу комисіи; рѣшено вмѣсто этихъ хлѣбовъ спечь другіе такіе-же, и въ одинъ изъ нихъ вложить записку. Такъ и сдѣлали. Пере-

давши хлѣбъ Р...у, я сталъ наблюдать за нимъ въ щель двери. Вижу—онъ, тщательно осмотрѣвъ всѣ хлѣбы, сталъ ломать каждый изъ нихъ, оборачиваясь назадъ и заглядывая безпрестанно въ маленькое оконце дверей каземата, чтобы убѣдиться, не наблюдаетъ-ли кто за нимъ; разломаетъ хлѣбъ и подойдетъ къ оконцу; боится не смотреть-ли кто, а щели, въ которую смотрю я, не замѣчаетъ. Наконецъ, разломавъ хлѣбъ въ которомъ была запечена записка, онъ опять подошелъ къ оконцу, развернулъ записку, сталъ задомъ къ двери, прочиталъ записку и потомъ проглотилъ ее. Вотъ, думаю, ловко, такъ ловко, и слѣдовъ записки не найдешь. Днемъ съ огнемъ не отыщешь. Я отправился къ предсѣдателю комисіи и рассказалъ ему все, какъ было. На другой день утромъ, потребовали Р.... въ комисію и, по особымъ знакамъ на протоколѣ допроса, узнали, что все передано нѣкому Д...у, у котораго сейчасъ-же сдѣланъ обыскъ; нашли: печать народоваго ржонда (народнаго управленія) и много важныхъ бумагъ, а самаго Р....а вечеромъ отправили въ Варшаву. Скорый обыскъ у Д....а открылъ глаза польскому комитету и нашей попечительницѣ; они убѣдились, что ихъ кто-то выдаетъ. На другое утро является въ тюрьму госпожа Бу....ская, встрѣчается со мною, спрашиваетъ о заключенныхъ и, между-прочимъ, какъ-будто безъ умысла, заводитъ разговоръ о хлѣбахъ. „Что понравился-ли Р...у хлѣбъ“, спросила она.— Право не знаю, я его съ-тѣхъ-поръ не видалъ,

впрочемъ сегодня вечеромъ зайду къ нему, отвѣчалъ я, какъ-будто не зная, что онъ еще вчера отправленъ въ Варшаву. „Да вы развѣ не каждый день видите всѣхъ заключенныхъ?“ спросила меня Бу...ская.—Гдѣ-жъ каждаго видѣть, отвѣчалъ я, вѣдь ихъ тутъ не одна сотня. — „Да развѣ не вы присматриваете за ними?“ — Нѣтъ. Я только раздаю бѣлье, а что? — „Да меня удивило то, что вы не знаете, что Р..... еще вчера отправленъ въ Варшаву“.—Гдѣ-же тутъ все знать? Вѣдь каждый день ихъ, то привозятъ, то отправляютъ десятками. — „А не знаете, за что его отправили въ Варшаву?“ спросилъ я въ свою очередь. „Не знаю; все жиды проклятые“.—Ну полно, такъ-ли, безъ вины таскать не стануть; вѣрно, что-нибудь да есть за нимъ. — „О, нѣтъ! Увѣряю васъ, что онъ чистъ, какъ младенецъ“.—„Ну, Богъ съ нимъ! Это не наше дѣло, а не принесли-ли вы намъ еще бѣлья, а то вчера привели много новыхъ арестантовъ; они крѣпко нуждаются во всемъ. — „Какъ-же, принесла“ отвѣчала Бу...ская и ушла, отдавъ мнѣ нѣсколько штукъ бѣлья.

Комитетъ не узналъ, кто выдалъ его, и если подозрѣвалъ кого-нибудь, то вѣрно не меня, потому что отношенія мои къ Бу.....ской остались тѣ же, и впослѣдствіи, изъ другихъ данныхъ, я узналъ, что комитетъ и Бу...ская считали меня, какъ я уже сказалъ, простячкомъ, неопаснымъ для нихъ. Имъ и въ голову не приходило, чтобы я ухитрился открыть ихъ искусную переписку, и они, какъ

у насъ слышно было, подозрѣвали въ томъ какого-либо изъ своихъ агентовъ при комиссіи, но кого именно? Неизвѣстно. Если-бы комитетъ и Бу.....ская считали меня способнымъ открывать тайны ихъ корреспонденціи, то не продолжали-бы переписываться чрезъ мои руки, а пустили-бы въ ходъ всю свойственную имъ изобрѣтательность для пріисканія другихъ способовъ пересылки своихъ писемъ. Правда, доставленіе записокъ чрезъ мои руки было самымъ выгоднѣйшимъ средствомъ для комитета во всѣхъ отношеніяхъ. 1) Въ случаѣ открытія переписки, комитетъ оставался въ сторонѣ и всегда могъ сказать, что не его дѣло осматривать вещи, присылаемые арестантамъ отъ частныхъ лицъ, либо отъ родныхъ, и что обязанности комитета ограничивались раздачею вещей нуждающимся заключеннымъ. 2) Что передача ихъ чрезъ руки особаго смотрителя за бѣльемъ, лица оффиціального, нарочно къ тому приставленнаго, служило яснымъ доказательствомъ безвинности комитета. То-же самое всегда могла сказать попечительница Бу.....ская. Напротивъ того, передача вещей чрезъ другія руки подвергала комитетъ большей отвѣтственности. Представьте себѣ, напримѣръ, что Бу.....ская, по распоряженію комитета, передала-бы арестанту записку, или какую-нибудь вещь, чрезъ караульнаго солдата (въ тюрьмѣ служителей не было, а ихъ должность исправляли караульные) и такая передача была-бы открыта. Неясно-ли, что это послужило-бы явною уликой комитету? Слѣдовательно и

для комитета и для Бу.....ской единственный, вѣрнѣйшій путь былъ—передать все чрезъ мои руки. Конечно, если-бъ комитетъ считалъ меня вреднымъ для себя, то не остановился-бы предъ такимъ препятствіемъ и вѣрно нашель-бы другіе способы для приведенія въ дѣйствіе своихъ тайныхъ пружинъ, какъ это и было имъ сдѣлано впоследствии, но въ такомъ случаѣ, онъ нечрепѣнно подвергался опасности, не сегодня, такъ завтра, выказать свою неблагонадежность; ему нужно-бъ было каждую минуту опасаться за себя, быть на сторожѣ; малѣйшая оплошность могла навлечь на него подозрѣніе и погубить его. Поэтому комитетъ долженъ былъ держаться меня крѣпко и только въ крайнемъ случаѣ, при явныхъ уликахъ моей неблагонадежности, прекратить свои дѣйствія чрезъ мое посредство. Такъ онъ и сдѣлалъ и держался за меня, пока я вполне не разоблачился передъ нимъ. Къ этому привелъ слѣдующій случай: Однажды Бу.....ская принесла для передачи одному изъ ключевыхъ стаканъ и чайникъ. Разматривая внимательно эти вещи, я остановился на шишкѣ крышки чайника; меня поразило ея особое устройство; я сталъ разглядывать ее то съ одной, то съ другой стороны, и наконецъ, увидя черную точку, крѣпко пожалъ ее; вдругъ—шишка распалась на двое. Въ срединѣ было углубленіе и въ немъ записка слѣдующаго содержанія: „Умоляютъ заключеннаго быть мужественнымъ, твердымъ, какъ камень, не выдавая никого и ничего; ходятъ слухи о вступ-

леніи въ Польшу французовъ, и что не сегодня, такъ завтра, наступитъ совершенное освобожденіе Польши отъ москалей; въ заключеніе пишутъ, что завтра для свиданія съ нимъ придетъ въ тюрьму крестьянинъ, который принесетъ ему вещи и съѣстное; ему заключенный долженъ открыть, гдѣ все спрятано.“ Прочитавъ эту записку, я тотчасъ отправился къ предѣдателю комисіи, который приказалъ передать записку по принадлежности и найти кого-нибудь, кто подъ видомъ крестьянина, выведаль-бы отъ заключеннаго все нужное. Отыскавъ способнаго къ тому человѣка, потребовали на другой день заключеннаго на свиданіе съ пришедшимъ къ нему крестьяниномъ, и такъ ловко разыграли эту комедію, что заключенный высказалъ все, и мы узнали, что у него въ имѣньѣ у забора, подъ яблоней, зарыто было много съѣстныхъ припасовъ для мятежниковъ, а также типографическіе станки, много напечатанныхъ прокламацій. Сдѣлали обыскъ и дѣйствительно нашли станки, сотни двѣ готовыхъ прокламацій и множество съѣстныхъ припасовъ. Послѣ этого случая подозрѣніе прямо пало на тюрьму, меня стали опасаться. Попечительница измѣнила обращеніе со мною, разговоровъ между нами, кромѣ официальныхъ, никакихъ не было; но все-таки она еще не была увѣрена вполне, дѣйствительно-ли я выдалъ ея собратій. Это я заключилъ изъ разговора ея съ письмоводителемъ тюремной канцеляріи Лисовскимъ, однимъ изъ ярыхъ пособниковъ комитета. „Я его уже давно подозрѣ-

валь, говорилъ Лисовскій. О! Это прехитрѣйшій человекъ, потому-то именно ему и поручили эту должность; въ разговорахъ съ нимъ будьте осторожнѣе; а то онъ въ одно ухо влѣзетъ и въ другое вылѣзетъ, а вы и не замѣтите; вѣдь онъ извѣстный лазутчикъ“. — О! нѣтъ, пане Лисовскій, отвѣчала Бу.....ская. Вы кажется сердиты по чему-нибудь на него, оттого немного и пристрастны; правда, онъ, какъ я вижу теперь, человекъ не совсемъ надежный для насъ, но кажется и не такой вредный, какъ вы полагаете. Я не думаю, чтобъ онъ могъ открывать нашу переписку; вѣдь за нимъ слѣдятъ многіе изъ нашихъ и никогда еще никто не замѣтилъ съ его стороны особаго усердія вредить намъ. Последняя записка была спрятана въ такомъ мѣстѣ, что я показывала чайникъ механикамъ и тѣ не могли найти секретнаго мѣста, и я думаю, что выдалъ кто-нибудь изъ нашихъ. Въ последнее время у насъ много появилось такихъ негодяевъ.“ — „А я положительно обвиняю Буланцова, возразилъ Лисовскій, не даромъ онъ шныряетъ къ коменданту“. — „Богъ его знаетъ, и то можетъ быть, приму мѣры предосторожности; но все-таки еще сомнѣваюсь“ — говорила Бу.....ская. Этотъ разговоръ я нечаянно подслушала, проходя мимо квартиры Лисовскаго. Окно на дворъ было открыто, и около окна велась бесѣда. Письмоводитель Лисовскій умѣлъ въ острогѣ вести дѣло такъ хитро, что начальство считало его въ числѣ самыхъ благонадежныхъ людей, не смотря на то, что онъ принад-

лежалъ къ партіи народнаго комитета; онъ умѣлъ снискать такое довѣріе, что, не смотря на нѣскольکو данныхъ, выведенныхъ мною наружу, его все-таки держали письмоводителемъ въ канцеляріи; впрочемъ, можетъ-быть, что одною изъ причинъ оставленія его въ должности было и то, что онъ былъ очень бѣденъ, имѣлъ большое семейство, давно уже служилъ при тюрьмѣ и, должно сознаться, зналъ свое дѣло по части письмоводителя.

Я уже сказалъ, что послѣ исторіи съ крестьяниномъ комитетъ сталъ меня подозрѣвать, но не считалъ меня вреднымъ для себя. Положительно онъ узналъ меня по слѣдующему случаю. Нужно сказать, что при самомъ вступленіи въ должность надзирателя за бѣльемъ, я сталъ въ какое-то враждебное положеніе къ письмоводителю Лисовскому, сначала безъ всякихъ причинъ, а просто онъ мнѣ не нравился за свои ухватки. Всегда черезъ-чуръ вѣжливый, падающій съ поклономъ почти до ногъ, всегда съ заискивающею фізіономіею: таковъ былъ Лисовскій, и сердце мое не лежало къ нему. Такія-же чувства и онъ питалъ ко мнѣ. Вѣроятно мы поняли другъ друга съ перваго раза. Онъ мнѣ всячески образомъ старался вредить, и все изъ подтишка; такъ на примѣръ, въ разговорѣ съ комедантомъ ввернетъ какое-нибудь слово не въ мою пользу и такъ ловко, какъ-будто мимоходомъ. О! истый былъ іезуитъ! Комитетъ, кромѣ платя и бѣлья, доставлялъ многимъ изъ заключенныхъ и пищу, приготовленіе которой принялъ на себя

Лисовскій. Пища отъ него доставлялась арестантамъ и чрезъ караульныхъ солдатъ, и прямо чрезъ его семейство. Дочери его сами раздавали пищу нѣкоторымъ изъ заключенныхъ. Я всегда строго наблюдалъ, чтобы при раздачѣ пищи не было-бы какой-нибудь другой передачи, или непроизвольнаго разговора. Это, конечно, не могло нравиться какъ самому пану Лисовскому, такъ еще болѣе семейству его, но я не могъ поступать иначе, потому что караульный офицеръ приказывалъ мнѣ строго слѣдить за пищею арестантовъ.

Послѣ вышеизложеннаго разговора съ Лисовскимъ, Бу.....ская стала часто посѣщать его семейство. Завелись между ними шашни, на которыя я обратилъ вниманіе и не напрасно. Нѣсколько разъ удавалось мнѣ открыть ихъ продѣлки. Я замѣтилъ, что, при раздачѣ пищи, дочери Лисовскаго что-то передавали арестантамъ. Два раза я на это посмотрѣлъ сквозь пальцы, а на третій поймалъ ихъ и по тихонько спрашиваю: „Что это такое? Позвольте посмотрѣть“, да и захватилъ записки, правда пустячныя, но вѣдь все-таки за это запретили дочерямъ Лисовскаго носить пищу арестантамъ. Потомъ стали переговариваться съ заключенными чрезъ пантомины, но я и тутъ не далъ маху и разузналъ всѣ ихъ пантоминныя штуки. Словомъ сказать, у меня завелась открытая война съ бабами семейства Лисовскихъ; я ловилъ каждое ихъ слово, каждое дѣйствіе. При такомъ положеніи дѣлъ, я вполне разоблачился предъ Бу.....скою и комитетомъ

и потерялъ всякое ихъ довѣріе. Они убѣдились, что я самый вреднѣйшій для нихъ человѣкъ. Въ-стѣ съ тѣмъ я показаль и начальству, что такое комитетъ, и обнаружилъ весь вредъ его существованія на такихъ враждебныхъ правительству началахъ. Лисовскіе сами проговорились, что они все дѣлали по просьбѣ Бу.....ской и членовъ комитета. Начальство приказало закрыть всѣ такіе комитеты, возложивъ обязанности ихъ на коменданта. Такимъ образомъ народовой ржондъ лишился одного изъ важнѣйшихъ своихъ орудій.

Я изложилъ только три случая, сдѣланныхъ мною открытій, весьма полезныхъ для правительства. хотя такихъ случаевъ было очень много; но какъ перехваченныя мною записки были почти всѣ одного и того-же содержанія, то и не считаю нужнымъ утруждать читателя болѣе подробнымъ объясненіемъ по сему предмету и скажу только, что открытіе мятежнической переписки много послужило къ открытію всей сути заговора. Много типографическихъ и литографическихъ станковъ и важныхъ бумагъ, много оружія, одежды, съѣстныхъ припасовъ и т. п. было открыто чрезъ ревностное соблюденіе мною обязанности смотрителя за бѣльемъ и одеждою арестантовъ.

Кромѣ означеннаго способа, т. е. открытія переписки, мною употреблялся еще съ большимъ успѣхомъ другой способъ для обнаруженія орудій заговора, именно—ловкое выпытываніе арестантовъ; для этого я часто заключался въ комнаты вмѣ-

стѣ съ новопривышимъ арестантомъ и разыгрывающая роль яраго мятежника, захваченнаго за тяжкія преступленія, постоянно успѣваль расположить къ себѣ заключеннаго и выпытывать отъ него все что было нужно. Часто случалось съ арестантомъ сидѣть цѣлые дни. Многихъ изъ нихъ я привлекалъ къ себѣ до такой степени, что они мнѣ подробно рассказывали всю свою жизнь, не скрывая ничего. Впослѣдствіи познакомлю читателя съ нѣкоторыми изъ болѣе интересныхъ случаевъ, послужившихъ къ открытію главныхъ орудій заговора, чрезъ ловкое выпытываніе заключенныхъ. Но прежде считаю неизлишнимъ описать, хотя поверхностно, тюремную жизнь заключенныхъ.

Полякамъ-мятежникамъ въ тюрьмѣ житье было привольное; и пили и ѣли они вдоволь и хорошо, имѣли всегда чистое бѣлье и занимали опрятный казематъ. Ихъ пускали гулять по двору, хотя и не всѣхъ вмѣстѣ, а отдѣльными партіями; обращались съ ними вѣжливо; не было примѣра, чтобы кто-нибудь изъ заключенныхъ жаловался на тюремное начальство или на прислугу за дерзкое обращеніе; допускались свиданія съ родными; дозволяли имъ получать отъ родныхъ и знакомыхъ, какъ съѣстные припасы, такъ и чай, сахаръ и все необходимое; многимъ изъ нихъ давали книги; словомъ сказать — имъ не дѣлали ни малѣйшихъ притѣсненій. Правда, иногда бывало чрезъ-чуръ тѣсненько въ тюрьмѣ, но этому горю помочь было трудно; нельзя же было растянуть тюрьмы; хотя отводили и

другія зданія для заключенныхъ, однако-же ихъ было такъ много, что иногда не доставало мѣста для удобнаго ихъ помѣщенія. При постройкѣ тюрьмы, какъ видно, не имѣли въ виду польскаго возстанія. Впрочемъ и въ отношеніи къ мѣсту жительства арестантовъ, дѣлали все, что могли, старались доставлять заключеннымъ всякія удобства, освобождали ихъ изъ подъ ареста, отправляли ихъ въ Новогеоргіевскую крѣпость, либо въ Варшаву, такъ что не всегда было тѣсно, а только по временамъ, въ особенности-же по разбитіи или разсѣяніи какой-нибудь банды, когда мятежниковъ приводили въ тюрьму цѣлыми толпами.

Повстанецъ въ тюрьмѣ какъ-будто-бы перерождался и дѣлался совершенно другимъ человекомъ. На свободѣ, наносившій русскому всевозможныя оскорбленія и словомъ, и дѣломъ, поносившій Россію и все русское, въ тюрьмѣ дѣлался смиренѣе овечки; любезный, всегда готовый падать въ ноги, онъ унижался до крайности, хвалилъ Россію и русскихъ, особенно начальство, ругалъ своихъ, называя ихъ безумцами, проклиналъ тотъ день, ту минуту, въ которую его заманили въ банду, не щадили ксендзовъ и руководителей возстанія, и все это дѣлалось, по-видимому, такъ искренно, что мы, русскіе, становились въ недоумѣніе, какъ человекъ могъ такъ скоро измѣниться, и готовы были видѣть въ каждомъ изъ мятежниковъ невинную жертву. Но въ дѣйствительности каждый изъ нихъ былъ — ни болѣе, ни менѣе, какъ волкъ

въ овечьей шкурѣ, такой-же іезуитъ, какъ и на свободѣ, считавшій всѣ средства позволительными для достиженія цѣли. Иногда, такимъ манеромъ, мятежникамъ удавалось ввести въ заблужденіе начальство и невинная жертва минутнаго увлеченія— повстанецъ освобождался изъ тюрьмы, сбрасывалъ съ себя овечью шкуру и являлся еще болѣе кровожаднымъ. Многіе изъ освобожденныхъ, тотчасъ по выходѣ изъ тюрьмы, опять отправлялись въ лѣсъ, поступали въ жандармы-вѣшатели, дѣлали неслыханныя злодѣйства, и снова попадались въ тюрьму, гдѣ опять перерождались въ овечекъ, но уже не могли провести насъ.

III.

Обличеніе мятежниковъ въ тюрьмѣ.

Составъ польскихъ мятежническихъ бандъ былъ самый разнохарактерный: тутъ были и ксендзь, и панъ, и крестьянинъ, полякъ, италіянецъ, и французъ. Каждымъ изъ нихъ руководили различныя побужденія: крестьянинъ былъ въ бандѣ, потому что ему такъ приказали; французъ и италіянецъ, потому что думали получить хорошее вознагражденіе; ксендзь и панъ, потому что надѣялись опять забрать въ свои руки Польшу; истинныя-же чувства патріотическія у каждаго изъ нихъ были на заднемъ планѣ, или, лучше сказать, патріотическихъ чувствъ вовсе не было: каждый, исключая крестьянъ, заботился только о своихъ личныхъ выгодахъ. Къ тому-же наборъ въ банды былъ самый безтолковый: брали встрѣчнаго и поперечнаго, стараго и малаго. Обучать военнымъ приемамъ было некогда. Очевидно, что мятежническія банды не могли бороться съ регулярными войсками и при первыхъ выстрѣлахъ разбѣгались. Сплошь и рядомъ случалось, что

русскій отрядъ въ триста, четыреста человѣкъ, обращалъ въ бѣгство трехтысячныя банды, и тогда мятежники зарывали въ землю, либо прятали, гдѣ могли: оружіе, порохъ, обозы и съѣстные припасы. Русскія войска, преимущественно-же казаки, настойчиво преслѣдовали обращенныхъ въ бѣгство мятежниковъ, изъ коихъ многіе были захватываемы и отправляемы въ тюрьмы; тамъ отъ нихъ отбирались показанія, при чемъ каждый, конечно, старался выставить себя невинною жертвою и говорилъ все, что приходило въ голову, кромѣ правды. Вотъ у такихъ-то людей доводилось мнѣ выпытывать все, что нужно было — и о мѣстахъ, гдѣ они спрятали оружіе и проч. и о лицахъ, руководившихъ мятежемъ. Заключеннымъ въ тюрьмѣ, какъ я уже сказалъ въ предыдущей главѣ, дозволялось свиданіе съ родными и знакомыми; но это дозволеніе давалось не вдругъ по приводѣ въ тюрьму, а по окончаніи слѣдствія о заключенномъ, такъ что иногда заключенному приходилось ждать подобнаго дозволенія недѣли двѣ и болѣе; а между-тѣмъ ему часто было необходимо передать что-нибудь своимъ роднымъ или знакомымъ. Въ такомъ случаѣ, онъ, тотчасъ по приводѣ, обращался къ кому-нибудь изъ прежде попавшихъ въ тюрьму, коему уже дозволены были такія свиданія. Это дѣлалось обыкновенно при встрѣчѣ арестантовъ на гуляніѣ, или какимъ-нибудь другимъ образомъ, допускаящимъ передачи роднымъ какого-либо важнаго свѣдѣнія о мѣстѣ, гдѣ было скрыто оружіе, и вообще всего

относившагося къ мятежникамъ и къ мятежу. Между заключенными знакомство обыкновенно заводится очень скоро; общее горе болѣе всего сближаетъ людей.

Помнится, въ концѣ мая 1863 года, привели въ тюрьму помѣщика Ч....а. Его захватили у одного изъ сосѣдей его, гдѣ онъ былъ спрятанъ, когда пришли туда наши войска. О немъ ходили слухи, что онъ былъ начальникомъ жандармовъ-вѣшателей. Я въ первый разъ увидаль этого пана, когда привели его въ комендантскую канцелярію. Средняго роста, съ густою черною какъ смоль бородою, съ такими-же длинными волосами, съ орлинымъ носомъ, съ карими, необыкновенно выразительными глазами, съ открытымъ лбомъ, но съ мрачнымъ выраженіемъ лица, онъ производилъ очень невыгодное впечатлѣніе; въ его глазахъ было что-то зловѣщее, казалось, что онъ во всю жизнь свою никогда ни на кого не смотрѣлъ привѣтливо, ласково. На лицѣ его какъ-будто отражалась недобрая душа и, вмѣстѣ съ тѣмъ, желѣзная воля. Видно было, что если что онъ захочетъ сдѣлать, то сдѣлаетъ немедленно, не смотря ни на какія препятствія; словомъ сказать, въ немъ виднѣнъ былъ характеръ и характеръ не изъ дюжинныхъ. Это былъ человѣкъ крѣпкаго закала; видно было, что онъ много испыталъ, много перенесъ въ жизни, и что характеръ его сложился не при благопріятныхъ обстоятельствахъ, что онъ выросъ въ коварной средѣ іезуитизма и что весь гнетъ этого

коварства тяжело легъ на его душу. Едва-ли ему улыбалось когда-нибудь счастье. На всѣ вопросы въ канцеляріи онъ отвѣчалъ отрывисто, ясно и умно, не сказавъ ни одного лишняго слова. Съ такимъ человѣкомъ хитрить было трудно; онъ самъ всякаго видѣлъ насквозь. Я понялъ, что къ этому человѣку приступить прямо не было никакой надежды. Играть съ нимъ комедію было опасно. Помѣститься съ нимъ въ казематъ—было дѣло рискованное. Онъ могъ разгадать меня, и потому я предпочелъ познакомиться съ нимъ на гуляньѣ. Для этого я счелъ нужнымъ переодѣться въ арестантское платье и помѣститься въ казематъ напротивъ того, въ которомъ содержался Ч.....ъ и когда его выведутъ въ корридоръ для гулянья, чтобы въ то-же самое время отперли и мой казематъ и вывели меня какъ-будто-бы тоже на гулянье; такимъ образомъ я надѣялся завязать съ нимъ знакомство и потомъ поступать смотря по обстоятельствамъ. Какъ задумано, такъ и сдѣлано. На другой день, утромъ, я помѣстился въ казематѣ насупротивъ Ч.....а. Въ полдень его вывели на гулянье, и только что онъ вышелъ изъ каземата, выпустили и меня. Ч..... осмотрѣлъ меня съ головы до ногъ. Насъ отправили подъ карауломъ на тюремный дворъ. Ч..... вторично осмотрѣлъ меня и весьма пристально, но не сказалъ мнѣ ни слова. Часовые отошли отъ насъ и стали въ сторонѣ. Мы начали прохаживаться. Ч..... все-таки не заговариваетъ со мною, а только внимательно осматриваетъ меня. Будемъ и мы молъ

чать, подумаль я, и, отойдя отъ поляка нѣсколько шаговъ, сѣлъ на траву. Немного погодя, Ч..... подходитъ ко мнѣ со словами (разговоръ происходилъ на польскомъ языкѣ): „Скажите пожалуйста, тутъ всегда по двое пускаютъ гулять?“ — „Право не знаю, отвѣчалъ я, какое здѣсь обыкновеніе, но только со мною никогда не гуляло болѣе одного; впрочемъ, однажды насъ гуляло трое, а то всегда меня выпускали съ кѣмъ-нибудь вдвоемъ.“ — „А вы давно уже здѣсь сидите?“ — „Да уже болѣе мѣсяца“ — отвѣчалъ я. „Давненько, а откуда вы?“ — „Здѣшній, изъ Плоцка; тутъ у меня и домъ есть, и семейство.“ — „И вамъ съ нимъ позволяютъ свиданіе?“ — „Да.“ — „И всѣмъ позволяютъ?“ — „Всѣмъ, но только послѣ слѣдствія. и я, когда производили о мнѣ слѣдствіе, не имѣлъ ни съ кѣмъ свиданія, а какъ кончили, то дозволили.“ — „А долго идетъ слѣдствіе?“ — „Да какъ случится; иногда недѣли три, а иногда и мѣсяць.“ — „Такъ неужели до-тѣхъ-поръ не позволяютъ ни съ кѣмъ видѣться?“ — „Право, не знаю; попросите коменданта, можетъ быть и дозволить.“ — „Да, нужно-бы, а то—плохо дѣло“, проговорился Ч....., походилъ взадъ и впередъ, да потомъ опять подойдя ко мнѣ, спросилъ: „а скажите пожалуйста, если комендантъ откажетъ мнѣ въ свиданіи, то нельзя-ли какими-нибудь другими путями добиться до него?“ — „Не могу вамъ ничего объ этомъ сказать; но сомнѣваюсь, чтобы можно было имѣть съ кѣмъ-либо свиданіе безъ вѣдома коменданта; да вы лучше обратитесь къ коменданту, по-

просите его хорошенько; вѣроятно, онъ не откажетъ вамъ.“ — „А каковъ здѣшній комендантъ?“ — „Говорятъ, что строгъ, но не золь; съ нами обращается довольно вѣжливо“ — отвѣчалъ я. Въ это время караульные, подойдя къ намъ, объявили, что пора намъ идти по казематамъ. Мы отправились. „До свиданія, сказалъ я Ч....у. Желаю вамъ счастливаго успѣха.“ — „Благодарю“ — отвѣчалъ Ч.... и мы растались. Я сейчасъ-же отправился къ коменданту, рассказалъ ему о разговорѣ и просилъ, ни въ какомъ случаѣ не давать позволенія Ч....у на свиданіе. На другой день, послѣ обѣда, я опять, такимъ-же образомъ, встрѣтился на гуляньѣ съ Ч....ъ. „Ну, что какъ ваши дѣлишки?“ спросилъ я его. „Плохо, отвѣчалъ Ч...., былъ сегодня у коменданта; не позволяетъ видѣться ни съ кѣмъ до окончанія слѣдствія; говоритъ, что этого нельзя дозволить, и что, если мнѣ нужно передать что-либо, то не угодно-ли объявить объ этомъ ему, а онъ, если найдетъ возможнымъ, передастъ кому слѣдуетъ.“ — „Ну, такъ что-же, такъ и сдѣлайте.“ — „Этого нельзя сдѣлать чрезъ коменданта, а нужно устроить какимъ-нибудь другимъ манеромъ, если не свиданіе, то, по-крайней-мѣрѣ, передачу пары словъ, кому нужно.“ — „Это легко; пожалуй, если вамъ угодно, я съ большимъ удовольствіемъ, чрезъ своихъ родныхъ, передамъ вашимъ знакомымъ все, что вамъ угодно; здѣсь такимъ образомъ дѣлаютъ многіе и я уже нѣсколько разъ передавалъ все, что было нужно.“ — „А когда ваши родные къ вамъ

будутъ?“ — „Да они почти каждый день у меня бывають; сегодня ихъ ожидаю. Скажите, что вамъ нужно передать, и кому; я сегодня исполню.“ — „Пожалуйста, если будете такъ добры; мнѣ нужно передать въ корчму, отъ города въ двѣнадцати верстахъ, два слова, именно, что я нахожусь въ тюрьмѣ (Ч..... въ тюрьмѣ). Тамъ есть молодая дѣвушка, дочь хозяина корчмы; ей нужно лично передать, чтобъ она добилась до свиданія со мною; комендантъ сказалъ мнѣ, что чрезъ нѣсколько дней мнѣ это будетъ дозволено.“ При этомъ Ч..... указаль мнѣ, гдѣ именно находится корчма. „Вотъ что скажу вамъ, отвѣчалъ я: моимъ знакомымъ, если они сами или чрезъ кого-нибудь своего-же знакомаго, передадутъ ваше порученіе въ корчму, могутъ не повѣрить; вѣдь вы сами знаете, что въ настоящее время вѣрить всѣмъ и каждому нѣтъ никакой возможности; мало-ли между нами шляется русскихъ шпионовъ; а потому укажите какого-нибудь знакомаго вамъ человѣка, которому-бы вы могли довѣриться и котораго-бы знали въ корчмѣ; мои родные сообщать ему ваше порученіе, а онъ передастъ его въ корчму; такъ мнѣ кажется будетъ надежнѣе.“ — „Дѣйствительно такъ! Дайте мнѣ только подумать, на кого-бы я могъ вамъ указать. Ахъ, да! вотъ у меня здѣсь въ Плоцкѣ есть знакомый обыватель, Д....., вы вѣрно его знаете?“ — „Да, знаю“, отвѣчалъ я. „Вотъ и отлично; у этого Д..... есть сынъ, молодой человѣкъ; онъ учится въ здѣшней гимназіи; такъ пусть ему ваши родные передадутъ все, что

я сказалъ; а его хорошо знаютъ въ этой корчмѣ.“ — „Да вѣдь вотъ въ чемъ дѣло, отвѣчалъ я, и гимназистъ Д..... не повѣритъ на слово моимъ роднымъ дайте какой-нибудь значекъ, по которому онъ могъ-бы сейчасъ удостовѣриться, что порученіе дано именно отъ васъ. Молодой Д..... не знаетъ-ли вашего почерка руки?“ — „Знаетъ. А что?“ — „Такъ вы напишите ему хоть пару словъ, чтобъ онъ не могъ усомниться.“ — „Это можно, да вотъ бѣда, при мнѣ вѣдь нѣтъ ни бумаги, ни чернилъ.“ — „Такъ я вамъ дамъ, сказалъ я, у меня есть.“ При этомъ я досталъ изъ кармана, какъ-бы украдкою, клочекъ бумаги и маленькій карандашъ и осторожно, оглядываясь назадъ, передалъ ихъ Ч.....у, убѣдительно прося его быть осторожнымъ, чтобъ не увидали у него бумаги и карандаша караульные; а то, Боже сохрани, узнаютъ; вѣдь тутъ на этотъ счетъ очень строго.“ — „Объ этомъ не беспокойтесь, отвѣчалъ Ч..... Я сегодня ночью у себя въ казематѣ напишу, а завтра вамъ передамъ.“ На другой день Ч..... дѣйствительно передалъ мнѣ записку слѣдующаго содержанія: „Я нахожусь въ тюрьмѣ. Все, что вамъ будетъ передано предьявителемъ этой записки, исполните въ точности и какъ можно скорѣе.“ За тѣмъ слѣдовала подпись Ч..... „Вотъ и отлично, сказалъ я. Сегодня будутъ ко мнѣ родные, я и передамъ имъ.“ — „Пожалуйста! вы этимъ меня много обяжете.“ Получивъ записку отъ Ч., я долго думалъ о томъ, какъ передать ее молодому Д.....у. Нужно было вести дѣло, какъ можно, осторожнѣе. У

меня въ Плоцкѣ былъ крестникъ, мальчикъ лѣтъ тринадцати, сирота, которому я много помогаль, мальчикъ разбитной, острый, умный, хоть куда. Лицемъ въ грязь не ударить. Онъ иногда исполняль нѣкоторыя изъ моихъ порученій съ большимъ успѣхомъ. Его я и выбралъ посредникомъ въ этомъ дѣлѣ. Я предугадываль, что эта передача записки и свиданіе съ Д..... будутъ имѣть важныя послѣдствія, тѣмъ болѣе, что о Ч..... ходили слухи, что онъ играль важную роль въ мятежѣ. Поэтому я рѣшился, во что-бы-то ни стало, самъ непосредственно участвовать во всемъ, быть очевидцемъ свиданія и проч. А, между-тѣмъ, своему крестнику далъ на первый разъ слѣдующее наставленіе: сказать молодому Д....., остановивъ его гдѣ-нибудь на улицѣ (мой крестникъ зналь почти всѣхъ плоцкихъ жителей) въ глухомъ мѣстѣ, чтобъ онъ вечеромъ пришелъ къ костелу, подъ горой, около Вислы, гдѣ встрѣтитъ человѣка, который передасть ему нѣчто очень важное. Я не хотѣль выпускать изъ своихъ рукъ записки Ч....., и при томъ мнѣ хотѣлось самому лично передать ее Д.....у, чтобъ узнать отъ него, какимъ образомъ онъ сообщитъ порученіе Ч..... въ корчму, и тѣмъ онъ заслужиль его довѣріе. Крестникъ исполниль мое порученіе въ точности и вечеромъ, когда я пришелъ на указанное мѣсто, нашель уже тамъ молодого Д.....а. Я былъ одѣтъ въ польскомъ костюмѣ и имѣль большую накладную бороду. Со мною былъ и крестникъ. Узнавъ, по указанію крестника, Д.....а, я подошелъ къ

нему. „Вы должны исполнить порученіе одного общаго нашего знакомаго“, сказалъ я, и при этомъ далъ ему прочесть записку Ч..... Прочитавъ ее, молодой Д..... затрясся весь: такъ поразила его почему-то записка; онъ спросилъ меня: „неужели Ч..... попался и давно-ли?“ Я сказалъ ему, когда именно, и при этомъ взялъ записку Ч..... обратно, говоря, что нельзя оставить въ его рукахъ этой записки, и на вопросъ Д..... „почему-же?“ отвѣчалъ: „такъ нужно.“ Далѣе о томъ Д....., не спрашивалъ, а только хотѣлъ знать въ чемъ состоитъ порученіе Ч..... „Знаете-ли вы такую-то корчму?“ спросилъ я. „Знаю“, отвѣчалъ онъ. „Значитъ и молодую дѣвушку тамъ знаете?“ — „Да, знаю.“ — „Такъ вы должны отправиться туда и передать хозяину корчмы, что Ч..... посаженъ въ тюрьму; а молодой дѣвушкѣ, дочери его, чтобъ она пріѣхала въ Плоцкъ и, подъ видомъ родственницы Ч..... выпросила-бы свиданіе съ нимъ. Если-же не можете сами лично исполнить порученіе Ч....., то укажите мнѣ кого-либо, кто могъ-бы вѣрно исполнить это порученіе, и при томъ, все это нужно сдѣлать какъ можно скорѣе, не позже какъ завтра: такъ просилъ Ч....“ — „Не знаю какъ вамъ на это отвѣтить, сказалъ Д....., указать вамъ вѣрнаго чело-вѣка, который могъ-бы исполнить такое порученіе, не смѣю, потому что не имѣю въ виду никого, а самъ отправиться за городъ могу только съ дозволенія учителя, котораго завтра классъ; а учитель, навѣрно, ни за что не позволитъ мнѣ отлучиться; и за нами, и за учителями, строго смотрятъ; если-же

я отправлюсь безъ спроса, то сейчасъ-же всѣ объ этомъ узнають, потому что учитель долженъ заявить о моей небытности въ классѣ и послать справиться о мнѣ на квартиру“. — „А какого учителя завтра у васъ классъ?“ спросилъ я. „З...“, отвѣчалъ Д...“ Ну, этого, если попросить хорошенько, такъ отпустить, сказалъ я, и если вы сами не рѣшаетесь просить его, то я схожу къ нему. Можетъ быть онъ и согласится отпустить васъ“. — „Это будетъ лучше“. — „А гдѣ живетъ З...?“ Д... указалъ мнѣ его квартиру и я отправился къ нему, попросивъ Д... дожидаться моего возвращенія отъ З.... Я зналъ, по слухамъ, что учитель гимназіи З... человекъ тонкій, умный, хитрый, заклятый врагъ Россіи и всего русскаго, хотя официально онъ не былъ замѣченъ ни въ чемъ предосудительномъ: такъ тонко онъ умѣлъ вести себя. Говорили тогда, будто-бы онъ много помогаль своими совѣтами организаторамъ мятежа, но самъ остерегался принимать непосредственное участіе въ ихъ продѣлкахъ и продолжалъ свои обычныя занятія въ Плоцкѣ. З.... встрѣтилъ меня очень привѣтливо; я объяснилъ ему причину моего посѣщенія и, поднявъ косынку, показалъ висѣвшій у меня на шеѣ извѣстный польскій мятежническій знакъ (я его всегда носилъ, когда былъ въ польской одеждѣ) и сказалъ ему, что прошу его объ отпускѣ гимназиста Д... во имя этого знака, что дѣло, по которому Д.... долженъ завтра отправиться, очень важно для отчизны, и что, кромѣ Д..., нѣкому довѣрить его. Выслу-

павъ меня З... всталъ съ кресла, подошелъ ко мнѣ, взялъ меня за руку и съ чувствомъ воскликнулъ: „для своей дорогой отчизны, такъ варварски попираемой москалями, я готовъ на все и по тому рѣшаюсь уволить отъ завтрашняго класса Д..., хотя и не сомнѣваюсь, что если узнаютъ о томъ, я пропасть; меня лишатъ мѣста, дающаго мнѣ единственное средство къ жизни моей и семейства моего. Повѣрьте мнѣ, не будь у меня семейства, или имѣй я какое-нибудь состояніе, я первый пошелъ-бы грудью отстаивать святую отчизну; а въ настоящемъ положеніи моемъ — на кого я покину семейство? Впрочемъ и я, по возможности, стараюсь служить нашему дѣлу, хоть добрымъ совѣтомъ, а вѣдь иногда дѣльный совѣтъ много значитъ“. Потомъ З.... сталъ упрашивать меня поступать какъ можно осторожнѣе въ настоящемъ дѣлѣ, и если, какимъ-нибудь образомъ, чего избави Боже, о томъ узнаютъ москаля, не впутывать его. „Объ этомъ не беспокойтесь, отвѣчала я; мы все уладимъ такъ ловко, что не введемъ въ бѣду ни кого“. На прощанье, я предложилъ З...у пяти-рублевую ассигнацію, сказавъ: „возьмите пожалуйста, на гостинцы вашимъ дѣткамъ“. Онъ долго отпѣкивался, наконецъ взялъ, говоря: эта ассигнація будетъ храниться у моихъ дѣтей, какъ самый дорогой подарокъ. Возвратившись къ Д..., я засталъ его разговаривающимъ съ моимъ крестникомъ и объявилъ ему, что онъ уволенъ отъ завтрашняго класса, и что я самъ съ нимъ вмѣстѣ поѣду; при этомъ я посовѣтовалъ

ему достать на дорогу партикулярную одежду, говоря, что это нужно для собственной его безопасности, убѣждалъ его быть осторожнымъ, держать все извѣстное ему въ секретѣ и не открывать ничего самому ближайшему пріятелю, и наконецъ назначилъ ему мѣсто, гдѣ на другой день должна была насъ ожидать повозка. Д.... обѣщаль все исполнить и я отправился домой. На другой день, утромъ рано, я, согласно условію, сошелся съ Д.... около моста, гдѣ ожидала насъ нанятая мною повозка, а также взялъ съ собой и крестника. Д.... былъ въ партикулярной одеждѣ. Недоѣзжая четверть версты до корчмы, я остановилъ повозку и отправилъ въ корчму обоихъ моихъ спутниковъ, поручивъ имъ разузнать, кто тамъ находится, и о всемъ извѣстить меня. Крестнику я далъ наставленіе, чтобъ онъ ни на шагъ не отходилъ отъ Д.... и не проронилъ-бы мимо ушей ни одного сѣзаннаго имъ слова, а наблюдалъ внимательно каждое его дѣйствіе. Не прошло полчаса, какъ они, возвратясь, объявили мнѣ, что въ корчмѣ, кромѣ хозяйки, нѣтъ никого, что мужъ ея на мельницѣ, а дочь у сосѣдняго помѣщика. Я отправился въ корчму вмѣстѣ съ ними. Если-бъ была дома дочь, я не пошелъ-бы туда, потому что мнѣ хотѣлось присутствовать на свиданіи ея съ Ч.... въ тюрьмѣ, а увидѣвъ меня у себя, она могла-бъ узнать въ тюрьмѣ, не смотря на то, что я былъ переодѣтъ и съ густою бородою, по голосу, и тогда пропало-бы все дѣло. При входѣ въ корчму, хозяйка встрѣтила насъ радушно. Д.... уже

разсказаль ей, за чѣмъ мы пріѣхали. „Ахъ Боже, Боже! Какое несчастіе постигло пана Ч...“ сказала она. Я всячески старался ее успокоить. „Его, вѣроятно, вскорѣ выпустятъ, сказалъ я; мы очень о немъ хлопочемъ, какъ-нибудь да вырвемъ его изъ когтей москаля“. „Дай Богъ, отвѣчала она, только врьдъ-ли такъ будетъ; вѣдь, если москаль узнаютъ, кто онъ такой, то не пощадятъ его“. — „До этого не дойдетъ, продолжалъ я, мы прежде свернемъ головы москалямъ“. „Помогай вамъ Богъ“, отвѣчала хозяйка; потомъ спросила меня: „а вы панъ, вѣроятно, которотко знакомы съ паномъ Ч...“ „Да“, отвѣчалъ я. „Да вы не подъ его-ли начальствомъ состояли?“ — Я отвѣтилъ ей шепотомъ на ухо, чтобъ она этого не говорила, а то „можетъ кто подслушать, да и донесетъ, такъ ей самой бѣда будетъ“. — „Кому тутъ донести? Въ корчмѣ, кромѣ васъ, нѣтъ живаго человѣка“. — То-то-же, сказалъ я, а то нынче у москалей развелось много шпіоновъ, даже изъ нашей братьи, поляковъ; а почему ты хозяйюшка знаешь, какую должность исправлялъ панъ Ч...?“ — „Какъ не знать? Вѣдь онъ у насъ часто бывалъ и самъ разсказывалъ, какъ вѣшалъ москалей, да при томъ онъ часто пріѣзжалъ не одинъ, а съ нимъ было много другихъ, которые, какъ изъ разговора ихъ мы видѣли, были у него въ командѣ, и Ч.... отдавалъ имъ приказанія, кого повѣсить; я это сама нѣсколько разъ слышала“ — „Смотри, хозяйюшка, повторяю тебѣ—не разсказывай никому про такія дѣла; а на будущее время

поступай такъ, что и слышала, да не слышала, видѣла да не видѣла, и другу и недругу ни гугу! А о себѣ, моя милая, скажу тебѣ, что ты угадала, я дѣйствительно былъ въ командѣ у Ч....., а теперь какую исполняю должность, ни за что тебѣ не скажу, а то ты кому-нибудь разболтаешь, да еще такому, который выдастъ насъ москалямъ“. — „Что вы это говорите пане; будто я не знаю, кому и въ какое время сказать о такихъ дѣлахъ. Пань Д..... намъ давно и коротко знакомъ; и я вполне увѣрена, что онъ не приведетъ съ собой кого попало, и что съ нимъ пришли люди преданные намъ, а не московскіе шпіоны. Другому кому-либо я не сказала-бы ни слова, а при васъ можно все говорить“. — „Спасибо, хозяйюшка, за довѣріе, но все-таки не мѣшаетъ на будущее время быть поосторожнѣе, а то — далеко-ли до гроба. Вотъ лучше скажи, какъ отзываются о Ч.... здѣшніе пань и крестьяне?“ — „Пань Ч.... человекъ правдивый; онъ никого не обидѣлъ, и потому всѣ его любятъ; вѣдь онъ, какъ сами вы знаете, вѣшалъ только злодѣевъ, которые вѣшали и грабили невинныхъ жителей. (Во время мятежа, многіе негодяи, пользуясь неурядицею, разѣзжали по селеніямъ, да по барскимъ дворахъ и вымогали деньги отъ жителей подъ предлогомъ порученія будто-бы имъ даннаго членами народоваго ржонда, т. е. народнаго управленія, и тѣхъ, которые не давали имъ требуемаго, вѣшали, или кололи кинжалами. Вотъ такихъ-то людей и вѣшалъ Ч....., потому что они вредили дѣлу повстан-

цевъ, вооружая противъ него всѣхъ мирныхъ жителей). За тѣмъ я спросилъ у хозяйки: „гдѣ ея мужъ и дочка?“ — „Мужъ мой на мельницѣ, а дочка у сосѣдняго пана, и если вамъ нужно мужа, то вотъ мельница близко отсюда; сходите къ нему“. — „Дѣла до мужа твоего у меня нѣтъ, а есть до твоей дочки. Видишь-ли, панъ Ч... хочетъ съ ней о чемъ-то важномъ переговорить; для этого она должна завтра утромъ оправиться въ Плоцкъ и тамъ выпросить у коменданта тюрьмы позволеніе видѣться съ Ч...; вотъ я привезъ съ собой и деньги на повозку“. При этомъ я вынулъ изъ кармана три рубля и подавая ихъ хозяйкѣ, сказалъ: „рубль твоей дочкѣ на подводѣ, рубль ей на харчи, а рубль—тебѣ, хозяйюшка. Пусть дочка твоя назовется родственницей пана Ч...“. — „А вотъ подождите не много, отвѣчала она. Моя дочъ скоро должна придти, такъ вы ей все и расскажете“. — „Ну, нѣтъ! Мнѣ ждать нѣкогда; еще, Боже избавь, кто-нибудь изъ москалей завернетъ сюда, да застанутъ меня здѣсь, такъ бѣда будетъ, а ты лучше сама передай ей все, что я тебѣ говорилъ“. — „Сама то я могу перепутать; если вы не желаете ждать моей дочки, то лучше сходите къ мужу на мельницу и расскажите ему“. — Что дѣлать? Пришлось пойти къ нему. Распрошавшись съ хозяйкой, я отправился на мельницу, которая была въ полуверстѣ отъ корчмы, а Д...у и крестнику велѣлъ ожидать себя у повозки, около корчмы. Когда я рассказалъ корчмарю, въ чемъ дѣло, онъ изъявилъ свое согласіе отпустить

дочь въ Плоцкъ и сказать ей, что нужно, а потомъ спросилъ: „А что, если ей не позволятъ видѣться съ Ч....?“ — „Объ этомъ не безпокойтесь, отвѣчалъ я, мы все устроимъ“. Простившись съ корчмаремъ, я отправился съ Д... и крестникомъ обратно въ Плоцкъ, худа мы приѣхали, еще до полудня. Я спросилъ у Д... знаетъ-ли Ч... его руку?“ — „Знаетъ“, отвѣчалъ Д... Тогда я предложилъ ему, чтобы онъ написалъ Ч...у записку, какъ объ исполненіи даннаго ему порученія, такъ и о томъ, что завтра приѣдетъ на свиданіе дочь корчмаря, и когда Д... исполнилъ мою просьбу, я оставилъ его съ крестникомъ, а самъ отправился въ тюрьму. Крестнику было приказано, чтобы онъ не давалъ возможности Д... услѣдить за мною, если-бы это ему почему-нибудь вздумалось. Возвратясь въ тюрьму, я рассказалъ о всемъ коменданту и просилъ его, чтобы было дозволено свиданіе дочери корчмаря съ Ч...., и потомъ опять засѣлъ въ казематъ. На гуляньѣ, я показалъ Ч....у записку Д..... Ч..... вспрыгнулъ отъ радости, прочитавъ записку. „Вотъ спасибо, такъ спасибо, за эту услугу; теперь я вамъ по гробъ обязанъ“. — Ну что это за услуга, отвѣчалъ я; долгъ каждого изъ насъ помогать другъ другу, по возможности. Вѣдь мнѣ ни малѣйшаго труда не стоило исполнить вашу просьбу. Будетъ время, когда и вы мнѣ чѣмъ-нибудь услужите“. — „Не знаю только, — дозволить-ли ей комендантъ со мною видѣться?“ — „Я думаю, что дозволить, если она хорошенько попроситъ“. — Даль-бы Богъ, а то

плохо дѣло“. Записку Ч..... хотѣлъ взять къ себѣ, но я не возвратилъ ее, сказавъ: „Боже васъ избавь! Ни за что не отдамъ; еще какъ-нибудь попадется въ руки здѣшняго начальства и мнѣ, вмѣстѣ съ вами, будетъ бѣда; я лучше самъ ее уничтожу въ казематѣ; на этотъ счетъ я очень остороженъ“. — „Осторожность—хорошее дѣло“, отвѣчалъ Ч..... На другой день, утромъ, я поджидалъ у воротъ тюрьмы дочь корчмара. Въ 11 часовъ явилась у входа въ тюрьму молодая дѣвушка. Я сейчасъ отправился въ казематъ, сказавъ дежурному унтеръ-офицеру, чтобы онъ не много спустя, какъ проведутъ Ч... на свиданіе съ дочерью корчмара, позвалъ и меня къ нимъ. У одного изъ офицеровъ была гувернантка, нѣмка, говорившая хорошо по польски; я обратился къ ней съ просьбою, чтобы она, при свиданіи Ч... съ дочерью корчмара, сыграла роль моей родственницы, пришедшей повидаться со мною. Она согласилась, пришла въ тюрьму нѣсколько раньше дочери корчмара и дождалась, пока ее позовутъ въ комендантскую канцелярію. Лишь только привели Ч... въ комнату, назначенную для свиданія, явилась туда и она, съ просьбою вызвать меня. Она была въ полномъ траурѣ, какъ одѣвались тогда всѣ польки. Придя въ комнату, назначенную для приѣма посѣтителей, я, какъ уже читателю извѣстно, засталъ тамъ, кромѣ вызвавшей меня гувернантки Ч... съ дочерью корчмара. Я поклонился ему и сталъ разговаривать съ гувернанткой, прислушиваясь къ каждому слову Ч... и дочери корчмара.

Изъ разговора ихъ мнѣ удалось разслышать только, что Ч... просилъ дочь корчмаря передать какому-то почтарю, который по четвергамъ всегда ѣздилъ мимо корчмы, чтобъ онъ отыскалъ какого-то изъ чиновниковъ трибунала и сказалъ ему, что Ч... сидитъ въ тюрьмѣ и проситъ его добиться до свиданія съ нимъ; объ остальномъ-же они говорили такъ тихо, что положительно нельзя было ничего разслышать. Считаю излишнимъ сказать, что свиданія всегда назначались въ присутствіи караульныхъ; но они обыкновенно стояли въ сторонѣ, такъ что не могли хорошо слышать, что говорили арестанты; разговоръ-же тихій, шепотомъ, вовсе не былъ слышенъ. По окончаніи свиданія, мы съ Ч... разошлись по своимъ казематамъ, при чемъ онъ меня снова благодарилъ за услугу. Когда его заперли въ казематъ, я отправился къ коменданту, рассказалъ ему слышанное и просилъ замѣтить фамилію того чиновника, который будетъ просить свиданіе съ Ч..... При этомъ свиданія я присутствовать не хотѣлъ, чтобъ не навлечь на себя подозрѣнія со стороны Ч...., а предпочелъ узнать объ этомъ разговорѣ какими-либо другими способами. Три дня спустя, является въ канцелярію коменданта чиновникъ трибунала М... съ просьбою о дозволеніи видѣть Ч... Комендантъ изъявилъ согласіе на это свиданіе. Караульные, присутствовавшіе при разговорѣ, которыхъ я просилъ обратить особенное вниманіе на эту бесѣду, почти ничего не слышали, потому что поляки говорили между собою весьма тихо; изъ

всего разслышаннаго можно было заключить только то, что Ч... просиль передать о чемъ-то кому-то, но что именно и кому—было неизвѣстно. По уходѣ М.... я сейчасъ-же командироваль своего крестника для разузнанія въ городѣ его квартиры. Чиновника М.... давно уже считали неблагонадежнымъ въ политическомъ отношеніи; о немъ въ городѣ ходили разные слухи: говорили, будто-бы онъ былъ изъ числа главныхъ организаторовъ мятежа. По другимъ свѣдѣніямъ, онъ принадлежалъ къ шайкѣ жандармовъ. (Секретная полиція у мятежниковъ называлась жандармами). Впрочемъ—ни то, ни другое, не подтверждалось положительными данными. По службѣ М.... выказываль усердіе. Крестникъ мой живо разузналь его квартиру; за тѣмъ, я поручиль ему неусыпно наблюдать за каждымъ дѣйствіемъ М...., и днемъ, и ночью. Въ этомъ отношеніи мой крестникъ былъ мальчикъ неоцѣненный: изъ земли выроетъ, да узнаетъ все, что хотите. Въ тотъ-же день онъ познакомился съ дѣтьми въ томъ домѣ, гдѣ жилъ М.... и узналь отъ нихъ многое, какъ напри- мѣръ, что у М.... по ночамъ часто собираются какіе-то неизвѣстные люди, что М.... всегда вечеромъ бываетъ въ кондитерской С....., которая была извѣстна полиціи, какъ постоянный притонъ подозрительныхъ лицъ, почему и была впослѣдствіи закрыта. Нѣсколько времени спустя, мой крестникъ узналь, что у М... бываютъ сборища, большею частью, по вторникамъ и пятницамъ, и что онъ всегда ходитъ въ эту кондитерскую, по вечерамъ, часовъ въ десять; что

въ это-же самое время туда приходятъ многіе неизвѣстные люди, которые собираются въ особой комнатѣ. Отъ мальчиковъ, служившихъ въ кондитерской, онъ узналъ, что въ этой комнатѣ читаютъ, кромѣ газетъ, какія-то бумаги и что-то пишутъ, что тамъ иногда просиживаютъ часовъ до двухъ и до трехъ ночи. Въ городѣ тогда были запрещены всякія сходбища въ квартирахъ частныхъ лицъ, а въ кондитерскихъ дозволено было оставаться только до одиннадцати часовъ. Однажды, въ 11 часовъ, крестникъ мой донесъ мнѣ, что М... по обыкновенію, въ 10 часовъ, прибылъ въ кондитерскую, куда раньше его собралось нѣсколько человѣкъ. Зная, что они оставались въ кондитерской и тогда, когда ее уже запирали въ 11 часовъ, я отправился со вѣреннымъ мнѣ патрулемъ къ кондитерской и нашель наружныя двери ея запертыми; ни въ одномъ изъ оконъ, выходящихъ на улицу, не было огня. Тогда я велѣлъ крестнику перелѣзть черезъ заборъ и посмотрѣть на окна, выходящія изъ кондитерской на дворъ, и тогда въ одномъ изъ этихъ оконъ, черезъ штору, онъ замѣтилъ огонь. Я самъ перелѣзъ черезъ заборъ и увидалъ въ окнѣ огонь и мелькающія сквозь штору тѣни. Давъ приказаніе солдатамъ окружить кондитерскую и забрать всѣхъ, кого найдутъ тамъ, я отправился въ свой казематъ. Патруль забралъ всѣхъ находившихся въ кондитерской; ихъ было семь человѣкъ, чиновниковъ различныхъ вѣдомствъ. Всѣ они были препровождены на гауптвахту и на слѣдующее утро отправлены

въ тюрьму. Лишь только успѣлъ я проснуться, вводятъ ко мнѣ въ казематъ М...., блѣднаго, совершенно разстроеннаго. Нужно сказать, что я, дознавъ что-либо, и вслѣдствіе того открывая, или арестуя кого, всегда поступалъ такимъ образомъ: если кто изъ заключенныхъ въ казематѣ открывалъ мнѣ что-нибудь важное, принимая меня за своего брата-мятежника, я никогда при слѣдствіи не уличалъ его самъ, а устраивалъ такъ, что само дѣло уличало виновнаго; точно также я никогда лично не бралъ подъ арестъ, и даже не находился при самомъ арестованіи, такъ что и арестованный по моей милости, и открывшій мнѣ какую-либо важную тайну, никогда не имѣлъ на меня ни малѣйшаго подозрѣнія; при этомъ мнѣ много способствовало то, что меня не зналъ почти никто изъ плочкихъ жителей. М....., придя въ казематъ, сейчасъ-же легъ на койку, лицомъ внизъ, и долго лежалъ, не говоря ни слова. Въ большей части казематовъ, не смотря на то, что они были одиночные, было по двѣ, а иногда и по три койки. Я подошелъ къ нему и спросилъ: „Здоровъ-ли онъ?“ — Дайте немного полежать; пройдетъ“, отвѣчалъ онъ. Дѣйствительно, немного спустя, онъ всталъ и сѣлъ на койкѣ. „Когда вы арестованы?“ спросилъ я его. — „Вчера вечеромъ“ — отвѣчалъ М... и опять легъ на койку. „За что-же васъ арестовали?“ продолжалъ я. Отвѣта не было. Я въ свою очередь также легъ на койку. Ничего, думаю, перемелется — мука будетъ; узнаемъ, что нужно. Не все-же будешь

молчать. Еще прежде, я распорядился, чтобы выпустили на гулянье вмѣстѣ со мной и М.... Послѣ обѣда, часу во второмъ, слышу — отворяють казематъ Ч....., потомъ мой. Мы съ М.... вышли и въ корридорѣ встрѣтили Ч..... Онъ очень удивился, встрѣтивъ вмѣстѣ со мною М.... „Какимъ образомъ?“ были первыя слова его къ М.... „Вчера взяли изъ кондитерской“ — отвѣчалъ М.... „Одного?“ — „Нѣтъ, насъ тамъ было пять человѣкъ“. — Не нашли ничего? — „Нѣтъ, успѣли все спрятать“. — „Хорошо, а то плохо было-бы. Въ какое-же время васъ взяли?“ — „Часу въ двѣнадцатомъ“. — „Полиція?“ — „Нѣтъ, военный патруль“. — Отъ чего-же вы не приняли никакихъ мѣръ предосторожности?“ „Все мѣры были приняты; вѣроятно — кто-нибудь донесъ на насъ; иначе, не могли-бъ догадаться; вѣдь вы сами знаете, что комната окнами на дворъ, а кругомъ двора высокій заборъ, такъ что съ улицы огня нельзя было видѣть“. Потомъ они стали что-то говорить шепотомъ; я отошелъ отъ нихъ; вѣроятно, рѣчь была обо мнѣ, потому что М.... спрашивалъ Ч....., показывая на меня глазами. Я легъ на траву. Немного погодя, они подошли ко мнѣ, и Ч..... отрекомендовалъ мнѣ М...., какъ своего хорошаго знакомаго. „А вы, тоже здѣшній!“ спросилъ меня М.... „Да!“ отвѣчалъ я. „На которой улицѣ живете?“ Я назвалъ одну изъ дальнихъ улицъ. „Давно ужъ здѣсь сидите?“ — „Другой мѣсяць.“ — „Давненько. Я очень радъ, что попалъ въ вашъ казематъ, мнѣ Ч..... о васъ говорилъ много хорошаго.“ —

„Мы должны тутъ всё другъ другу помогать.“ Они опять отошли отъ меня и опять стали говорить между собою. Нѣсколько спустя, караульные объявили, что пора намъ разойтись по казематамъ и мы отправились туда. Вечеромъ я такъ сошелся съ М..... и до такой степени снискалъ его довѣріе, что онъ мнѣ открылъ: во 1) что онъ принадлежитъ къ числу организаторовъ мятежа, что всѣхъ организаторовъ въ Пlockѣ семь, и что вчера изъ нихъ захвачено пять, что у нихъ въ кондитерской было засѣданіе, и что всѣ ихъ бумаги запрятаны въ углубленіи, сдѣланномъ въ стѣнѣ, около печи; во 2) что Ч..... также принадлежитъ къ числу организаторовъ и въ то-же время исполняетъ обязанности начальника команды жандармовъ-вѣшателей; сверхъ того онъ доставляетъ народному управленію свѣдѣнія о зарытыхъ въ секретныхъ мѣстахъ: оружіи, порохѣ, съѣстныхъ припасахъ, одеждѣ и т. п., что о всемъ этомъ ему сообщаютъ начальники бандъ, и въ 3) что у него недавно было съ Ч..... здѣсь въ тюрьмѣ свиданіе, при которомъ Ч..... сообщилъ ему о зарытомъ около деревни Д... оружіи, и что это свиданіе вѣроятно подало поводъ русскому начальству слѣдить за нимъ, вслѣдствіе чего и арестованъ. „Я думаю, сказалъ М..., мнѣ не придется долго сидѣть въ тюрьмѣ; при насъ не нашли ничего подозрительнаго и когда брали насъ, то видѣли на столѣ только двѣ бутылки вина, да стаканы; мы скажемъ, что остались въ кондитерской погулять; то-же будетъ говорить и хозяинъ; болѣе

противъ насъ никакихъ уликъ нѣтъ.“ Я въ свою очередь, когда дѣло пошло на откровенность, сказала, что я схваченъ съ оружіемъ въ рукахъ, былъ въ бандѣ Ор..., исправлялъ должность вахмистра, что думаю быть отправленнымъ въ Сибирь, что дѣло мое уже покончено и жду только рѣшенія. Мы проболтали почти до свѣта и потомъ уснули. Утромъ М...го потребовали въ комиссію для допроса, а я отправился къ коменданту и сказала ему о всемъ, мною слышанномъ отъ арестанта. Немедленно сдѣлали обыскъ въ кондитерской, въ той комнатѣ, откуда забрали М... съ товарищами; тамъ нашли секретное мѣсто, и въ немъ много бумагъ, которыя вполнѣ раскрыли плоцкую организацію мятежа. Кондитерская была закрыта. Около деревни Д... нашли значительное количество оружія. Тогда-же слѣдственная комиссія, на основаніи сообщенныхъ мною свѣдѣній, съ особеннымъ вниманіемъ принялась за дѣло Ч... и М... и нашла многія улики, послужившія къ ихъ обвиненію. Ч... впоследствии былъ повѣшенъ, а М... сосланъ въ Сибирь. Корчму закрыли. Хозяинъ ея и всѣ его домашніе были арестованы. Открыли, что въ корчмѣ находилась одна изъ станцій мятежнической почты. Когда Ч.... вели на казнь, я какъ-то случайно попался ему на глаза, въ военной формѣ. Онъ узналъ меня, затрясся весь, покраснѣлъ отъ злости и пустилъ мнѣ вслѣдъ какое-то проклятіе, вѣроятно догадавшись, съ кѣмъ былъ откровененъ. Пань, замѣшанные въ мятежъ, были довольно осторожны и

нужно было много труда, чтобы заставить их открыть всю суть заговора; напротив того крестьяне или, как их называютъ въ Польшѣ, хлопы, въ первый-же вечеръ, по приводѣ ихъ въ тюрьму, бывало расскажутъ все, что знаютъ. За то отъ ксендзовъ нельзя было ничего выпытать: молчать да и только. Исключая ксендзовъ не было примѣра, чтобъ я не изловилъ кого-либо на удочку. О всей организаціи плоцкой, о многихъ складахъ оружія, о жандармахъ-вѣшателяхъ, я собиралъ всѣ важныя свѣдѣнія отъ заключенныхъ въ тюрьмѣ. Многіе изъ арестантовъ, по сдѣланіи ими откровенныхъ показаній, были освобождаемы изъ тюрьмы, опять попадались, снова встрѣчались со мною и, не смотря на то, ни одинъ изъ нихъ не заподозрилъ меня, а напротивъ всѣ они принимали меня за арестанта, и при вторичной съ ними встрѣчѣ я игралъ ту-же самую роль. Ловить на удочку поляковъ-мятежниковъ въ тюрьмѣ было весьма не трудно. Большая часть ихъ шли въ банды не по убѣжденію: иные, какъ бараны, потому что шли всѣ; другіе, потому что имъ приказывали идти; нѣкоторые увлекались желаніемъ командовать маленькимъ отрядомъ или пріобрѣсть офицерскій чинъ (у мятежниковъ-поляковъ были офицерскіе чины); иные, по увѣщанію ксендзовъ, оболыщенные ихъ краснорѣчіемъ, и наконецъ безбородые юноши, по призыву своихъ возлюбленныхъ панночекъ. Одни лишь ксендзы принимали участіе въ мятежѣ по убѣжденію и дѣйствовали вполнѣ сознательно. Могу сказать, что во всемъ

царствѣ Польскомъ, кажется, не было ни одного ксендза, который не принималъ-бы участія въ мятежѣ. Повѣрьте, что ни одинъ ксендзъ, рѣшившійся явно противодѣйствовать мятежу, неостался-бы въ живыхъ. Рука жандарма-вѣшателя не пощадила-бы его. Повѣрьте также и тому, что отъ худой яблони не можетъ быть хорошихъ плодовъ, и что іезуитъ никогда не можетъ быть вѣрнымъ сыномъ Россіи; потому ксендза трудно было въ тюрьмѣ поймать на удочку. Человѣкъ, дѣйствующій сознательно, по убѣжденію, никогда не потеряется, въ какихъ-бы крутыхъ обстоятельствахъ ни былъ, и прежде чѣмъ приступить къ дѣлу, зрѣло обдумаетъ: во 1) какъ ему дѣйствовать, и во 2) какія послѣдствія ожидаютъ его въ будущемъ; для него нѣтъ ничего непредвидѣннаго. Слѣдовательно еще до заключенія въ тюрьму онъ уже думалъ какъ вести себя въ ней, и каковъ будетъ для него результатъ его поступковъ. Онъ зналъ, что для него всего лучше было молчать—не проговариваться ни другу, ни недругу. Онъ зналъ, что если знаютъ какой-нибудь секретъ двое, трое, то это уже не секретъ; онъ зналъ также, что мало кто изъ поляковъ не потеряется въ трудную минуту жизни. Въ такихъ обстоятельствахъ, отъ ксендза никогда нельзя было ничего добиться. Другое дѣло—какой-нибудь панъ (рѣдкіе изъ нихъ дѣйствовали по ксендзовски). Ему и не снилась тюрьма, когда онъ шелъ до лясу подъ вліяніемъ самообольщенія или возможности обладанія своею возлюбленною панночкою, по возвращеніи изъ

лѣсу, конечно, цѣлымъ и невредимымъ, и по избавленіи своей отчизны отъ варвара москаля. Онъ шель подь вліаніемъ панночки, которая согласалась отдать ему сердце свое не иначе, какъ съ условіемъ — видѣть его въ числѣ избавителей, спасителей отчизны. Никто изъ этихъ слабоумныхъ людей, настроенныхъ ксендзами, не воображалъ, что затѣянное имъ дѣло можетъ принять какой-либо худой оборотъ. Крестьянинъ-же, идя до лясу подь вліаніемъ страха, наведеннаго жандармами-вѣшателями и строгаго приказанія ксендзовъ, подь страхомъ отлученія отъ церкви, положительно не думалъ ни о чемъ. Въ его воображеніи представлялись висѣлица жандарма-вѣшателя, да отлученіе отъ церкви. Для такихъ людей тюрьма была совершенно неожиданна, и они попадали въ нее, не успѣвъ порядочно собраться съ мыслями, вполне растерявшись, а когда человѣкъ въ такомъ положеніи, то не трудно его поймать на удочку, да такъ, что онъ и самъ этого не замѣтитъ. Разъ привели въ тюрьму молодаго пана, уходившаго верхомъ отъ войскъ, преслѣдовавшихъ банду въ окрестностяхъ Плоцка; онъ растерялся до такой степени, что въ тюремной канцеляріи, принявъ солдата за коменданта, обратился къ нему съ словами: ваше высокоблагородіе. Пользуясь его замѣшательствомъ, я тотчасъ надѣлъ мятежническую одежду, икогда его заперли въ казематъ, велѣлъ ввести туда и себя, въ видѣ арестанта. Когда ввели меня, я бросился къ нему на шею и давай его цѣловать, говоря: „И

панъ попался сюда. Ахъ Боже, ахъ Боже мой! развѣ совсѣмъ уже разбили нашу банду.“ Полякъ выпучилъ на меня глаза и смотритъ какъ угорѣлый; потомъ говоритъ: „А панъ тоже изъ нашей банды.“ — „А развѣ вы не узнали меня,“ сказалъ я, назвавъ по имени всѣхъ офицеровъ банды и самаго начальника банды (конечно въ тюрьмѣ все это мы знали изъ показаній захваченныхъ матежниковъ), а себя назвалъ унтеръ-офицеромъ. Онъ долго смотрѣлъ на меня, да и говоритъ: „Дѣйствительно припоминаю; не панъ-ли Ж....“ — „Какая отличная у васъ память“, сказалъ я ему. Вечеромъ завели мы съ нимъ откровенный разговоръ, и я узналъ, гдѣ спрятаны: оружіе, порохъ, съѣстные припасы и другія принадлежности банды, и все это впоследствии было найдено. Съ крестьянами не нужно было играть комедій; одно слово участія, и онъ все расскажетъ; рѣдкіе изъ нихъ были неоткровенны, и то лишь тѣ, которые, кромѣ бытности въ бандѣ, совершили какія-нибудь другія преступленія, или были въ шайкѣ жандармовъ-вѣшателей, либо кинжальщиковъ, убивавшихъ мирныхъ жителей по приказанію народнаго управленія. Да, впрочемъ, они никогда и не сочувствовали мятежу, и напротивъ того всегда были на сторонѣ нашего правительства, а шли въ банды, какъ уже сказано, страха ради. Во всѣхъ демонстраціяхъ, бывшихъ до мятежа въ 1861 и 1862 годахъ, хлопы не принимали никакого участія, а если и участвовали въ этихъ демонстраціяхъ простой народъ, то это былъ классъ фабричныхъ проле-

таріевъ, не имѣвшій никакой собственности, ни кола, ни двора.

Прослужа десять лѣтъ въ царствѣ Польскомъ, и все на одномъ мѣстѣ, въ Новогеоргіевской крѣпости, я зналъ хорошо мѣстность Плоцкой губерніи, потому что часто ходилъ съ партіями на работу въ различные уѣзды. Особенно-же хорошо я зналъ окрестности Новогеоргіевской крѣпости, и потому еще изъ тюрьмы часто вызывался для отысканія мѣстъ склада оружія, пороха, съѣстныхъ принасовъ, одежды и другихъ вещей, принадлежавшихъ мятежническимъ бандамъ. Въ подобныхъ случаяхъ, съ отрядами войскъ или отдѣльно отъ нихъ, я почти всегда былъ одѣтъ въ польскомъ мятежническомъ костюмѣ. Исполняя такія порученія, я отдѣлялся отъ отрядовъ, посылаемыхъ со мною, и ѣздилъ впереди, одинъ, иногда версты двѣ или три впереди отряда, при чемъ случалось неожиданно встрѣчаться съ небольшими мятежническими отрядами, и даже съ цѣлыми бандами: въ такихъ случаяхъ, я никогда не терялъ присутствія духа; бывало — первый подъѣдешь къ отряду или бандѣ, поздороваешься съ начальниками, скажешь, что принадлежишь къ такой-то бандѣ, что ѣдешь туда-то, съ такимъ-то порученіемъ, да и отправляешься дальше. Мятежники всегда обманывались на мой счетъ, принимая меня за своего брата. Подобныя столкновения съ мятежническими отрядами и бандами, безъ всякихъ дурныхъ для меня послѣдствій, убѣдили

меня, что я могу быть полезнымъ въ роли лазут-
чика при отрядахъ войскъ, посылаемыхъ для оты-
сканія и преслѣдованія мятежническихъ бандъ, и
заставили меня изъявить желаніе быть лазутчикомъ
при отрядахъ. Такимъ образомъ я оставилъ службу
при тюрьмѣ.

IV.

Лазутчикъ присутствуетъ при ночномъ обуче- ніи банды въ лѣсу.

Я ѣздилъ и ходилъ большею частью одинъ, безъ всякаго конвоя и обыкновенно въ одеждѣ повстанца. Начальники нашихъ отрядовъ въ плочкомъ отдѣлѣ всѣ меня хорошо знали, а потому и при встрѣчѣ съ нашими отрядами не могло выйти никакого недоразумѣнія. Костюмъ-же мой и бойкая польская рѣчь всегда почти обманывали непріятельскихъ доудцевъ и помогали удачно совершать дознанія. Порой и не безъ страха приближался я къ какой-либо шайкѣ мятежниковъ, въ особенности когда имѣлъ при себѣ значительныя суммы, пересылавшіяся начальствомъ. Къ тому-же въ то время многіе изъ нижнихъ чиновъ католиковъ перебѣгали къ повстанцамъ. Встрѣча въ бандѣ съ дезертиромъ, случайно знавшимъ меня, могла грозить серьезною опасностью. Но, благодаря Бога, этого ни разу не случилось.

Однажды я возвращался изъ Новогеоргіевской крѣпости въ г. Липно. Уже вечерѣло, когда въ

большомъ липновскомъ лѣсу я наткнулся на дорогѣ на старика, съ большимъ узломъ въ рукахъ. Хотя старикъ былъ въ національномъ польскомъ костюмѣ, но сейчасъ-же было замѣтно, что онъ изъ отставныхъ нашихъ солдатъ. Повидимому онъ желалъ избѣжать встрѣчи со мной и прибавилъ шагу, но невозможность уйти, такъ какъ я былъ верхомъ, а главное мой костюмъ и польская рѣчь: „Эй старушку, почекай на мнѣ“, его нѣсколько ободрили и заставили остановиться.

„Нехъ бендзе похваленый;“ привѣтствовалъ я его подѣзжая.

— На вѣки!..... отвѣчалъ старикъ, замѣтно приходя въ себя отъ этого роднаго, общеупотребительнаго въ Польшѣ, въ нижнемъ классѣ привѣтствія.

„Добрый вечеръ, мой старушекъ! продолжалъ я.

— Вечуръ добрый, пане довудцу, было мнѣ отвѣтомъ.

Завязался разговоръ, который, для удобства читателя, я передамъ по-русски. Старикъ смотрѣлъ на меня уже безъ прежняго недовѣрія и охотно отвѣчалъ на мои вопросы.

„Откуда старикъ идешь: изъ лѣсу или въ лѣсъ?“

— Въ лѣсъ.

„Что такъ спѣшишь!“

— Да боюсь попасть въ руки москалей, да и опоздалъ таки съ этимъ.

При этомъ онъ вынулъ изъ узла нѣсколько китайскихъ фонариковъ.

— Вотъ спѣшу ихъ отнести; ужъ ихъ давно ждуть.

„Кто ихъ ждетъ и зачѣмъ они нужны?“ спросилъ я.

— Нужны начальнику банды.

„А гдѣ-же банда?“

— А вотъ ступайте за мною и увидите.

Едва мы успѣли свернуть съ дороги и войти въ чащу густаго лѣса, какъ къ намъ подскочилъ съ ногъ до головы вооруженный повстанецъ. Узнавъ старика, онъ сталъ его упрекать, что тотъ такъ поздно пришелъ, что его давно уже ждуть, что начальникъ банды ужасно сердится.

Отобравъ узелъ съ фонариками, повстанецъ свистнулъ; на свистокъ явилось еще нѣсколько человѣкъ; разобравъ фонарики, они начали развѣшивать ихъ на сучья деревь и зажигать ихъ. На меня никто не обращалъ никакого вниманія.

Передо мною открылась поляна, на которой расположена была бивакомъ банда, человѣкъ въ 300, или около того, фантастически освѣщенная свѣтомъ фонариковъ.

Я стоялъ у внутренней опушки, любуясь на живописную картину, когда подошелъ старикъ и пригласилъ меня продвинуться на поляну.

Нечего было дѣлать. Пришлось за нимъ слѣдовать. Но едва мы выѣхали на поляну, какъ ста-

рикъ меня оставилъ со словами: „Теперь посмотрите, что мы будемъ дѣлать.“

Видя, что на меня никто не обращаетъ вниманія, я успокоился и рѣшилъ выждать, что будетъ далѣе.

Вскорѣ раздалась команда: „строй фронтъ!“

Часть мятежниковъ сѣла на коней, другая, вооруженная ружьями и частью косами, осталась въ пѣшемъ строѣ.

Началось ученіе, сначала одиночное, а потомъ и въ сомкнутомъ строѣ. Кавалерія обучалась фехтованію и волтижированію на различныхъ аллюрахъ.

Представьте себѣ темный и тихій лѣтній вечеръ, густой, высокій лѣсъ и среди его небольшую поляну, на которой, при фантастическомъ освѣщеніи, двигается толпа въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ. Здѣсь уланъ выкидываетъ различныя штуки пикою, тамъ толстое дерево падаетъ подъ взмахомъ косы дюжаго косіонера; тамъ съ наклонными штыками двигается въ атаку взводъ пѣшихъ повстанцевъ. Смотрю и мой старикъ на конѣ молодцовато развѣзжаетъ передъ фронтомъ, указывая новобранцамъ какъ дѣйствовать оружіемъ. Мнѣ стало понятно почему его ждали съ такимъ нетерпѣніемъ въ бандѣ. Большая часть нашихъ отставныхъ солдатъ католиковъ во время мятежа въ Польшѣ вступала въ шайки въ качествѣ инструкторовъ; старикъ мой былъ изъ числа ихъ.

Держа въ поводу лошадь и облокотившись на

толстое дерево въ опушкѣ, я засмотрѣлся на эту сцену, забывая опасность собственнаго положенія. Малѣйшая неосторожность съ моей стороны, случайная встрѣча съ знакомою личностью въ бандѣ и гибель моя неизбежна. Толпа растерзала-бы на мелкіе куски *шпёга* (шпіона). Уйти было невозможно, потому что расположеніе банды оцѣплено было конными постами. Я рѣшился выжидать благоприятнаго случая, положившись на свою счастливую звѣзду, не разъ выводившую меня изъ критическихъ положеній. Въ то время какъ не совсѣмъ спокойныя мысли бродили уменя въ головѣ, я вижу ко мнѣ направилось двое всадниковъ, какъ видно по костюму и осанкѣ, изъ начальниковъ. Одинъ изъ нихъ сердито меня окликнулъ:

— Зачѣмъ панъ тутъ стоитъ?

„Вѣроятно такъ нужно“, отвѣчалъ я сурово.

Тонъ моего отвѣта заставилъ ихъ измѣнить обращеніе. Вѣжливо просили они пожаловать къ нимъ въ гости. Я поблагодарилъ за приглашеніе, но не послѣдовалъ ему.

На вопросъ ихъ: кто я, откуда и какъ попалъ сюда, я отвѣчалъ, что ѣхалъ въ одно мѣсто съ порученіемъ изъ банды Ор....., на пути встрѣтилъ старика съ фонарями, который и пригласилъ меня полюбоваться ученъемъ. При этомъ, конечно, я не преминулъ сказать нѣсколько самыхъ лестныхъ комплиментовъ на счетъ состава банды и способа ея обученія. Какъ видно это пришлось очень по сердцу моимъ собесѣдникамъ, потому что они потомъ

пожали мнѣ руку со словами: „И видно, что и панъ тоже повстанецъ.“

При этомъ къ намъ подъѣхаль еще всадникъ, которому первые почтительно дали дорогу и видимо обращались съ нимъ какъ съ начальникомъ. Догадки мои оправдались. Всадникъ приподнял свой плащъ и показалъ оружіе. Я сдѣлалъ тоже самое. Это былъ общій условный знакъ между инсургентами. Затѣмъ онъ вѣжливо пожалъ мнѣ руку и повторилъ тѣ-же вопросы, какъ и первые двое, на что я повторилъ прежнюю исторію. На приглашеніе его отдохнуть въ бандѣ, я сказалъ, что тороплюсь исполнить порученіе; воспользуюсь его приглашеніемъ на обратномъ пути, а теперь желаю ему покойной ночи и успѣха при встрѣчѣ съ мо-скалями.

Мы пожали другъ другу руки и разстались у опушки. На прощаніе начальникъ шайки сообщилъ мнѣ секретный свой отзывъ.

Отлегло у меня на душѣ, когда я оставилъ за собою цѣль конныхъ непріятельскихъ ведетовъ. Я далъ шпоры коню, благодаря судьбу, что такъ счастливо вышелъ изъ затруднительнаго положенія.

Къ утру я наткнулся на одинъ изъ нашихъ отрядовъ и сообщилъ начальнику его обо всемъ случившемся. Послѣдній рѣшился немедленно атаковать банду. Отрядъ раздѣлился на три части, чтобъ повести нападеніе съ нѣсколькихъ сторонъ и отрѣзывать мятежникамъ отступленіе. Зная хорошо мѣстность я подвелъ на разсвѣтѣ одинъ изъ отрядовъ

такъ осторожно къ лагерю, что мятежники застигнуты были совершенно въ располхъ. Бросивъ оружіе и обозы, въ страшномъ безпорядкѣ, почти не сопротивляясь, мятежники бросились въ лѣсъ; однако-же нами было захвачено до полсотни плѣнныхъ. Между немногими трупами я узналъ своего спутника старика.....

V.

Испытаніе въ политической благонадежности
настоятеля костела д. Зыски, Плоцкаго уѣзда.

Однажды, по распоряженію полковника В... я
былъ командированъ въ отрядъ эсаула Х....., состо-
явшій изъ сотни казаковъ.

Мы слѣдовали съ нимъ лѣсомъ близъ дерев-
ни Зыски. Въ деревнѣ есть костель и при немъ
ксендзь, по слухамъ пройдоха, какихъ мало. Слу-
жилъ и нашимъ и вашимъ; такъ обработывалъ
дѣлишки, что никакъ его нельзя было поймать, а
между-тѣмъ, по нѣкоторымъ даннымъ, можно было
считать его самымъ вреднымъ для насъ человѣкомъ;
слухи ходили что онъ скрывалъ у себя мятежни-
ковъ и оружіе.

Чтобы испытать ксендза, я выпросилъ позволеніе
взять желающаго ѣхать со мной казака, нарядилъ его
въ польскую чамарку и отправился впередъ, прося от-
рядъ слѣдовать за мной какъ можно тише, чтобъ дать
мнѣ возможность окончить задуманное дѣло, пока еще
отрядъ не выйдетъ изъ лѣсу.

*

Мы остановились на слѣдующемъ планѣ дѣйствій; прїѣхавъ къ ксендзу, я долженъ былъ выдать себя за начальника одной изъ бандъ и просить его указать мѣсто, гдѣ-бы можно было сложить оружіе; за тѣмъ узнать изъ разговора взглядъ его на польскій мятежъ; а когда покажется отрядъ — просить его спрятать себя и переодѣтаго казака въ надежное мѣсто. Начальникъ-же отряда, по прибытіи на дворъ ксендза, долженъ былъ объявить послѣднему, что отрядъ его нагонялъ двухъ повстанцевъ, которые скрылись въ виду отряда около деревни Зыски, что слѣдовательно, по его предположенію, ихъ слѣдуетъ искать или въ деревнѣ, или около ея; дальше-же ѣхать имъ было невозможно, потому что за деревней слѣдуетъ открытое пространство; потому-то, если не будутъ отданы добровольно мятежники, то онъ принужденъ будетъ сдѣлать обыскъ и начнетъ его съ дома ксендза. Образъ дѣйствій ксендза при этомъ можетъ вполнѣ показать степень его политической благонадежности.

Какъ сказано, такъ и сдѣлано.

Давъ шпоры лошадямъ, мы съ товарищемъ отдѣлились отъ отряда и скоро потеряли его изъ виду.

Вѣхавъ въ деревню, мы направились прямо къ дому ксендза, замѣтно отъ другихъ отдѣлявшемуся. На дорогѣ еще я имѣлъ предосторожность внушить своему спутнику — отнюдь не слѣзать съ коня и держать моего, когда сойду, не выпуская;

наблюдать за всѣмъ, не зѣвать и, въ случаѣ надобности, быть расторопнѣе.

Мы остановили лошадей подъ окнами дома; я сталъ медленно слѣзать съ коня, какъ-бы показывая тѣмъ, что я прїѣхалъ съ дальней дороги и совершенно разбитъ усталостью. Въ передней встрѣтилъ меня мальчикъ, и на вопросъ: дома-ли ксендзь? отвѣчалъ, что дома и сейчасъ выйдетъ.

Я вошелъ въ комнату. Прошло нѣсколько минутъ; ксендзь не показывается. Я начиналъ терять терпѣніе. Съ каждою минутою отрядъ могъ показаться и всѣ, такъ хорошо задуманныя, предположенія могли разстроиться.

Въ нетерпѣніи я вышелъ опять на крыльце и, услышавъ голоса въ сараѣ, громко крикнулъ:

„Эй вы хлопцы! Ходьце до мнѣ предзей (скорѣе)! До мнѣ заразъ“.

На крикъ мой выскочили два здоровыхъ хлопа.

— А цо вельможному довудцу прентко потшебно? (нужно) сказалъ одинъ изъ нихъ, низко кланаясь.

„А цо ксендзь въ дому?“

— А въ покояхъ, проше пана вельможного довудцу.

Вхожу снова въ комнаты, но опять никто не является. Время уходило. Медлить болѣе было нельзя. Я отворяю дверь въ слѣдующую комнату, говоря:

„Нехъ бендзе..... Есть-ли кто дома!“

— На вѣки.... Дома, рады гостю добрему,— отвѣчалъ ксендзъ, выходя изъ кабинета.

Мы поцѣловались. Я прошу хозяина дать намъ пріюгъ, что мы умаялись съ дальней дороги и проголодались; что добрая закуска была - бы намъ очень по сердцу; да не мѣшало - бы это сдѣлать поскорѣе.

Ксендзъ бросился въ кабинетъ и тотчасъ - же вынесъ добрый графинъ водки и кусокъ хлѣба, прося не прогнѣваться и закусить.

„То бардзо добрже панъ пробощъ робе, самому правдивему повстанцу подае вудки. Чи теразъ вольно вудки даватць повстанцамъ? Пропше забрать одѣ мнѣ.“

Нужно замѣтить, что, во время мятежа, ржондомъ народовымъ запрещена была всякая продажа водки; многіе шинки по деревнямъ были закрыты; запрещено даже было у себя держать водку. Мѣра эта была вызвана страшнымъ развитіемъ пьянства въ бандахъ.

Теперь читателю станетъ понятно, почему я обратился къ ксендзу съ вышеприведенными словами. Не довольствуясь этимъ, я сталъ ему говорить, что онъ не истинный полякъ, что не исполняетъ распоряженій своего начальства; что онъ вѣрно на сторонѣ москалей, если держитъ, вопреки наказа ржонда, этотъ проклятый московскій напитокъ. Многое напѣлъ я ксендзу въ такомъ-же родѣ.

Повидимому онъ сильно струхнулъ и сталъ оправдываться, говоря что онъ держитъ водку у

себя какъ лекарство; что если онъ и предлагаль мнѣ ее, то именно въ видѣ лекарства, что рюмка водки меня, разбитаго съ дальней дороги, могла совершенно возстановить; я-де напрасно вспылилъ; онъ вовсе не таковъ, какимъ я его выставилъ; а напротивъ онъ, больше нежели другой кто-нибудь, служить родному дѣлу, больше чѣмъ кто-либо приносить пользу народоваму ржонду.

Я не перебивалъ его рѣчи и только внутренно радовался успѣху своего маневра.

Ксендзь болѣе и болѣе горячился: онъ казался оскорбленнымъ и продолжалъ увѣрять въ своей преданности народовой справѣ, что онъ можетъ это доказать, что у него устроенъ повстанцами складъ оружія, что не далѣе какъ вчера онъ укрылъ отъ преслѣдованія московскихъ властей двухъ извѣстныхъ жандармовъ-вѣшателей и такъ спряталъ ихъ, что никакіе розыски со стороны москалей не въ состояніи ихъ открыть. Подчиваніе-же меня водкою имѣло тоже свой смыслъ. Въ послѣднее время, прибавилъ онъ, у москалей появился такой смѣльчакъ шпіонъ, какого и не бывало. Подъ видомъ повстанца онъ ѣздитъ не только по селамъ и мѣстностямъ, но даже заѣзжаетъ въ банды и такъ ловко играетъ роль, что нѣтъ никакой возможности его узнать.

„Это пустяки панъ ксендзь изволить говорить; ну какъ-таки природнаго шляхетнаго пана не отличить отъ московскаго шпіона“, перебилъ я.

Ксендзь не сталъ увѣрять меня въ противномъ,

только сказалъ, что слышалъ это отъ вѣрныхъ людей, которымъ не можетъ не вѣрить.

Я перемѣнилъ разговоръ и спросилъ ксендза, гдѣ-бы можно по надежнѣе спрятать оружіе, которое я вскорѣ былъ намѣренъ привезти сюда. Собесѣдникъ мой отвѣчалъ, что у него лучше нѣтъ мѣста, какъ подъ костеломъ, что и въ настоящее время тамъ хранится оружіе, оставленное начальниками бандъ Чернымъ и Орликомъ.

Тогда я пожалъ крѣпко руку ксендзу и съ притворною искренностью сталъ извиняться предъ нимъ, что возымѣлъ подозрѣніе на одного изъ вѣрныхъ сыновъ отчизны, но оправдывалъ себя тѣмъ, что въ послѣднее время многіе изъ поляковъ стали измѣнять дѣлу, становясь не только къ нему равнодушными, но даже прямо переходя на сторону москалей, что, при такомъ положеніи дѣлъ, самое ничтожное обстоятельство подаетъ поводъ къ подозрѣніямъ.

Ксендзъ совсѣмъ оправился, сдѣлался веселъ, разговорчивъ и сталъ жаловаться на трудность положенія въ настоящее время жителей-поляковъ и въ особенности ксендзовъ.

— Придутъ въ деревню наши банды, говорилъ онъ, прямо на дворъ къ ксендзу. Конечно, принимаешь ихъ съ радушіемъ, по обычаю: чѣмъ хата богата, тѣмъ и рада. Стараешься отъ души услужить всѣмъ и каждому. Придутъ московскіе отряды, тоже на дворъ къ ксендзу, и ихъ принимай,

показывай при этомъ видъ радушія, гостепріимства, старайся льстить имъ. Охъ! трудное время!

„Правда ваша, отвѣчалъ я, время для обывателей довольно трудное, но, благодаря храбрымъ нашимъ бандамъ, такое натянутое положеніе должно скоро измѣниться. День освобожденія отъ московскаго наѣзда наступитъ скоро; съ часу на часъ мы ожидаемъ вступленія въ Польшу французской арміи, которая уже находится на пути слѣдованія.“

Дѣйствительно въ царствѣ Польскомъ въ это время въ большомъ былъ ходу слухъ о скоромъ вступленіи французскихъ войскъ въ царство.

— Дай Богъ, дай Богъ, чтобъ это была правда, проговорилъ ксендзъ.

При этихъ словахъ въ комнату вошла господня ксендза, женщина уже пожилыхъ лѣтъ съ подносомъ, на которомъ находились: яйца, сыръ, колбаса и другія закуски. Хозяинъ мой, приказалъ ей накормить и моего товарища, на что господня отвѣчала, что она давно уже объ этомъ озаботилась.

Только что мы принялись за завтракъ, какъ вбѣжалъ хлопъ съ испуганнымъ лицомъ:

— Казаки изъ лѣсу показались, едва успѣлъ онъ проговорить.

Я принялъ испуганный видъ. Ксендзъ поблѣднѣлъ и совсѣмъ растерялся.

Подойдя къ окну, я увидѣлъ, что отрядъ подъѣзжаетъ къ деревнѣ. Тогда я бросился къ ксендзу, прося его поскорѣ гдѣ-нибудь меня спрятать.

Онъ торопливо передалъ меня въ распоряженіе хлопа.

Послѣдній повелъ меня въ сарай, гдѣ въ это время молотили хлѣбъ.

Минута и я лежалъ посреди тока, подъ ворохомъ сноповъ. Растерявшись, перепуганные, рабочіе и забыли, что подъ снопами живой человѣкъ, и преисправно начали бить цѣпами, какъ-будто и въ самомъ дѣлѣ молотятъ. Каждый ударъ давалъ себя сильно чувствовать. Но вотъ слышу, что казаки въѣзжаютъ на дворъ. Цѣпы еще исправнѣе заходили. Положеніе мое сдѣлалось нестерпимымъ. „Господи, думаю, хотя-бы казаки скорѣе вошли, а то еще съ испугу забьютъ до смерти.“

Боль сдѣлалась невыносимая. Я высунулъ изъ подъ сноповъ голову, чтобъ сказать, что-бы не колотили такъ шибко.

Въ это время слышу крикъ вбѣжавшаго въ сарай нашего урядника: „а вы что тутъ дѣлаете; гдѣ схоронили мятежниковъ“, и въ это время одинъ изъ молотильщиковъ такъ треснулъ меня цѣпомъ по лбу, что искры изъ глазъ посыпались. Я едва не вскрикнулъ отъ боли, но удержался и только спрятался лучше подъ снопы, чтобъ избѣжать вторичнаго такого удара.

Въ сарай вошло еще нѣсколько казаковъ. Молотить перестали. У меня отлегло на душѣ. Слава тебѣ Господи, думаю, совсѣмъ чуть не забили, проклятые.

Но вотъ слышу голосъ эсаула Х, который раз-

сказываетъ о двухъ мятежникахъ, въ глазахъ отряда скрывшихся въ деревнѣ; однимъ словомъ, повторяетъ все, заранѣе между нами условленное.

Ксендзь клянется, что онъ не только не пряталъ, но даже и не видѣлъ никогда мятежниковъ, о которыхъ говоритъ панъ. Онъ проситъ пана полковника обыскать какъ можно тщательнѣе не только его домъ, но и всѣ строенія.

„Вотъ, думаю, изъ воды сухъ хочетъ вылѣзть, а клянется-то какъ, а еще ксендзь, въ церкви проповѣдуетъ, что всякая ложная клятва именемъ Господнимъ есть смертный грѣхъ.“ Да вспомнилось мнѣ, что панами-же іезуитами выдуманно, что всѣ средства хороши для достиженія цѣли.

Между-тѣмъ казаки стали шарить по всему сараю, но ни кому не въ домекъ посмотрѣть подъ снопами. Да, впрочемъ, кому и въ голову могло придти, чтобъ стали молотить по живому человѣку! Мнѣ стало невыносимо, я чувствовалъ страшную боль въ головѣ отъ послѣдняго удара цѣпомъ. Потихоньку я вынулъ изъ кармана особаго устройства гортанный свистокъ и, какъ только услышалъ, что возлѣ меня стали шарить, легонько свистнулъ. Казакамъ очень хорошо извѣстенъ былъ этотъ сигналъ; одинъ изъ нихъ, услышавъ его, раскидалъ снопы и вытянулъ меня изъ подъ нихъ. Я старался показаться испуганнымъ; и безъ того я совершенно былъ похожъ на совсѣмъ растерявшагося человека: потъ катилъ съ меня градомъ; лице, волосы,

все платье было въ колосьяхъ; на лбу красовалась отъ удара цѣпомъ большая шишка; — „просто смѣхъ бралъ, глядя на меня“, рассказывали потомъ казаки.

Увидавъ меня, эсауль какъ крикнетъ на ксендза

— Такъ-то у васъ нѣтъ мятежниковъ, такъ-то вы не видали ничего, а еще клянетесь на чемъ свѣтъ стоитъ; стыдитесь, — вѣдь вы священникъ.

Ксендзъ поблѣднѣлъ и, весь дрожа, началъ увѣрять Х., что онъ ничего не знаетъ обо мнѣ, никогда меня не видѣлъ, что вѣроятно это кто-либо изъ людей виновать.

Я-же, между-тѣмъ, снявъ саблю и револьверъ, отдалъ ихъ казакамъ и ставъ на колѣни просилъ пощады. Эсауль грозно сталъ меня допрашивать о другихъ мятежникахъ, которые были со мною. Я сталъ увѣрять, что со мною никого не было, что я не мятежникъ, а если и хожу въ этомъ костюмѣ, то для безопасности отъ повстанцевъ.

— Врешь! закричалъ эсауль; а вотъ я посмотрю, какъ ты у меня правды не скажешь. Эй! допросите-ка его.

Двое казаковъ схватили меня, грозная нагайка поднялась надо мной.

Я сталъ увѣрять еще жалобяѣ, что ничего не знаю.

— Кто тебя пряталъ? Видаль-ли тебя ксендзъ? спросилъ эсауль.

Никто меня не пряталъ, отвѣчалъ я. Какъ только закричали: „казаки!“ я самъ съ испугу бросил-

ся въ сарай и залѣзъ подъ снопы. Ксендза-же я вижу въ первый разъ въ жизни.

У пана пробоща отъ послѣднихъ моихъ словъ видимо отлегло на сердцѣ. Онъ замѣтно ободрился и, съ прежнею самоувѣренностью, онъ обратился къ эсаулу со словами:

— Вотъ видите-ли, панъ полковникъ, и онъ подтверждаетъ истину моихъ словъ.

„Знаю я эту истину-то. Взять его, сказалъ эсаулъ показывая на меня, да смотрѣть въ оба, чтобъ не ушелъ.“

Въ то время, какъ казаки вели меня изъ сарая къ выстроенной на улицѣ сотнѣ, я успѣлъ потихоньку передать уряднику, чтобъ производили обыскъ по тщательнѣе, что у ксендза гдѣ-то скрываются два жандарма-вѣшателя, что подъ костеломъ зарыто оружіе, чтобъ хорошенько принялись за хлопа ксендзовскаго; при этомъ я незамѣтно глазами указалъ на хлопа, меня прятавшаго.

Между-тѣмъ въ самомъ сараѣ, въ углу, за сѣномъ и наваленными на него боронами отыскали моего товарища.

Не много возились и съ хлопомъ: онъ скоро указалъ мѣсто, гдѣ были скрыты жандармы-вѣшатели.

Не смотря на всѣ улики, ксендзъ все стоялъ на своемъ, что онъ ничего знать не знаетъ и вѣдать не вѣдаетъ, и продолжалъ увѣрять въ своей преданности правительству.

Но улики слишкомъ были очевидны. Началь-

никъ отряда арестоваль ксендза. Вмѣстѣ съ хлопомъ его посадили на телѣгу, насъ съ жандармами-вѣшателами на другую, для того, чтобъ жители Зыски не могли догадаться о разыгранной нами комедіи. У всѣхъ арестованныхъ завязаны были глаза, чтобы они не знали дороги, по которой ихъ повезутъ, а также и не могли знаками разговаривать со встрѣчными. Пантоминный языкъ былъ вообще въ большомъ ходу у мятежниковъ. По вступленіи въ лѣсъ, насъ развязали; переодѣвшись въ казачье платье, мы продолжали слѣдовать съ отрядомъ.

Арестованные съ значительнымъ конвоемъ отправлены были въ Новогеоргіевскую крѣпость. Оказалось что хлопъ, исправлявшій должность ключника въ домѣ ксендза, былъ въ то-же время и жандармомъ-вѣшателемъ.

VI.

Поимка вахмистра жандармовъ-вѣшателей.

Однажды случилось мнѣ исполнять порученія начальства, проѣзжать черезъ Плонскъ. Уже было темно, когда я вѣхалъ въ городъ, а потому я рѣшился въ немъ переночевать. Едва я успѣлъ раздѣться, мечтая объ отдыхѣ послѣ труднаго дня, какъ входитъ казакъ, съ приказаніемъ явиться немедленно къ начальнику плонскаго отряда. Нечего дѣлать, одѣлся и отправился велѣдъ за посланнымъ. Доложили. Начальникъ требуетъ меня въ кабинетъ и встрѣчаетъ очень привѣтливо.

— Я слышалъ много хорошаго о тебѣ, началъ онъ. Есть у меня одно очень важное порученіе, которое не всякому можно довѣрить. Не хочешь-ли взять его на себя? если ты не имѣешь другихъ, болѣе важныхъ, порученій.

„Въ настоящее время у меня такихъ нѣтъ“, отвѣчалъ я.

— Въ такомъ случаѣ, вотъ въ чемъ дѣло, продолжалъ онъ; здѣсь въ окрестностяхъ живетъ

въ собственномъ домѣ нѣкто В, какъ говорятъ, вахмистръ жандармовъ - вѣшателей. Мнѣ нужно его арестовать во что-бы ни стало. Не скрою, что до-сихъ-поръ всѣ усилія мои были напрасны. Сколько разъ производилъ я внезапные обыски у него въ домѣ, но не могъ его найти; а, между-тѣмъ, слухи ходятъ, что онъ часто бываетъ у себя и скрывается гдѣ-то вблизи. Сосѣдніе жители вѣроятнo и знаютъ, да молчатъ, не смотря на мои увѣщанія, вѣроятнo подъ вліяніемъ его угрозъ. Такъ вотъ что я хочу поручить тебѣ: не посчастливится-ли тебѣ поймать его наконецъ.

„Отчего-же, можно попробовать“.

— Да вотъ, кстати у меня есть отличный мятежническій костюмъ; если нуженъ, можешь имъ воспользоваться.

Посмотрѣлъ я, и дѣйствительно костюмъ былъ съ иголки, не простой; какъ видно, шить былъ на какого-нибудь пана-начальника. Для читателя, не бывавшаго въ Польшѣ, будетъ не безынтересно познакомиться съописаніемъ мятежническаго костюма. На головѣ повстанцы носили такъ называемую конфедератку, четырехъ-угольную, съ острыми концами, шапку, различнаго цвѣта, съ широкимъ мѣховымъ околышемъ и съ кокардою на боку, съ польскимъ одноглавымъ орломъ и изображеніемъ креста, якоря и сердца (вѣра, надежда и любовь). На плечи надѣвалась чамарка, большею частью, изъ темносиняго сукна; воротникъ ея, бортъ и подоль, а также и рукава обшиты мерлушками въ вершокъ

шириною; поперегъ груди въ шесть рядовъ нашиты шнуры, застегивающіеся на костыльки; всѣ швы обшиты черною тесьмою; панталоны темно-лиловаго цвѣта съ желтымъ лампасомъ. Это чаще всего встрѣчавшійся костюмъ, но онъ очень разнообразился, по достоинству матеріала и по цвѣтамъ, у высшихъ лицъ.

Отправляясь на розыскъ, я просилъ начальство командировать со мною человекъ 8 казаковъ при урядникѣ и, кромѣ того, отпустить на одного изъ казаковъ полный повстанскій костюмъ.

Получивъ обстоятельныя свѣдѣнія о жилищѣ Б., мы выѣхали предъ разсвѣтомъ изъ Плонска, но, отѣхавъ на нѣкоторое разстояніе, я остановилъ отрядъ передъ лѣсомъ, тянувшимся до самаго дома Б. Здѣсь, въ опушкѣ, мы съ казакомъ переодѣлись въ повстанскую одежду. За тѣмъ, я поручилъ уряднику раздѣлить отрядъ на три части, чтобы окружить домъ Б. съ трехъ сторонъ; частямъ приказалъ слѣдовать чрезъ лѣсъ, какъ можно тише, не доходя до дому остановиться скрытно и ожидать сигнальнаго выстрѣла, по которому, какъ можно быстрѣе, броситься къ дому, наблюдая, чтобъ никто изъ него не вышелъ; уряднику-же войти въ комнату, арестовать меня, не подавая и вида, что я не полякъ, и вахмистра жандармовъ-вѣшателей, если онъ будетъ со мною; при этомъ я передалъ ему сообщенныя мнѣ примѣты лица, на поимку котораго мы отправлялись, а именно: лице смуглое, росту не большаго, черноватъ, и т. д., затѣмъ произвести

самый тщательный обыскъ въ домѣ. Двѣ партіи отдѣлились отъ насъ вправо и влѣво, обходя жилище Б., третья-же слѣдовала вдоль большой дороги. Не доходя на нѣкоторое разстояніе до дому Б., я остановилъ скрытно въ лѣсу эту партію и съ переодѣтымъ казакомъ отправился далѣе.

Уже совсѣмъ почти разсвѣло, когда мы, выѣхавъ изъ лѣсу, завидѣли жилище вахмистра. Подѣхавъ къ дому я слѣзъ съ лошади и отдалъ ее казаку. Слѣзая, я ему успѣлъ шепнуть, чтобъ онъ стрѣлялъ изъ пистолета, если увидитъ меня у окна вытирающимъ лице бѣлымъ платкомъ.

Смѣло взошелъ я на крыльце; къ удивленію моему дверь не была заперта, тоже и въ слѣдующую комнату. Однако я остановился на порогѣ ея и громко сказалъ обычное польское привѣтствіе, на которое мнѣ отвѣчали слабымъ голосомъ, прося войти. Войдя я увидѣлъ на кровати женщину, еще молодую и видимо болѣзненную.

Не успѣлъ я попросить извиненія, что я беспокою ее, но что мнѣ очень нужно видѣть пана вахмистра, какъ дверь изъ сосѣдней комнаты отворилась и на порогѣ показалась довольно пожилая женщина.

— „А дзень добрый, пане капитане, сказала она, прося меня садиться; за тѣмъ она сообщила, что жена ея сына нездорова, что она только что третьяго дня разрѣшилась отъ бремени. Потомъ посыпались распросы: откуда я, что доставляетъ имъ честь меня видѣть? и т. д.

„Я отвѣчалъ, что я помощникъ начальника такой-то банды, привезъ пану вахмистру для укрытія и храненія три воза съ оружіемъ, что возы эти находятся теперь не далеко отъ дому.

— А! такъ я пошлю сейчасъ за сыномъ; онъ тутъ не подалеку скрывается въ стодолѣ отъ проклятыхъ москалей, которые уже нѣсколько разъ дѣлали обыскъ въ домѣ; если онъ и бываетъ дома, то больше ночью, говорила мать. Вслѣдъ за тѣмъ она позвала слугу. На зовъ ея явился мальчикъ, съ плутоватой фізіономіей.

Старуха приказала ему идти къ сыну, и сказать ему чтобъ онъ, какъ можно скорѣе, шелъ домой, что его ожидаетъ панъ доводца, привезшій ему оружіе для укрытія.

Мальчикъ тотчасъ-же бросился исполнить приказаніе. Я остановилъ его и, обращаясь къ старой паннѣ, сказалъ:

„Да позволить мнѣ панна выразить свое мнѣніе. Зачѣмъ пану вахмистру заѣзжать домой; могутъ нагрянуть москали. Не лучше-ли ему ѣхать прямо на то мѣсто, гдѣ оставлено оружіе. При этомъ я подробно описалъ то мѣсто, гдѣ оставилъ казачью засаду. Самъ я сейчасъ-же отправляюсь туда съ моимъ хлопомъ и мы прямо привеземъ оружіе въ мѣсто, показанное паномъ вахмистромъ.“

— И дѣйствительно, такъ будетъ лучше, мама, замѣтила жена вахмистра-вѣшателя; а послѣ мы просимъ пана капитана на чай.

Я поблагодарилъ и раскланялся съ барынями,

общая воспользоваться ихъ любезнымъ приглашеніемъ. Слуга—мальчишка, получивъ наставленія отъ старой пани, вышелъ за мной на дворъ и началъ сѣдлатъ лошадь.

Мы съ казакомъ сѣли на коней и, только что собрались выѣхать за ворота, какъ слышимъ выстрѣль.

„Что это значить, подумалъ я, не напали ли мятежники на казаковъ въ засадѣ? Во всякомъ случаѣ дѣло не хорошее, всѣ труды могутъ пропасть даромъ; и это тѣмъ досаднѣе, что начало было такъ удачно. За выстрѣломъ раздался лошадиный топотъ и притомъ съ нѣсколькихъ сторонъ. Я забылъ объ условномъ знакѣ, что по выстрѣлу казаки должны были броситься къ дому.

Дѣйствительно я увидѣлъ вдали скачущихъ донцевъ.

Нужно было на что-нибудь рѣшиться. Соскочивъ быстро съ коня, и велѣвъ тоже сѣлать товарищу, я бросилъ поводья бывшему съ нами на дворѣ мальчику, прося его спрятать коней, а самъ съ казакомъ кинулся въ комнаты.

На встрѣчу намъ выбѣжала испуганная мать вахмистра, спрашивая что случилось:

„Казаки скачутъ сюда, ради Бога спрячьте насъ куда-нибудь,“ обратился я къ ней, умоляющимъ голосомъ.

Барыни до того перепугались, что отъ страху ни слова не вымолвятъ. Однакоже пожилая панна скорѣе оправилась и, указывая на лежавшіе въ

углу мѣшки, сказала мнѣ, чтобы я лѣзъ туда, что она меня постарается получше прикрыть. Ложась туда, я имѣлъ предосторожность снять оружіе и запахать его въ самый уголъ. Казака повели прятать на кухню.

Едва успѣли навалить на меня цѣлый возъ мѣшковъ и платья, какъ въ комнату вбѣжали казаки. Слышу голосъ урядника, требующаго у растерявшихся паннъ указать мѣсто, куда онѣ спрятали мятежниковъ.

— У насъ нѣтъ никакихъ мятежниковъ, отвѣчали барыни.

На несчастіе ихъ подвернулся слуга-мальчикъ. Урядникъ громко прикрикнулъ на него, требуя, чтобы онъ указалъ, гдѣ повстанцы. Мальчикъ божился и клялся, что въ домѣ нѣтъ никого; но, послѣ двухъ или трехъ нагаекъ, вѣроятно, указалъ на уголъ, гдѣ я былъ спрятанъ, потому что казаки тотчасъ-же начали разбрасывать наваленное въ уголъ платье и мѣшки и вслѣдъ затѣмъ вытащили и меня.

— Ишь вражья сила, куда запрятался, проговорилъ урядникъ, превосходно разыгрывая свою роль; а ну-ка братцы скрутите его по крѣпче!

Я бросился на колѣни, умоляя отпустить меня, говоря что я вовсе не повстанецъ, что при мнѣ и оружія нѣтъ, что я здѣсь въ гостяхъ у своихъ знакомыхъ; услыхавъ-же выстрѣлъ и замѣтивъ пановъ-казаконъ я съ испугу бросился подъ мѣшки.

— Знаемъ мы васъ, какіе вы не повстанцы!

всѣ вы сладко поете. Вяжи его ребята, да веди его на дворъ. Некогда съ нимъ возиться. Да посмотрите получше, не найдемъ-ли и еще чего-нибудь въ дому. Одинъ изъ казаковъ бросился было искать далѣе въ углу, но я успѣлъ незамѣтно наступить ему на ногу. Онъ понялъ и прекратилъ поиски. Меня вывели связаннаго на дворъ, куда привели и другаго казака, при которомъ нашли и оружіе.

Затѣмъ подозрительнаго больше ничего не оказалось. Связанныхъ вывели насъ за ворота, а, между-тѣмъ, одинъ изъ казаковъ отправленъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ же мальчикомъ въ близъ лежащую деревню за подводой.

Оставшись безъ посторонняго надзора, я успѣлъ шепнуть уряднику, чтобъ онъ доведъ насъ до того мѣста, гдѣ его отрядъ былъ прежде спрятанъ и затѣмъ, какъ-будто соглашаясь на мои мольбы, отпустилъ бы меня, вмѣстѣ съ подводчикомъ; казака же оставилъ-бы при себѣ.

Подвѣхала фурманка. Связанныхъ, меня съ переодѣтымъ казакомъ, посадили на подводу. Урядникъ погрозилъ хлопцу, что въ другой разъ нагайка еще лучше прогуляется по его спинѣ, если онъ будетъ скрывать повстанцевъ, а о барыняхъ-же онъ донесетъ начальству.

Мы тронулись наконецъ въ путь. Едва успѣла скрыться изъ виду усадьба и мы въѣхали въ лѣсъ, какъ урядникъ приказалъ фурманщику остановиться и сталъ закуривать трубку. Я воспользовался этимъ

и сталъ молить о помилованіи, говоря что у меня дома большое семейство, что я одинъ работникъ въ семьѣ, что безъ меня жена и дѣти съ голоду помрутъ. Казакъ мой вторилъ мнѣ.

Урядникъ призадумался, посоветовался съ своими и наконецъ отвѣчалъ:

— Тебя-то я пожалуй, бѣсовъ сынъ, и отпущу, благо при тебѣ не было оружія; безоружныхъ не велѣно брать. А ужъ ты, братъ, извини. Тамъ начальство разбереть: повстанецъ ты или нѣтъ?

Меня развязали. Чтобы еще лучше разыграть свою роль, я бросился благодарить пана-урядника за себя и свое семейство.

Вслѣдъ за тѣмъ мы съ фурманщикомъ отправились обратно; казаки-же, взявъ связаннаго товарища, показали видъ, что отправляются по дорогѣ къ Плонску.

Я нашель семейство Б. полумертвымъ отъ страха. Въ короткихъ словахъ я передалъ, обрадовавшимся моему возвращенію, барынямъ, какъ я отдѣлался отъ москалей, забравшихъ моего хлопа.

„Вотъ чему обязанъ я своимъ спасеніемъ“, прибавилъ я, вынимая изъ-подъ мѣшковъ спрятанное въ углу оружіе. „Найди его казаки, не отдѣлался бы отъ нихъ такъ легко.“

Фурманщикъ подтвердилъ истину моихъ словъ, говоря, что уже я такъ жалобно молился, что тронулъ даже каменное сердце москалей.

— А мы, говоритъ пожилая панна, какъ васъ повезли; сейчасъ-же дали знать Б. обо всемъ слу-

чившемся, прося принять мѣры для спасенія отъ казаковъ—вашихъ воевъ съ оружіемъ. Да вотъ кстати и онъ самъ!

Я взглянулъ, по ея указанію, въ окно. Вдали изъ-за горки, близъ лѣса, со стороны противоположной той, гдѣ скрылись казаки, показались два всадника, направляясь къ дому. Въ одномъ изъ нихъ я тотчасъ-же узналъ того-же мальчика, который игралъ такую роль въ продолженіи всей исторіи.

„Пусть простятъ мнѣ панны, если я поѣду на встрѣчу пану вахмистру и лично укажу ему мѣсто, гдѣ спрятаны возы съ оружіемъ, сказалъ я своимъ собесѣдницамъ и, откланявшись, быстро вышла на дворъ, гдѣ на-право въ сараѣ нашла свою лошадь, а также и лошадь казака, которыя оставлены были казаками, вѣроятно по личному усмотрѣнію урядника, или-же потому, что казаки не осматривали сарая и забыли о нашихъ лошадяхъ.

Не теряя минуты я вскочилъ на своего коня и выѣхалъ на встрѣчу подъѣзжавшимъ всадникамъ, Оружіе я успѣлъ нацѣпить еще ранѣе.

Завидѣвъ меня, Б. остановился. Мальчикъ, вѣроятно узнавъ меня, сказалъ ему что-то и вслѣдъ затѣмъ замахалъ шапкой, давая тѣмъ знать, чтобъ я къ нимъ приблизился.

Я далъ шпоры коню. Не доѣзжая нѣсколькихъ сажень, до нихъ я вижу, что вахмистръ остановился, снялъ шапку и надѣлъ ее на дуло ружья.

Я тотчасъ-же смекнулъ въ чемъ дѣло и, въ свою очередь, снялъ свою конфедератку, помахалъ ею и надѣлъ на ружье. Впослѣдствіи я узналъ, что это особый условный знакъ между повстанцами, и не отвѣтъ я, то едва-ли-бы мнѣ удалось обмануть Б, какъ онъ самъ это рассказывалъ впослѣдствіи въ тюрьмѣ.

Послѣ этого мы съѣхались. Я тотчасъ-же рассказалъ, какъ мнѣ удалось благополучно уйти изъ рукъ москалей; какъ я радъ, что мнѣ самому возможно исполнить возложенное на меня порученіе и сдать ему возы съ оружіемъ.

— Радъ служить вамъ, спасителю отчизны, говорилъ онъ, пожимая мнѣ руку.

Ладно думаю, нашель друга, спасителя отчизны, однако-же продолжалъ въ его тонѣ:

„Польша своимъ освобожденіемъ во многомъ будетъ обязана пану-вахмистру“.

— За отчизну я голову радъ положить. И положишь, думаю себѣ, голубчикъ; теперь ты уже не уйдешь изъ нашихъ рукъ; живаго или мертваго, а уже доставимъ тебя начальству.

Вслѣдъ затѣмъ, на его вопросы, я рассказалъ ему: изъ какой я банды, сколько привезъ оружія и гдѣ находятся мои возы.

— Поѣдемте-же скорѣе, перебилъ онъ мой рассказъ. Время дорого, того и гляди нагрянуть москали; вѣдь они здѣсь постоянно шныряютъ, стараясь меня поймать. А ты, прибавилъ онъ, обращай къ мальчику, можешь ѣхать до дому, да скажи

чтобъ намъ приготовили завтракъ. Мы съ паномъ-капитаномъ скоро вернемся.

Ну, думаю, милый мой, едва-ли ты скоро вернешься; мы тебя угостимъ завтракомъ лучшимъ, чѣмъ ты думаешь.

Я далъ мальчику нѣсколько золотыхъ. Онъ повернулъ къ дому, а мы съ Б. направились въ лѣсъ, къ тому мѣсту, гдѣ я оставилъ казаковъ.

Едва мы успѣли въѣхать въ опушку, какъ въ сторонѣ отъ дороги мы услышали порохъ, а вслѣдъ затѣмъ и сдержанный кашель.

Впослѣдствіи оказалось, что это было сдѣлано по неосторожности однимъ изъ казаковъ, поставленныхъ въ опушкѣ лѣса, для наблюденія за дорогою.

Вахмистръ остановился, прислушался съ секундъ, потомъ повернулъ коня, да какъ дастъ ему шпоры. Я за нимъ и кричу ему: „Постойте, пане-вахмистръ, куда вы спѣшите, постойте“.

Видя, что онъ не останавливается, а еще болѣе шпорить лошадь, вѣроятно догадавшись о засадѣ, я далъ свисткомъ знакъ казакамъ, чтобъ спѣшили на помощь, а самъ, въ свою очередь, далъ шпоры своему коню, который не разъ выручалъ меня въ такихъ обстоятельствахъ. Вскорѣ разстояние между нами стало уменьшаться, не смотря на всѣ усилія его уйти отъ меня. Нагнавши его я закричалъ ему: „Что панъ-вахмистръ такъ торопится“. Не успѣлъ я окончить этихъ словъ, какъ Б. мгновенно обернулся, да такъ ударилъ на отмахъ ружьемъ, что я едва успѣлъ уклониться; вся тя-

жестъ удара пала на голову бѣднаго моего коня. Онъ зашатался и ошеломленный упалъ, увлекши и меня за собой. Однакоже черезъ минуту я былъ уже на ногахъ и, выхвативъ шашку, замахнулся на Б., но онъ предупредилъ меня, да такъ ударилъ по рукѣ, что шашка выпала у меня изъ рукъ и самъ я упалъ.

Но, къ счастью, раздался близкій топотъ. Казаки летѣли на помощь. Вахмистръ, на-утекъ. Казаки за нимъ.

Между-тѣмъ и я успѣлъ нѣсколько оправиться, да и конь мой всталъ на ноги. Съ трудомъ, отъ боли въ рукѣ, съ помощью оставшагося при мнѣ казака я сѣлъ на него и, одолѣваемый желаніемъ поймать бѣглеца, снова пустился въ погоню.

Видя, что его настигаютъ, вахмистръ свернулъ съ дороги въ деревню. Мы за нимъ. Близъ деревни стояла корчма, которую, какъ потомъ оказалось, держалъ его отецъ. Онъ въ ворота; мы туда-же. Въ горячій погонѣ я забылъ о боли и первый схватилъ его за грудь. Онъ рванулся, да какъ дастъ мнѣ пощечину, да такую, что у меня въ глазахъ позеленѣло; искры посыпались изъ глазъ; я выпустилъ его и какъ снопъ повалился на землю.

Однако казаки дружно на него налегли и послѣ долгой борьбы, восьми человѣкамъ едва наконецъ удалось его связать.

И было-же мнѣ проклятій отъ него связаннаго.

— Въ первый разъ, говорилъ онъ, выѣхалъ я

не зарядивши ружья, а то ты не ускользнулъ-бы отъ меня, пся кровь.

Вахмистръ жандармовъ-вѣшателей, какъ говорятъ, обладалъ необыкновенною физическою силою; онъ безъ труда рукою сгибалъ подковы.

Забравъ въ деревнѣхъ подводу и усадивъ на нее связаннаго В, мы отправились въ Плонскъ. Дорогой я почувствовалъ нестерпимую боль въ рукѣ. Осмотрѣвъ ее я ужаснулся: вся была она синяя; въ одномъ мѣстѣ тѣло было обнажено почти до кости. Съ горяча, въ первую минуту, я нечувствовалъ острой боли. Теперь она обнаружилась съ такою силою, что я едва могъ добраться до Плонска.

Призванный докторъ нашелъ переломъ кости и тотчасъ-же положилъ руку въ лубки. Долго пришлось мнѣ проболѣть, и теперь еще въ худую погоду чувствуется сильный ломъ; хотя кость срослась и рана закрылась, но и теперь я не могу владѣть свободно рукою. Какъ кажется В. навсегда оставилъ мнѣ память о себѣ.

Касательно-же выстрѣла, приведшаго меня въ недоумѣніе и обманувшаго казаковъ, въ послѣдствіи по дознанію оказалось, что нѣсколько изъ нижнихъ чиновъ охотилось не далеко отъ дома вахмистра и одинъ изъ нихъ выстрѣлилъ по зайцу, какъ разъ въ ту минуту, когда я готовился оттуда выѣхать. Казаки приняли этотъ выстрѣлъ за сигнальный и бросились къ дому. Къ счастью урядникъ удачно разыгралъ свою роль.

VII.

На балѣ, въ лагерѣ у повстанцевъ.

Въ одинъ изъ лѣтнихъ вечеровъ 1863 года проѣзжалъ я большимъ лѣсомъ въ Млавскомъ уѣздѣ. Стало темнѣть. Небо заволокло тучами и вслѣдъ затѣмъ началъ накрапывать маленькій дождь. Я далъ шпоры лошади, думая уйти отъ дождя и добраться до перваго попавшагося ночлега. Но дождь постепенно усиливался; стало такъ темно, что продолжать путь было трудно. Свернувъ съ дороги, я остановился подъ большимъ деревомъ, и слѣзъ съ коня, думая подъ густою листвою хотя нѣсколько укрыться и выждать пока дождь перейдетъ. Прошло съ полчаса; дождь не перестаетъ, да и дерево плохо отъ него защищаетъ. Ну, думаю, и до утра не дождешься погоды; лучше поѣду; авось набреду на какую-нибудь хату и тамъ уже укроюсь отъ непогоды; а, нужно замѣтить, что съ мѣстностью Млавскаго уѣзда я не успѣлъ еще хорошо ознакомиться.

Сѣвъ на лошадь, я на удачу поѣхалъ маленькой

рысцой. Дождь лиль какъ изъ ведра. На мнѣ, казалось, не осталось сухой нитки; я прозябъ до костей, да и лошадь моя стала приуставать. Къ довершенію неблагополучія, попадаю на перекрестокъ и не знаю, по какой изъ трехъ дорогъ держать путь. Въ инструкціи мнѣ данной, объ этомъ ни слова; сказано было только, что отрядъ, къ которому я слѣдовалъ, расположенъ за лѣсомъ, въ деревнѣ N. Однако нужно было на что-нибудь рѣшиться. Я поѣхалъ по средней дорогѣ, думая что нападу-же на какое-нибудь жильё, а тамъ распрошу о дорогѣ въ N.

Дѣйствительно, лѣсъ сталъ рѣдѣть и вскорѣ я выѣхалъ въ открытое поле. Остановивъ усталаго коня я началъ осматриваться по сторонамъ, не увижу-ли гдѣ привѣтнаго огонька; кругомъ темнота, ничего не видно. Поѣхалъ далѣе, думая что должна-же быть по близости какая-нибудь деревня. Между-тѣмъ тучи стали понемногу разсѣиваться, дождь все тише и тише. Вотъ и звѣздочка показалась на небѣ, за нею и другая, и третья; въ воздухѣ стало тихо и тепло. Небо скоро прояснилось, выглянулъ и мѣсяцъ и серебрянымъ свѣтомъ облилъ окрестность. Вдали за горкой показалось бѣлое зданіе костела. Мѣстность кругомъ незнакомая. Остановившись, я нѣсколько оправился и потомъ поѣхалъ къ горкѣ, изъ-за которой такъ живописно выглядывала крыша и крестъ костела. Поднявшись на нее, я увидѣлъ обданную луннымъ свѣтомъ довольно большую деревню, въ

картинномъ безпорядкѣ разбросанную по обѣ стороны дороги. Въ каждомъ домѣ мелькали огоньки. Было еще довольно рано, а къ тому-же и день былъ воскресный, а потому и сельскій людъ еще не ложился спать, думаль я, приближаясь къ околицѣ.

У большаго дома при въѣздѣ, по-видимому шинка, я нашель большую толпу, въ которой раздавались веселый говоръ и смѣхъ. Подѣхавъ, я съ удивленіемъ замѣтилъ на многихъ лицахъ въ толпѣ повстанскую одежду. Вотъ тебѣ на, думаю я; куда-же это я попалъ, уже не банда-ли какая здѣсь расположена!

Между-тѣмъ, толпа почтительно разступилась, вѣроятно принимая меня за лицо начальственное, такъ какъ на мнѣ былъ полный костюмъ офицера инсургентовъ. Нечего было дѣлать; лучше было войти въ роль своей одежды. Я сказалъ толпѣ обычное польское привѣтствіе и вмѣстѣ спросилъ: какъ называется эта деревня и далеко-ли до N, и какъ къ ней проѣхать?

Мнѣ сказали, что я пріѣхалъ съ той стороны, что дорога въ N. осталась у меня вправо на перекресткѣ въ лѣсу, что есть отсюда и ближняя дорога, но ночью незнакомому трудно попасть въ N.

— Не лучше-ли пану остаться здѣсь до утра, да кстати сегодня и праздникъ у нашего пана-додудца, проговорилъ одинъ изъ толпы. Пусть будетъ панъ ласковъ и пожелуетъ къ намъ въ лагерь; мы и проводимъ его за разъ туда.

„А далеко до лагеря?“

— Недалеко; не болѣе полмили.

Положеніе мое было затруднительно. Принять приглашеніе — худо, не принять — еще хуже, потому что этимъ можно было возбудить подозрѣніе, а за подозрѣніемъ и всѣ его непріятныя послѣдствія.

Подумавъ съ минуту, я рѣшился ѣхать, полагаясь на свое счастье.

„А какъ зовутъ вашего пана-довудцу?“ спросилъ я челоуѣка, такъ обязательно предлагавшаго свои услуги.

— Будто панъ и не знаетъ, съ удивленіемъ спросилъ онъ въ свою очередь. Я замѣтилъ, что сдѣлалъ большую неловкость. Неловкій мой вопросъ видимо поставилъ въ недоумѣніе толпу.

— Да откуда панъ ѣдетъ? раздался голосъ изъ толпы.

Я сообразилъ, что другой банды въ этихъ странахъ не можетъ и быть, кромѣ банды Ор..., а потому, не запинаясь, отвѣчалъ:

„Бѣду я изъ-подъ Варшавы, отъ довудца Ког... къ вашему довудцу, съ очень важнымъ порученіемъ, и наслышанъ былъ, что вы стоите у деревни N.

— Панъ довудца очень будетъ радъ видѣть пана; мы его и проводимъ сейчасъ до лагеря, отвѣчалъ мнѣ первый повстанецъ. Это точно, что мы стояли у деревни N, прибавилъ онъ, но теперь тамъ москали и счастливъ панъ, что Богъ направилъ его сюда, а то попалъ-бы онъ въ ру-

ки казаковъ. — Ну, думаю, не велико счастье! И дернуло же меня сказать, что ѣду съ порученіями къ Ор... Болѣе всего непріятно было мое положеніе тѣмъ, что при мнѣ находились казенныя бумаги. Боже сохрани, если по какому-нибудь подозрѣнію произведутъ обыскъ, тогда пропала моя голова. Бумаги были очень важныя; онѣ именно касались банды Ор..., находка ихъ была-бы въ высшей степени драгоцѣнна для мятежниковъ; выбросить бумаги потихоньку на дорогу было не безопасно. Не менѣе этого, смутила меня мысль: что скажу я Ор..., какое важное порученіе я выдумую, чтобъ не возбудить подозрѣнія? Къ счастью я вспомнилъ, что незадолго передъ тѣмъ, въ М... лѣсахъ, казаки схватили одного повстанца, у котораго, среди другихъ важныхъ бумагъ, нашли предписаніе варшавскаго центральнаго комитета приблизительно слѣдующаго содержанія: „Варшавскій Центральный Комитетъ увѣдомляетъ всѣхъ начальниковъ, что въ послѣднее время въ московскихъ отрядахъ появились шпіоны, которые, переодеваясь въ повстанское платье и говоря правильнымъ польскимъ языкомъ, вывѣдываютъ отъ жителей о положеніи бандъ и иногда даже, натываясь на самыя банды, бываютъ принимаемы начальниками оныхъ за настоящихъ повстанцевъ и, такимъ образомъ, часто отъ нихъ-же узнаютъ о положеніи банды; — а потому предписываетъ всѣмъ начальникамъ бандъ строго наблюдать и принять

на будущее время всевозможныя мѣры предосторожности къ предотвращенію подобныхъ случаевъ.“

Это-то предписаніе Варшавскаго ржонда я и рѣшился передать Ор... на словахъ, сказавъ, что самое предписаніе у меня было на дорогѣ отнято захватившими меня казаками, отъ которыхъ мнѣ едва удалось бѣжать, благодаря чистой случайности; при этомъ можно было-бы выдумать какую-нибудь исторію чудеснаго освобожденія.

Я рѣшился дѣйствовать подобнымъ образомъ только потому, что вреда отъ этого не могло быть ни-кому, потому что при плочкомъ военномъ отдѣлѣ, кромѣ меня, лазутчика не было; да къ тому-же рано или поздно, а Ор... узналъ-бы объ этомъ распоряженіи революціоннаго правительства.

Остановившись на этомъ планѣ дѣйствій я отвѣчалъ:

„Дѣйствительно, никто какъ Богъ и Матерь Божія, Заступница Польши, могли отвести меня отъ москалей, тѣмъ болѣе, что порученіе, съ которымъ я ѣду къ Ор..., очень важно. Съ охотою я принимаю предложеніе проводить меня въ лагерь, но предварительно я желалъ-бы хотя немного обсушиться, потому что промокъ до костей, да и коню не мѣшало-бы дать вздохнуть, потому что и онъ приусталъ отъ дальней дороги.“

— А не заѣдетъ-ли панъ къ пану-пробощу, я сейчасъ и проведу къ нему, предложилъ словоохотливый повстанецъ; очень недалеко отсюда. Тамъ панъ обогрѣется и высушится; а то въ лаге-

рѣ негдѣ; тамъ теперь идетъ такая суматоха! Панъ-довудца сегодня даетъ балъ; а потому въ лагерь понаѣдетъ много пановъ и паненокъ. Пожалуй и ночь цѣлую протанцуютъ.

„Значить я попалъ очень кстати. Такъ нужно торопиться пообсушиться, а потомъ и маршь на балъ.“

Мы отправились. На крыльцѣ дома ксендза насъ встрѣтили: молодая, полная женщина лѣтъ 25, рекомендуясь хозяйкою дома и другая съ нею, еще того моложе, прехорошенькая блондинка—въ качествѣ помощницы первой.

— Ну, думаю, этотъ ксендзъ любитъ дробить числа. При этомъ мнѣ вспомнился одинъ анекдотъ, ходившій въ Царствѣ Польскомъ. Однажды католическій епископъ, объѣзжая епархію, встрѣтилъ въ домѣ одного ксендза, въ качествѣ прислуги, трехъ молодыхъ дѣвушекъ, одна другой лучше. По каноническому праву ксендзы не могутъ быть женаты, а такъ какъ каждый изъ нихъ имѣетъ свое хозяйство, то имъ дозволяется имѣть въ домѣ одну господиню-экономку, но, во избѣжаніе соблазна, не моложе пятидесяти четырехъ лѣтъ. Замѣтивъ явное нарушеніе правилъ, епископъ спросилъ у ксендза, что это значитъ? Тотъ нисколько не сконфузившись отвѣчалъ: что, относительно лѣтъ женской прислуги, онъ нисколько не нарушилъ постановлений, потому что одной 17, другой 18, третьей 19 лѣтъ, слѣдовательно всѣмъ тремъ 54; касательно того, что у него, вмѣсто одной, три женщины въ

домѣ, онъ оправдывался своимъ большимъ хозяйствомъ, говоря, что одному лицу съ нимъ невозможно было управиться; а потому, не желая привести хозяйство въ упадокъ, а съ другой стороны—не отступать отъ каноническихъ постановленій, онъ завелъ себѣ господиню 54-хъ лѣтъ, но только въ дробномъ числѣ.

Невольно этотъ анекдотъ пришелъ мнѣ на память, при взглядѣ на молодыхъ, красивыхъ господинь.

Послѣ обычнаго привѣтствія, я спросилъ у нихъ о панѣ пробоцѣ.

Мнѣ отвѣчали, что ксендзъ на балѣ у начальника банды Ор... и что за нимъ сейчасъ пошлютъ.

Я просилъ не беспокоить его, говоря, что не много погодя и самъ отправилюсь въ лагерь.

„А вотъ, если-бы паньи пообогрѣли и пообсушили меня, то я былъ-бы очень благодаренъ, прибавилъ я; а то совсѣмъ промокъ до костей.“

Мигомъ поспѣлъ самоваръ. Услуживыя господини предложили мнѣ сухое бѣлье и халатъ.

Переодѣвшись, я прилежъ на диванъ. Можно себѣ представить, какое невыразимое удовольствіе испытывалъ я, послѣ долгой ѣзды верхомъ подъ дождемъ, не оставившемъ на мнѣ живой нитки, протягиваясь въ тонкомъ бѣльѣ на мягкомъ диванѣ. Не помню какъ я заснулъ и долго-ли пробылъ въ такомъ положеніи.

Тихій говоръ разбудилъ меня; открывъ глаза, я увидѣлъ передъ собою ксендза и съ нимъ четы-

рехъ человѣкъ, въ мятежническомъ костюмѣ. Вѣроятно разговоръ шель обо мнѣ, потому что онъ тотчасъ-же прекратился, какъ я открылъ глаза.

Ксендзь отрекомендовался хозяиномъ дома и вслѣдъ за тѣмъ, по польскому обычаю, мы съ нимъ поцѣловались. Гостей своихъ онъ представилъ за своихъ пріятелей, сосѣднихъ помѣщиковъ, служившихъ офицерами въ бандѣ Ор...

Наружность ксендза неволью привлекла мое вниманіе. Ему на видъ было не болѣе тридцати лѣтъ. Высокаго роста, стройно сложенный, съ темно-синими глазами и открытымъ высокимъ лбомъ, обрамленнымъ черными какъ смоль волосами, онъ по праву могъ быть названъ красавцемъ. Его открытый, веселый видъ, отсутствіе и тѣни лицемѣрія и чего-то ксендзовскаго, самый костюмъ полудуховный, полусвѣтскій, ясно показывали всякому, что не къ духовному званію лежало его сердце. Дѣйствительно впослѣдствіи я узналъ, что мать его, страшная ханжа, подъ вліяніемъ іезуита, дала обѣтъ посвятить своего любимаго младшаго сына на служеніе Богу и любимецъ семьи, баловень, выросшій въ нѣгѣ и роскоши, безъ всякаго призванія къ духовному сану, сдѣлался жертвою ханжества матери. Ряса давила его, а потому и не удивительно, что въ домѣ его можно было встрѣтить молодыхъ, красивыхъ господынь.

Если ксендзь произвелъ на меня чрезвычайно пріятное впечатлѣніе, то его собесѣдники съ ихъ наполеоновскими бородками, плутоватыми глазами,

заискивающими, улыбающимися физиономіями, страшно мнѣ не понравились. Однако дѣлать было нечего: и съ ними пришлось раздѣловаться.

„Очень пріятно, говорилъ я, познакомиться съ людьми, которые жертвуютъ жизнью за избавленіе родной отчизны отъ ига московскаго!“ Привѣтъ мой видимо понравился панамъ-повстанцамъ, на лицахъ ихъ появилась та улыбка самодовольствія, которою полякъ отличается отъ всѣхъ остальныхъ славянскихъ народовъ, улыбка, которою онъ какъ-бы хочетъ сказать всѣмъ и каждому о своемъ превосходствѣ. И здѣсь ксендзь рѣзко отличался отъ своихъ гостей; въ его улыбкѣ замѣтно было какое-то простодушіе, какъ-будто онъ говорилъ: „а для меня все равно; не мое дѣло.“

— Не угодно-ли чаю, сказалъ онъ въ отвѣтъ на мой привѣтъ, а тамъ поѣдемъ въ лагерь. Повеселимся сегодня славно: паненокъ тамъ много; и платье ваше уже высохло.

Паны-же-повстанцы отвѣчали мнѣ, что они, въ свою очередь, рады видѣть у себя въ гостяхъ посланнаго съ порученіемъ отъ такого славнаго довудца, какъ К..., что непобѣдимому ихъ довудцу пану Ор... будетъ пріятно принять меня и притомъ въ вечеръ веселія, когда они празднуютъ, не припомню теперь названное ими событіе и недавно одержанную ими надъ москалями блистательную побѣду.

Дѣйствительно, за недѣлю передъ тѣмъ, банда Ор..., силою въ 1,000 человекъ, обратила въ бѣгство

послѣ упорнаго сопротивленія, нашъ летучій отрядъ, состоявшій всего на все изъ 17 уланъ и 8 казаковъ. Эта стычка въ польскихъ революціонныхъ газетахъ названа была блистательною побѣдою надъ русскимъ отрядомъ, состоявшимъ чуть-ли не изъ 3,000 человекъ, при чемъ захвачено много оружія и плѣнныхъ. На дѣлѣ кажется было, что 2 казака потеряли по нагайкѣ, а одинъ уланъ полхвоста своей лошади.

Нужно было чѣмъ-нибудь подымать духъ храброго повстанія; подпольная печать не останавливалась ни передъ какою ложью для этой цѣли.

— Побѣда эта всеѣмъ намъ извѣстна изъ газетъ, сказалъ я, и мы отъ души порадовались ей. Побольше-бы такихъ храбрыхъ доводцевъ, какъ панъ Ор..., то дѣло наше пошло-бы еще лучше. Впрочемъ оно на хорошей дорогѣ и, кажется, скоро наступитъ часъ освобожденія Польши.

Такою лестію я еще болѣе выигралъ въ мнѣніи моихъ собесѣдниковъ, которые чуть не сломали мнѣ руки своими пожатіями. Завязался оживленный разговоръ. Паны мои залегли далеко, строя различные планы о своемъ житьѣ, когда Польша будетъ свободна.

Ксендзь прервалъ нашъ разговоръ словами:

— Чай готовъ, господа. Да полно вамъ все о дѣлахъ. Гость нашъ прозябъ; его нужно согрѣть; успеете послѣ наговориться.

Мы усѣлись за чайнымъ столомъ. Ксендзь началъ рассказывать о балѣ, о хозяйнѣ его, панѣ

Ор..., какъ онъ умѣетъ отлично все устроить и принять гостей.

— Повеселиться любить, говорилъ онъ, да и дѣла не забываетъ. Вотъ и теперь, гостей забавляетъ, а въ то-же время у него собранъ военный совѣтъ.

Интересно было-бы побывать на этомъ совѣтѣ, подумалъ я, да послушать о чемъ паны толкуютъ.

Далѣе ксендзь разсказалъ мнѣ, что Ор... извѣщенъ о моемъ прибытіи и самъ пріѣхалъ-бы ко мнѣ, но, какъ хозяину, ему неловко было оставить гостей, а потому онъ и прислалъ пановъ просить меня навѣстить его въ лагерь.

— А я вамъ очень благодаренъ, продолжалъ онъ, пожимая мнѣ руку, что вы, безъ всякихъ церемоній, заѣхали ко мнѣ пообогрѣться и обсушиться. Послѣ чаю радушный хозяинъ приказалъ подавать лошадей. Я сказалъ, что поѣду на своей лошади.

— И нѣтъ, пусть конь вашъ поотдохнетъ; онъ бѣдный усталъ. Я уже распорядился, чтобъ ему дали корму. Къ завтрашнему дню онъ совсѣмъ оправится. Въ лагерь-же мы поѣдемъ въ коляскѣ; для всѣхъ мѣсто будетъ.

Мысль остаться до завтра, хотя и у радушнаго хозяина, далеко мнѣ не улыбнулась.

„О нѣтъ, мой добрый панъ ксендзь, отвѣчалъ я, до завтра я остаться не могу. Вы сами знаете, что днемъ небезопасно путешествовать, того и гляди наткнешься на проклятыхъ казаковъ. А я вотъ передамъ только порученіе пану Ор..., да сейчасъ-

же поѣду обратно. Мнѣ еще нужно заѣхать по одному дѣлу къ пану К..., помѣщику около Млавы. Надѣюсь, что панъ Ор... не откажетъ дать мнѣ провожатыхъ, такъ какъ я худо знаю здѣшнюю мѣстность.“

— Конечно не откажетъ. А все-таки лучше будетъ, если вы останетесь до завтра у насъ, возразилъ милый хозяинъ; вы успѣете отдохнуть, да и время не скучно проведете, если захотите. Паненокъ на балѣ много, и прехорошенькихъ.

Но я все-таки настоялъ на своемъ и отправился верхомъ на своей лошади. Ксендзь, съ гостями своими, усѣлся въ коляскѣ.

Ночь была прелестная. На небѣ ни тучки. Луна обдавала всю мѣстность своимъ нѣжнымъ серебрянымъ свѣтомъ. Въ воздухѣ тихо, казалось листъ не шелохнется на деревѣ.

Подъѣзжая къ лѣсу мы услышали звуки оркестра, переливавшіеся гармоническими волнами по гущѣ деревъ. При въѣздѣ въ опушку мы были окликнуты часовыми. Ѣхавшіе въ коляскѣ отвѣтили отзывомъ. Вслѣдъ затѣмъ къ намъ подъѣхалъ конный повстанскій вѣдетъ, скрытно расположенный въ опушкѣ. Узнавъ офицеровъ, онъ отдалъ честь и пригласилъ ихъ продолжать путь. Нѣсколько всадниковъ поѣхало съ нами къ лагерю, вѣроятно въ качествѣ почетнаго конвоя.

Темнота охватила насъ въ лѣсу; чѣмъ далѣе мы въ него углублялись, тѣмъ явственнѣе доносились изъ лагеря звуки веселыхъ танцевъ. Но вотъ за-

мелькали огоньки. Ближе и ближе, и вот наконецъ выѣхали мы на довольно обширную поляну. Чудная картина представилась нашимъ глазамъ. Поляна, версты двѣ въ окружности, облитая матовымъ луннымъ свѣтомъ, съ которымъ фантастически сливался свѣтъ отъ разноцвѣтныхъ фонариковъ, развѣшанныхъ по опушкѣ на деревьяхъ; на дальнемъ планѣ, живописно разбросанныя палатки лагеря, и между ними одна, отдѣлявшаяся отъ прочихъ своими размѣрами. Кое-гдѣ разложены были костры и возлѣ нихъ люди, эффектно освѣщенные двойнымъ свѣтомъ.

Недалеко отъ опушки мы встрѣчены были группою повстанцевъ. Спутники мои вышли изъ коляски; я прыгнулъ съ коня.

Обязательный ксендзъ представилъ меня встрѣтившимъ насъ.

— Слышали, и давно уже ждемъ. Милости просимъ. Нашъ вельможный панъ Ор... просилъ провести пана прямо къ нему въ кабинетъ.

Мы прошли мимо большой палатки, изъ которой неслись звуки музыки, смѣхъ и оживленный говоръ. Нѣсколько паненокъ, въ бальномъ платьѣ, выпорхнули изъ палатки, провожаемыя кавалерами.

Шагахъ въ пятидесяти отъ большой палатки находился кабинетъ Ор..., отличавшійся отъ прочихъ палатокъ тѣмъ, что у входа его стояло двое часовыхъ съ обнаженными саблями.

Въ палатку со мною вошелъ одинъ ксендзъ; прочіе паны остались у входа.

У стола, заваленнаго бумагами и картами, сидѣлъ Ор...; повидимому онъ что-то чертилъ. При нашемъ входѣ онъ поспѣшно всталъ и пожалъ намъ руки со словами:—Добро пожаловать.

Это былъ человѣкъ небольшого роста, бѣлокурый, рябоватый, съ открытымъ высокимъ лбомъ и быстрыми пронизательными глазами. Въ глазахъ и въ складкѣ бровей и рта, выражались умъ и сила воли.

Представивъ меня, ксендзъ оставилъ насъ вдвоемъ. Ор... окинулъ меня пронизательнымъ взглядомъ и спросилъ.

— Я слышалъ, что вы ко мнѣ пожаловали отъ пана К... и привезли что-то новенькое?

„Да, ясновельможный пане доведу, отвѣчалъ я, но только новенькое я привезъ не отъ пана К., а отъ ржонда народоваго и притомъ, по несчастію, я могу вамъ сообщить его распоряженіе только на словахъ. Правда, что при выѣздѣ изъ Варшавы я имѣлъ при себѣ бумагу, но недалеко отъ Млавы я былъ захваченъ казаками и все, что было при мнѣ цѣннаго, вмѣстѣ съ бумагами, досталось въ руки москалей и только случайно, благодаря заступничеству Матери Божіей, мнѣ удалось уйти отъ нихъ. При этомъ я рассказалъ что казаковъ было человѣкъ пять и все крѣпко подпивши; найдя у меня нѣсколько червонцевъ они перессорились изъза нихъ, такъ что дѣло дошло даже до драки. Я улучилъ удобную минуту, что они какъ-будто позабыли обо мнѣ, вскочилъ на своего коня и на

утекъ. Казаки за мной, но видя что я отъ нихъ удираю, послали въ догонку нѣсколько выстрѣловъ, но, благодаря Бога, ни одна московская пуля меня не задѣла.

Потомъ я разсказалъ какъ заблудился въ лѣсу и только, благодаря этому случаю, я говорю съ паномъ Ор...; иначе рисковалъ опять попасть въ руки москалей. Мнѣ сказано было, что вашъ отрядъ стоялъ у деревни N; я туда и направлялся и только заблудившись попалъ сюда; мнѣ сказали здѣсь, что N. занята уже москалями. Затѣмъ я разсказалъ, что такой же приказъ отъ ржонда я привезъ пану К. и вручилъ ему въ его лагерѣ, близъ деревни С., въ варшавскомъ уѣздѣ. Приказъ-же этотъ я могу повторить отъ слова до слова; при этомъ я повторилъ уже извѣстное читателю распоряженіе центрального комитета.

Все время моего разсказа Ор... не спускалъ съ меня глазъ, внимательно слушая каждое мое слово. Вѣроятно я хорошо исполнилъ свою роль, потому что и тѣни подозрѣнія не выразилось на его лицѣ.

— Хорошо, сказалъ онъ, когда я окончилъ; мы примемъ это къ свѣдѣнію.

Потомъ онъ спросилъ: откуда я родомъ и въ чемъ состоитъ моя обязанность при варшавскомъ центральномъ комитетѣ?

Я отвѣчалъ, что родомъ я изъ Варшавы, гдѣ и служилъ прежде чиновникомъ тамъ-то. Теперь же въ комитетѣ состою въ качествѣ тайнаго аген-

та, для наблюденія за дѣйствіемъ властей и за исполненіемъ ими распоряженій комитета.

О многомъ еще спрашивалъ Ор... и такъ бойко отвѣчалъ я на его вопросы, что онъ, казалось, остался совершенно доволенъ.

Вслѣдъ за-тѣмъ, съ большимъ уже довѣріемъ, Ор... сталъ рассказывать о трудности его положенія въ настоящее время, что большая часть складовъ оружія и съѣстныхъ запасовъ захвачена москалями, что многіе изъ жителей Польши стали измѣнять народовой справѣ и переходить на ихъ сторону, не смотря на все строгія мѣры; ни висѣлица, ни кинжалъ уже не страшатъ ихъ. Единственная помощь, на которую можно возложить все надежды; это — вмѣшательство французовъ въ дѣла Польши. Если бы вы знали какъ намъ приходится тяжело, продолжалъ онъ, живемъ со дня на день, — такъ трудно добывать стало продовольствіе. Однако я надоѣлъ вамъ своими жалобами, пойдемте; я васъ представлю моимъ гостямъ, говорилъ онъ, взявъ меня подъ руку. Сегодня у меня маленькій вечерокъ; нужно немного приободрить и своихъ-то и жителей съ ними.

Я сталъ отказываться, говоря что время для меня дорого, что я хотѣлъ-бы отправиться обратно сейчасъ-же и надѣюсь на его доброту, что онъ не откажетъ дать мнѣ провожатыхъ до деревни N., гдѣ мнѣ нужно повидаться съ ксендзомъ; днемъ-же ѣзда небезопасна, — какъ разъ можно наткнуться на какой-нибудь русскій отрядъ.

— Ну нѣтъ, извините, ночью я васъ не отпущу, и грѣха на душу такого не возьму! а вотъ пробудьте у насъ до завтрашняго дня, повеселитесь, а завтра я вамъ дамъ такихъ провожатыхъ, что можете быть увѣрены, что не наткнетесь ни на какой русскій отрядъ.

Видя, что отказываться не было никакой возможности, я согласился на любезное предложеніе хозяина. Одна мысль смущала меня, — это возможность встрѣчи въ такомъ многочисленномъ обществѣ съ какою-либо знакомою личностью.

Отправились. Въ большой палаткѣ мы застали многочисленное общество. Танцы были въ полномъ разгарѣ. Оркестръ гремѣлъ мазурку Хлопицкаго и подъ звуки ея паръ двѣнадцать плясало національный танецъ съ тою граціею, съ тою бѣшеною удалею, которая отличаетъ поляка въ мазуркѣ отъ всякаго другаго. Кавалеры въ блестящихъ чамаркахъ, одинъ другаго красивѣе, одинъ бойче другаго въ изобрѣтательности различныхъ па и фигуръ, паненки въ воздушныхъ платьяхъ, съ раскраснѣвшимися щечками, совершенно отдавшіяся удовольствію любимаго танца. Всякій невольно заглядѣлся-бы на эту картину, полную поэтической прелести, по ея необыкновенной обстановкѣ. Оркестръ состоялъ человекъ изъ пятнадцати евреевъ, этихъ странствующихъ артистовъ, безъ которыхъ никто и ничто не можетъ обойтись въ Польшѣ. Деньги, могущественный рычагъ племени Израиля, бросали его сыновъ какъ въ банды, такъ

и въ наши отряды. Кто больше платилъ, или кто пользовался большимъ кредитомъ въ ихъ глазахъ, тотъ могъ рассчитывать на большія съ ихъ стороны услуги. Въ началѣ мятежа, когда фонды поляковъ значительно поднялись на европейской биржѣ, во мѣрѣ того какъ падали русскіе, различные Ицки, Шмули, Мардохай явились самыми дѣятельными пособниками мятежа, доставляя съ большимъ трудомъ въ банды оружіе изъ Пруссіи, а также и всякаго рода запасы. Потомъ-же, когда увидѣли, что результатъ мятежа будетъ не въ пользу поляковъ, они, и корыстолюбивою душою и щедрымъ тѣломъ, стали служить дѣлу русскихъ, открывая нашимъ отрядамъ спрятанные при ихъ же помощи склады оружія и запасовъ, помогая въ розыскахъ жандармовъ-вѣшателей, которые не одного сына Израиля подняли на веревкѣ къ небесамъ.

Кругомъ танцующихъ чинно сидѣли пожилые паны и панны, любясь на молодежь. Въ углахъ палатки, за столиками, за бутылками вина, велись оживленные разговоры лицами, предпочитавшими стаканъ вина и политику.

Ор... представилъ меня нѣкоторымъ изъ наиболѣ почетныхъ гостей, а самъ отправился къ танцующимъ.

Узнавъ что я изъ Варшавы, паны-помѣщики забросали меня вопросами о варшавскихъ дѣлахъ. Я рассказывалъ сколько зналъ о распоряженіяхъ центрального комитета, объ успѣхахъ бандъ надъ

москалями, о неминуемости европейскаго вмѣшательства.

Замѣтно было, что мои рассказы на степенныхъ пановъ не производили того впечатлѣнія, на которое я рассчитывалъ. Можно было и не наблюдательному глазу подмѣтить, что большинство изъ нихъ не вѣрило въ сбыточность выраженныхъ мною надеждъ, что и успѣхи бандъ и предполагаемое вступленіе французовъ въ Польшу—мыльные пузыри, которыми можно было обольщать только пылкую фантазію молодежи.

Въ разговорѣ я случайно взглянулъ на танцующихъ и обомлѣлъ. Въ одномъ изъ кавалеровъ я узналъ пана В., съ которымъ однажды, подъ видомъ заключеннаго, я сидѣлъ въ тюрьмѣ, для того чтобъ добиться отъ него различныхъ указаній.

Что, если онъ меня узнаетъ? думаю, да хорошо если признаетъ только за товарища по тюрьмѣ, а если ему извѣстно, что это за товарищъ, что будетъ со мной?

Понятно, что положеніе мое было не веселое. Дѣло прошлое, сознаюсь, что невольная дрожь прошла по тѣлу. Вѣроятно собесѣдники замѣтили перемѣну въ моемъ лицѣ, потому что обратились ко мнѣ съ вопросами: — что со мной?

„Вторую ночь не сплю, отвѣчалъ я; страшно утомился, проведя двое сутокъ на конѣ; а здѣсь такъ жарко, что мнѣ сдѣлалось дурно. Пойду на воздухъ, онъ меня освѣжитъ.“ При этихъ словахъ я вышелъ изъ палатки.

Паны послѣдовали за мною, любезно предлагая, кто стаканъ воды, кто одеколону.

Я поблагодарилъ ихъ за вниманіе, говоря, что чувствую себя лучше на свѣжемъ воздухѣ.

Отсутствіе мое и пановъ-помѣщиковъ замѣчено было Ор..., также послѣдившимъ къ намъ и любезно предложившимъ къ моимъ услугамъ свой кабинетъ-палатку.

— Вы устали, уснете и все пройдетъ, сказали онъ, а то въ палаткѣ, дѣйствительно, стало душно.

Я принялъ его предложеніе, благодаря за любезность. Въ палаткѣ Ор... указалъ на кровать за ширмой и, пожелавъ хорошаго сна, оставилъ меня одного. Я какъ былъ, бросился на кровать и отказался отъ услугъ вошедшаго меня раздѣть, повстанца.

Черезъ минуту вошелъ самъ Ор... Я притворился спящимъ. Слышу, какъ любезный хозяинъ приказываетъ потихоньку раздѣть и разуть меня.

Я сейчасъ-же открылъ глаза. Ор... извинился, что потревожилъ мой сонъ. Но такъ вѣдь спать худо, раздѣньтесь лучше; а вотъ вамъ и одѣяло теплое принесли, сказали онъ, принимая его изъ рукъ вошедшаго повстанца. Мнѣ оставалось только разсыпаться въ благодарности за такое радушное гостепріимство, однако-же я снова отклонилъ его услуги, говоря, что самъ привыкъ всегда раздѣваться.

Невольно пробѣжала у меня мысль, обдавшая холодомъ: что если мой любезный хозяинъ, думаль

я, узнаеть, кого онъ принимаетъ такъ радушно; и невольно, рядомъ съ теплымъ одѣяломъ, два столба съ перекладиной представились моему воображенію.

— Теперь я уже не приду болѣе васъ беспокоить, сказалъ Ор...; меня все тревожить мысль, что вамъ здѣсь неудобно. Теперь пойду къ милымъ гостямъ, которые вѣроятно скоро разъѣдутся; тогда вамъ будетъ еще покойнѣе, а то звуки музыки пожалуй не дадутъ и заснуть. При этихъ словахъ онъ вышелъ.

Я остался одинъ и легъ не раздѣваясь. Сонъ бѣжалъ отъ моихъ глазъ. Меня занимала и мучила мысль о В.. Я старался припомнить все свои дѣйствія, каждое слово, сказанное мною, когда мы были съ нимъ вмѣстѣ въ тюрьмѣ, и чѣмъ болѣе думалъ, тѣмъ болѣе успокоивался мыслью, что я ничѣмъ не успѣлъ обнаружить себя.

В. попалъ въ тюрьму по слѣдующему обстоятельству.

1-го мая 1863 года, былъ обнародованъ Высочайшій манифестъ, объявлявшій амністію тѣмъ изъ повстанцевъ, которые явятся съ повинною къ начальству. Вскорѣ послѣ того казаки остановили около Плоцка, въ лѣсу, В...; поводомъ къ арестованію служило то, что послѣдній былъ вооруженъ. На допросѣ В. объявилъ, что онъ находился въ бандѣ Ор..., но услышавъ о манифестѣ ушелъ тайно изъ банды, чтобы явиться къ военному начальнику въ Плоцкѣ, и на пути слѣдованія былъ за-

держанъ казаками. Онъ раскаявается искренно въ своемъ прежнемъ поведеніи и надѣется быть освобожденнымъ, на основаніи манифеста; на вопросъ военнаго начальника, онъ отвѣчалъ, что, кромѣ нахожденія въ бандѣ, онъ никакихъ преступленій за собою не знаетъ.

Манифестъ не освобождалъ отъ отвѣтственности жандармовъ-вѣшателей и другихъ убійць; а потому, являвшіеся съ повинною подвергались все-таки аресту, пока разслѣдованіе не покажетъ, что кромѣ нахожденія въ бандѣ, они не виновны въ другихъ преступленіяхъ.

По общепринятымъ правиламъ и В. отправленъ былъ въ тюрьму и мнѣ поручено было вывѣдать отъ него кое-что о бандѣ, въ которой онъ находился. Съ этою цѣлю въ тотъ-же день вечеромъ, меня, какъ только-что арестованнаго, заперли съ нимъ въ одномъ казематѣ. Два дня цѣлыхъ возился я съ нимъ; на всѣ мои вопросы онъ отвѣчалъ: да и нѣтъ, и казался необыкновенно грустнымъ и печальнымъ. На третій день онъ заболѣлъ серьезно и отправленъ былъ въ больницу. Прощаясь онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку, благодаря меня за участіе, которое я къ нему выказывалъ, и говорилъ что никогда этого не забудетъ. Я дѣйствительно ухаживалъ за нимъ въ тюрьмѣ. Мнѣ жалко было его. Такой онъ былъ болѣзненный, щедушный; на видъ ему было не болѣе двадцати лѣтъ, фізіономія у него была простая, открытая, неволью располагающая къ себѣ. Бывало и постель ему перестелешь

и чаемъ напоишь. Эти-то маленькія услуги и вызвали благодарность его на прощаніи со мной. Впрочемъ, о характерѣ его я ничего не могъ сказать; очень былъ скрытенъ. Легко можетъ быть, что подъ этой оболочкой скрывался хитрѣйшій іезуитъ, который очень хорошо понималъ съ кѣмъ имѣлъ дѣло, но конечно не находилъ выгодъ этого показывать. Долго-ли В. пролежалъ въ больницѣ и когда его выпустили на свободу, я не зналъ.

Всѣ эти обстоятельства живо припомнились мнѣ и мѣшали заснуть. Съ другой стороны я раздумывалъ о томъ: замѣтилъ-ли онъ меня при входѣ въ палатку, а если замѣтилъ, то узналъ-ли? но если-бы узналъ, то вѣрно-бы подошелъ. Эта мысль меня успокоила и я заснулъ.

Солнце было уже высоко, когда я проснулся. Первое что я сдѣлалъ — осмотрѣлъ свою чамарку; бумаги на мѣстѣ, подшитыя подъ подкладкой, пашка, какъ я поставилъ, около кровати. Кругомъ тишина мертвая. Лишь только я всталъ съ постели, какъ слышу изъ-за ширмы голосъ Ор...

— Что уже встали? Пора, уже десятый часъ!

Вотъ думаю, проспалъ-то. Выйдя изъ-за ширмы я засталъ Ор.. за письменномъ столомъ, съ карандашемъ въ рукахъ. Поздоровавшись съ нимъ, я отвѣчалъ: „Не удивительно, что я мертвецки спалъ, проведя двѣ ночи безъ сна, верхомъ на конѣ, да при томъ еще промокши до костей.“

— Все это такъ, а все-таки я не сдѣлалъ-бы

вась начальникомъ банды. Проспали-бы ее. Отдохнули-ли по-крайней-мѣрѣ, какъ слѣдуетъ?

„О да! сонъ совсѣмъ освѣжилъ меня. Теперь пожалуй и опять въ такой-же путь.“

— Куда-же вы теперь ѣдете?

Нужно мнѣ видѣться въ деревнѣ N. съ ксендзомъ, къ которому имѣю порученіе, отвѣчалъ я. Въ сущности никакого ксендза я тамъ не зналъ, зналъ только одного корчмаря-еврея, служившаго намъ шпіономъ. Я назвалъ деревню N. потому, что, въ случаѣ нужды, черезъ этого еврея могъ снестись съ однимъ изъ нашихъ отрядовъ.

— Съ Богомъ, съ Богомъ, проговорилъ Ор... Поѣзжайте если нужно. Я вамъ дамъ надежныхъ проводниковъ. На москалей не выведутъ. Но прежде напьемся вмѣстѣ чаю...

Я поблагодарилъ его за вниманіе, говоря что навсегда сохраню воспоминаніе о времени, проведенномъ у него въ бандѣ.

Въ ту-же минуту въ палатку вошелъ вооруженный съ ногъ до головы повстанецъ и подаль Ор.. пакетъ. Прочитавъ его, онъ нахмурилъ брови. Какъ видно было, его извѣщали о чемъ-то неприятномъ. Но онъ тотчасъ-же овладѣлъ собою.

— Попросить ко мнѣ сейчасъ адъютанта, да подать сюда чаю, сказалъ онъ. Повстанецъ вышелъ.

— Плохо дѣло, проговорилъ Ор... плохо. Но о содержаніи пакета ни слова.

Вошелъ адъютантъ.

— Быть готовымъ сняться съ лагеря по первому приказанію, сказалъ онъ.

Получивъ приказаніе, адъютантъ вышелъ.

— Сюда идетъ русскій отрядъ, но впрочемъ небольшой, проговорилъ Ор...

Намъ подали чай. Выпивъ стаканъ, я просилъ радушнаго своего хозяина отправить меня скорѣе.

Не смѣю васъ держать. Впрочемъ все уже готово. Лошадь ваша у палатки; провожатые сейчасъ явятся. Дай Богъ встрѣтиться намъ прилучшихъ обстоятельствахъ, а теперь кланяйтесь К..., если увидите его. Будьте осторожны въ дорогѣ, а меня извините, что проводить васъ не могу, говорилъ Ор..., пожимая мнѣ руку.

Простившись съ нимъ, я вышелъ изъ палатки и нашелъ лошадь свою уже совершенно осѣдланною и замундштученною. Вскорѣ явились четверо повстанцевъ, назначенныхъ ко мнѣ въ конвой.

Мы поѣхали. Кругомъ необыкновенная тишина, никого не видно; только у опушки кое-гдѣ блеснетъ солнце на оружіи ратника.

„Гдѣ-же всѣ люди?“ спросилъ я своихъ провожатыхъ.

— На ученьѣ, было мнѣ отвѣтомъ.

„Гдѣ-же производится ученье?“

Одинъ изъ повстанцевъ указалъ на гущу лѣса, говоря, что за нею находится точно такая-же поляна. Тамъ-то и производится ученье.

„А велика банда ваша?“

— Да кто-же ее знаетъ; говорятъ, что около тысячи человѣкъ.

Ну, думаю, попалъ на откровенныхъ. Это не то, что Ор., отъ котораго и слова лишняго не добьешься.

„А знаете вы деревню N?“

— Какъ не знать, отвѣчали мнѣ.

Мы ѣхали совершенно незнакомою для меня дорогою. Въ лѣсу мы проѣхали мимо пикета и въ опушкѣ черезъ аванпостную цѣпь банды.

Въ провожатыхъ своихъ я совершенно ошибся. Дорогою, кромѣ односложныхъ отвѣтовъ—да и нѣтъ, я ничего не могъ добиться.

Подѣвжая къ деревнѣ N, при выѣздѣ изъ лѣсу, они остановились, говоря что далѣе имъ ѣхать не приказано.

Не смотря на мой просьбы доѣхать со мною до шинка, гдѣ я угощу ихъ виномъ, они рѣшительно отказались слѣдовать за мною. Простившись, они воротились назадъ.

Въ шинкѣ корчмарь-еврей, узнавъ меня, сообщилъ что въ сосѣдней деревнѣ находится нашъ отрядъ, подъ начальствомъ войсковаго старшины П..

Хорошо зная начальника отряда, я отправился къ нему и рассказалъ обо всемъ. Немедленно отрядъ двинулся для отысканія банды Ор., но уже не засталъ ея на прежнемъ мѣстѣ. Преслѣдуя, онъ настигъ банду за мѣстечкомъ Серпцъ, гдѣ разбилъ ее на голову и захватилъ самаго Ор.. въ плѣнъ.

VIII.

Облава въ лѣсу на повстанцевъ, несшихъ ядъ.

При слѣдованіи нашихъ отрядовъ въ Царствѣ для обыска лѣсовъ, обыкновенно версты на двѣ впереди ихъ двигались летучія партіи, въ свою очередь отдѣлявшія отъ себя разъѣзды, которые часто разсыпались въ сплошную цѣпь, при чемъ разстояніе между людьми въ цѣпи было таково, чтобы можно было слышать голосъ сосѣда; разъѣзды, человекъ въ 5, 6, 7 кавалеристовъ, обыкновенно поручались вѣдѣнію опытнаго, хорошо знающаго мѣстность, офицера или унтеръ-офицера.

Однажды слѣдоваль я съ такимъ разъѣздомъ впереди отряда полковника Д. въ липновскомъ уѣздѣ, недалеко отъ прусской границы.

Въѣхавъ въ гущу лѣса, для лучшаго его обозрѣнія, мы разсыпались въ цѣпь. День былъ жаркій. Солнце такъ и палило; даже и въ лѣсу было душно, ни малѣйшей прохлады. Конь мой, усталый, едва передвигалъ ноги. Однообразіе движенія, нѣ-

мая тишина вокругъ, навѣяли на меня какое-то состояніе полудремоты. Рядъ воспоминаній, картинъ далекаго прошлаго, проносился передо мной; послѣдовательно смѣнялись они одни другими. Припомнилось мнѣ и дѣтство: родной городъ, родная улица, гдѣ я съ другими ребятами рѣзвился, шалилъ, беззаботный, веселый. Припоминалась и грозная, суровая мать, когда она меня везла въ ученіе, въ кантонистское училище. Припоминались и розги училища, которыми часто угощали насъ и за дѣло, и за бездѣлье, что называется здорово живешь; пронеслась передо мною и картина первыхъ лѣтъ военной службы, съ различными ея эпизодами. И многое, многое, припоминала память изъ прошлаго. И грустно мнѣ сдѣлалось за свое настоящее; мысль забѣгала и въ темное будущее и не находила отдыха. Непрошенная слеза-злодѣйка скатилась изъ глазъ и забылъ я все окружающее.

Что-то какъ-будто толкнуло меня. Я вздрогнулъ, оглянулся и вижу, что лошадь, сойдя съ дороги, остановилась и преспокойно щипала густую и сочную траву. Я не мѣшалъ, стараясь возобновить нить прерванныхъ думъ, когда вдругъ отдаленный топотъ въ лѣсу и голоса заставили меня тотчасъ-же придти въ себя. Забравъ за кустъ, я слѣзъ съ лошади и началъ прислушиваться; рѣчь слышу польская и не одного человѣка. Осмотрѣвъ оружіе, я взвел курокъ у револьвера, въ ожиданіи что будетъ. Однако топотъ затихъ; казалось люди пріостановились.

Привязавъ лошадь и потихоньку перебѣгая отъ дерева къ дереву, а частью и ползкомъ, направился я на голоса, скрываясь за густою листвою кустовъ. За послѣднимъ кустомъ передъ маленькой полянкой въ лѣсу, я залегъ и увидѣлъ трехъ молодыхъ людей, въ повстанской одеждѣ, снимавшихъ съ плечь, повидимому, тяжело чѣмъ-то наполненные мѣшки.

Каждое слово ихъ внятно было мнѣ слышно. Между ними велся горячій споръ о томъ, какимъ образомъ добратся скорѣе до банды Ч. Одинъ указывалъ на ту дорогу, по которой какъ-разъ слѣдоваль нашъ отрядъ, другой съ нимъ соглашался; третій-же совѣтовалъ держаться боковой дороги возлѣ болота. Наконецъ мнѣніе послѣдняго взяло верхъ; повстанцы рѣшились ему слѣдовать и, вслѣдъ за тѣмъ, стали снова наваливать на плечи мѣшки. Я тотчасъ-же назадъ къ лошади; отвязавши ея, я сѣлъ какъ можно скорѣе, боясь выпустить изъ виду интересныхъ незнакомцевъ. Болѣе всего занимала меня мысль, что у нихъ находится въ мѣшкахъ. Еще издали, услышавъ топотъ коня, они замѣтили меня и пошли на утекъ. Я крикнулъ чтобъ остановились, но не обращая вниманія на мои слова, они продолжали бѣжать по направленію къ болоту. На угрозу, что буду стрѣлять, одинъ изъ нихъ обернулся и показалъ ножъ. Я далъ шпоры лошади. Повстанцы раздѣлились, двое продолжали бѣжать близъ дороги къ лѣсу, третій-же свернулъ влѣво и тотчасъ-же исчезъ изъ моихъ глазъ. Подъѣхавъ къ тому мѣсту, гдѣ онъ былъ видѣнъ въ послѣдній разъ, я вскорѣ за-

мѣтилъ его, нѣсколько въ сторонѣ отъ дороги, совершенно завязшимъ въ топкомъ болотѣ. Не смотря на всѣ усилія, онъ не могъ выкарабкаться изъ трясины. Боясь упустить остальныхъ двухъ, я бросился по ихъ слѣду; но видя, что лѣсъ становится гуще и они отъ меня уходятъ, я подаль свистокъ. На этотъ сигналъ выѣхали два улана, какъ-разъ спереди бѣжавшихъ. Послѣдніе попробовали было свернуть въ сторону, но тамъ было болото; сзади приближался я, крича чтобъ остановились. Въ безвыходномъ положеніи они рѣшились покориться. Окруживъ ихъ, я приступилъ къ допросу. Они отвѣчали мнѣ, что принадлежатъ къ бандѣ Ч., что возвращаются теперь изъ Пруссіи, куда отправлены были начальникомъ банды за неизвѣстною имъ жидкостью въ стеклянкахъ, а также и различными препаратами, находящимися у нихъ въ мѣшкахъ; взяли это они въ аптекѣ и идутъ теперь въ банду, которая, передъ отправкою ихъ въ Пруссію, стояла неподалеко отсюда въ деревнѣ Р., что они не въ первый разъ ходятъ въ Пруссію, но что съ такими снадобьями они возвращаются впервые.

Арестованные представлены были начальнику отряда, за что я получилъ благодарность передъ всѣмъ отрядомъ. По слѣдствію оказалось, что въ стеклянкахъ находился сильнѣйшій ядъ, назначавшійся для лицъ, вредившихъ польской справѣ. Но, благодаря Бога, ядъ не попался въ руки Ч. и можетъ быть десятки людей чрезъ то были спасены. Завязшій въ болотѣ повстанецъ, такъ тамъ и утонулъ.

IX.

Поимка ксендза-вѣшателя и истязателя, а съ нимъ и другихъ лицъ.

Однажды отправился я въ мѣстечко Серпецъ чтобы тамъ, по указанію одного изъ бывшихъ арестантовъ, кузнеца Войцеха Ивашкевича, отыскать и арестовать нѣкоторыхъ лицъ и между ними ксендза парафіальнаго костела д. Голешина, что близъ Серпца.

Кузнецъ Войцехъ Ивашкевичъ находился первоначально въ услуженіи у помѣщиковъ М., недалеко отъ Серпца, но при началѣ мятежа вступилъ въ банду Францишка и состоялъ при начальникѣ ея въ качествѣ самаго довѣреннаго лица, исполняя самыя важныя его порученія, какъ-то: отыскивая мѣста для склада оружія, пороха, съѣстныхъ припасовъ и др. Однажды, при исполненіи одного изъ порученій начальника банды, онъ былъ захваченъ отрядомъ войсковаго старшины П., при которомъ и я состоялъ въ то время. Дѣло происходило слѣдующимъ образомъ. Отрядъ нашъ проходилъ мимо деревни N, не помню въ настоящее время фамиліи ея

владѣльца; по слухамъ было извѣстно, что это имѣніе служило постояннымъ пристанищемъ мятежниковъ. Не доѣзжая до имѣнія, отрядъ встрѣтилъ въ лѣсу колониста-нѣмца, который извѣстилъ насъ, что въ имѣніи N мы найдемъ повстанцевъ.

Мы прибавили рыси и вскорѣ въѣхали на дворъ господскаго дома, окна котораго были заперты ставнями наглухо, и на дворѣ не было, повидимому, ни одной живой души.

Начальникъ отряда, а за нимъ я и нѣсколько казаковъ, бросились въ домъ и въ одной изъ отдаленныхъ комнатъ нашли двухъ человекъ въ повстанской одеждѣ и съ оружіемъ въ рукахъ; на полу, въ углу на соломѣ, лежалъ связанный молодой человекъ лѣтъ семнадцати. Внезапный нашъ приходъ видимо засталъ повстанцевъ върасплохъ; они растерялись. Начальникъ отряда потребовалъ у нихъ оружіе. Одинъ изъ нихъ, повинувшись приказанію, не замедлилъ отдать саблю. Это былъ Войцехъ Иванкевичъ. Другой вздумалъ сопротивляться и только видя дуло наведеннаго мною на него револьвера и слыша угрозу, что буду стрѣлять, если не положитъ оружіе, рѣшился сдаться. Мятежники были арестованы и на первомъ допросѣ показали, что они принадлежатъ къ бандѣ Францишка, приказавшаго имъ связать и пострѣлять молодаго человека, сына одного изъ здѣшнихъ жителей, чтобъ заставить его вступить въ банду, отъ чего онъ упорно отказывался.

Впослѣдствіи, при допросѣ въ тюрьмѣ, И. чи-

стосердечно сознался во всѣхъ своихъ проступкахъ и искренно въ нихъ раскаялся, при чемъ указаль на многіе склады оружія, пороха, съѣстныхъ припасовъ, и на многихъ лицъ, принимавшихъ дѣятельное участіе въ мятежѣ. Выпущенный изъ-подъ ареста и состоя при отрядахъ, онъ вполне оправдалъ впоследствии довѣріе начальства. Въ имѣніи М. остались мать его и сестра; жена-же еще ранѣе ушла отъ него и жила господиней въ домѣ одного ксендза.

И. просилъ у начальства чтобы семья его, вмѣстѣ съ имуществомъ, изъ имѣнія М—ихъ перевезена была-бы въ Плоцкъ.

Начальство приказало исполнить просьбу. Узнавъ объ этомъ и объ услугахъ, оказанныхъ И—емъ русскому дѣлу, помѣщики М—іе, П—ій, ихъ сосѣдъ, у котораго также работываль прежде И., а также и ксендзъ Голешинскаго прихода, всѣ принадлежавшіе къ мятежнической организаціи, содѣйствовавшіе формированію шаекъ, доставленію онымъ оружія и съѣстныхъ припасовъ, всѣ эти лица уговорились между собою сжечь это имущество.

Дѣйствительно, когда возы съ имуществомъ И—ча тронулись въ путь, то, недалеко отъ одной изъ нѣмецкихъ колоній, означенные паны напали на обозъ, стащили съ возовъ мать и сестру И—ча, сложили въ кучу имущество и сожгли. Потомъ у полумертвыхъ отъ страха женщинъ стали допытывать, гдѣ въ настоящее время находится И—чь, гдѣ у него спрятаны оружіе и съѣстные припасы.

Паны думали, что И—чь по выходѣ изъ тюрьмы успѣлъ видѣться съ семьею и что та знакома со всѣми его дѣлами.

Тщетно женщины увѣряли, что онѣ ничего не знаютъ. М—іе, ксендзь и др., не вѣря этому, стали бить ихъ, страшать висѣлицей, и когда это не помогало и онѣ продолжали стоять на своемъ, то, выведенный изъ терпѣнія, ксендзь приказалъ хлопамъ схватить несчастныхъ, отвести въ лѣсъ и тамъ повѣсить. Хлопы сжалились надъ положеніемъ бѣдныхъ женщинъ и, приведя ихъ въ лѣсъ, отпустили ихъ на всѣ четыре стороны. Тѣ успѣли добраться до Плоцка, отыскали тамъ И—ча и рассказали ему обо всемъ случившемся. Послѣдній донесъ обо всемъ начальству, прося произвести дознаніе, и арестовать всѣхъ вышепоименованныхъ лицъ, которые по его словамъ, принадлежали къ мятежнической организаціи.

Вслѣдствіе этой-то просьбы я отправился въ Серпцъ; для помощи при отысканіи различныхъ личностей, со мною былъ И—чь. Въ Серпцѣ готовилась открыться ярмарка, по разсказамъ весьма многолюдная; здѣсь-то мы и готовились заарестовать большую часть виновныхъ лицъ. Нужно замѣтить, что ксендзь Голешинскаго прихода почти съ самаго начала мятежа гдѣ-то скрывался. Нѣсколько разъ пытались его арестовать, но напрасно; у себя въ дому онъ хотя часто бывалъ, какъ показывали его люди, но вѣроятно всегда бывалъ

во-время извѣщаемъ о готовившихся противъ него западняхъ.

Мы выѣхали изъ Плоцка ночью; въ окрестностяхъ послѣдняго, и въ особенности около Серпца, находится много колоній. Колонисты-нѣмцы во все время мятежа были вѣрны правительству, за что многіе изъ нихъ даже заплатились жизнью, были повѣшены повстанцами. Колонисты всегда съ радостью встрѣчали русскіе отряды и указывали имъ на все, что имъ было самимъ извѣстно о мятежническихъ бандахъ, о начальникахъ оныхъ, о лицахъ, принадлежавшихъ къ мятежу. А имъ извѣстно было многое, потому что въ богатыхъ, зажиточныхъ колоніяхъ, особенно любили останавливаться паны-довудцы и жандармы-вѣшатели; тамъ легче было достать лошадей и сѣстные припасы.

Проѣзжая чрезъ одну изъ такихъ колоній, И—чъ сказалъ мнѣ, что возлѣ нея паны произвели нападеніе на его имущество и сожгли его, а потому не мѣшало-бы здѣсь остановиться, чтобы разузнать кое-что о происходившемъ. Я послѣдовалъ его совѣту. Спутникъ мой постучался въ окно одного дома. Оно отворилось и показалась голова.

— Пане господаржу, прошу отворитць для пана Войцеха! сказалъ И—чъ.

Хозяинъ дома отворилъ ворота и тотчасъ-же отскочилъ отъ насъ.

Я его спросилъ по русски, что это значитъ.

— А я мыслить, цо панъ полякъ, такъ якъ и

Войцехъ, а теразь ниць не боюся пана, отвѣчалъ онъ. Прошу пановъ отдаць коней до стойла.

Мы отдали лошадей и пошли въ комнаты.

Вскорѣ подали намъ кофе. Выпивши стаканъ, я спросилъ хозяина дома: почему онъ насъ испугался? Онъ отвѣчалъ, что услышавъ голосъ Войцеха, подумалъ что къ нему пожаловали повстанцы, потому что до того онъ видѣлъ пана Войцеха при начальникѣ банды Францишкѣ, не задолго до того убитомъ въ одной изъ стычекъ съ нашими войсками.

Пораспросивъ еще кой-о-чемъ колониста, я вынулъ фляжку съ виномъ, которую постоянно возилъ съ собою и предложилъ стаканъ радушному хозяину. Нѣмецъ не отказался. Немного выпивъ, онъ замѣтно повеселѣлъ, сталъ болѣе разговорчивъ и началъ рассказывать, какъ Войцехъ постоянно приводилъ въ ихъ колонію лошадей на подставу для посылаемыхъ съ особыми порученіями изъ банды въ банду, какъ иногда случалось ему для этой цѣли захватывать лошадей въ самой колоніи и преимущественно у него, потому-что лошади у него самыя лучшія въ деревнѣ, и притомъ ихъ штукъ десять. Далѣе, переходя отъ предмета къ предмету, я навелъ разговоръ на вопросъ, главнымъ образомъ меня занимавшій, на истребленіе имущества Войцеха.

Нѣмецъ отвѣчалъ, что это происходило на глазахъ всей ихъ колоніи, вонъ тамъ; при этомъ онъ указалъ въ окно на возвышенное мѣсто близъ лѣса.

— Пріѣхаль сначала изъ Серпца панъ Ж—ій, продолжалъ нѣмецъ, за нимъ ксендзь изъ Голешина, потомъ и паны М—іе, а съ ними незнакомые паны. Всѣ они были верхами и остановились возлѣ лѣса въ ожиданіи возовъ, которые не замедлили скоро показаться. На первомъ возѣ сидѣли дѣвушка и старуха. Ксендзь первый бросился къ возамъ и приказалъ имъ остановиться. Ж—ій сдержнулъ съ возовъ женщинъ, а ксендзь велѣлъ сжечь имущество, сваливъ его предварительно съ возовъ. Женщинъ много мучили, пытая гдѣ Войцехъ, и когда они отвѣчали, что не знаютъ, ксендзь велѣлъ повѣсить ихъ въ лѣсу, чего впрочемъ хлопы не исполнили. Паны и ксендзь разѣхались, когда все имущество Войцеха сгорѣло до тла.

— А почему паны заранѣе узнали объ отправленіи имущества Войцеха въ Плоцкъ? спросилъ я.

Нѣмецъ отвѣчалъ, что большая часть распоряженій высшаго начальства передается чрезъ полицію начальникамъ банды, что большая часть полицейскихъ чиновниковъ явно принимаетъ участіе въ мятежѣ. Это дѣйствительно впоследствии обнаружилось.

Потомъ хозяинъ сталъ жаловаться, что повстанцы причиняютъ имъ много обидъ, а въ особенности ему, такъ какъ онъ побогаче другихъ, да и домъ его на самомъ краю колоніи, около лѣса. Потому-то у него чаще пристають, пьютъ и ѣдятъ, ни за

что не платя, да и лошадей забираютъ, когда вздумается.

Я сталъ утѣшать нѣмца, говоря что начальство въ обиду болѣе ихъ не дастъ, что мятежь скоро будетъ прекращенъ, и что въ колоніи у нихъ поставятъ войско.

Отдохнувъ и поблагодаривъ хозяина за угощеніе, мы отправились въ Серпцъ. Изъ стоявшаго тамъ эскадрона я выбралъ людей для экспедиціи. А нужно замѣтить, что съ этимъ эскадрономъ я хорошо былъ знакомъ, участвуя съ нимъ во многихъ поискахъ. Для начальствованія надъ выбранными людьми назначенъ былъ офицеръ и, независимо отъ того, отправилось со мной нѣсколько казаковъ съ хорунжимъ Я — ымъ.

Мы рѣшились прежде всего отправиться въ деревню Гуйску, имѣніе помѣщиковъ М—хъ, гдѣ, арестовавъ пановъ, расслѣдовать дѣло объ имуществѣ И—ча. Отправились мы разными дорогами: уланы со мной; казаковъ велъ И—чъ. Приѣхали въ деревню ночью и нагрянули какъ снѣгъ на голову. Паны М—іе видимо не ожидали нашего приѣзда. Все семейство, состоявшее изъ старика отца и двухъ сыновей, было дома. Пока гг. офицеры распорядились арестомъ на господской усадьбѣ, я пошелъ въ деревню, гдѣ съ понятными направился къ бывшему жилищу И—ча. Но и слѣдовъ его хаты не было; на мѣстѣ ея были обгорѣлыя остатки. Жители показали, что изба сожжена по при-

казанію старика М—аго и, мало того, по его-же приказанію истреблены были и всѣ посѣвы И—ча.

На допросѣ, какъ и слѣдовало ожидать, М—іе отъ всего отпирались, говоря, что на сожженіи возовъ съ имуществомъ И—ча они не присутствовали и ничего объ этомъ не знаютъ; что сожженіе дома—дѣло случая. Не смотря на улики понятыхъ, они продолжали увѣрять, что ничему не причастны, что они всегда глубоко преданы были правительству.

На улики И—ча въ противномъ, на обвиненія въ принадлежности къ революціонной организаціи, они объявили, что И—чъ на нихъ такъ показываетъ по злобѣ, что онъ самъ былъ въ бандѣ и ихъ винитъ въ томъ-же, въ надеждѣ получить прощеніе отъ правительства. Въ особенности спутнику моему досталось отъ старой панны М—ой. Чего только она ему не наговорила: и *некломъ-то* погрозила ему за всѣ его злодѣйства, и языкъ-то его тамъ въ аду будутъ жечь каленымъ желѣзомъ за клевету на невинныхъ, и сожженіе его имущества она объясняла праведнымъ гнѣвомъ Божиимъ за его преступленія. И многое еще говорили М—іе. Но улики были слишкомъ очевидны. Кромѣ старой панны, все семейство было арестовано.

Отъ М—ихъ мы отправились къ ближайшему ихъ сосѣду, помѣщику П—ому, тоже, какъ извѣстно, замѣшанному въ исторію сожженія имущества. Къ нему мы пріѣхали уже за полночь; на пути одинъ изъ казаковъ гнался за какимъ-то всад-

никомъ, скрывшимся въ деревнѣ. Мы нагрянули совершенно внезапно; вѣроятно панъ П—ій не ожидалъ гостей въ такую позднюю пору. Не медля ни минуты произведенъ былъ самый строгій обыскъ въ домѣ и на дворѣ. На конюшнѣ лошадь найдена въ пѣнѣ, въ кабинетѣ еще неубранное повстанское платье, все въ грязи, и такіе-же сапоги со шпорами. Не засохшая еще грязь и усталая лошадь заставляли предполагать, что всадникъ, за которымъ гнался казакъ, и былъ самъ П—ій, едва успѣвшій переодѣться, возвратясь по всему вѣроятію изъ банды.

На допросѣ П—ій объяснилъ, что онъ никуда вечеромъ не выѣзжалъ; а что лошадь въ пѣнѣ и платье мокрое и въ грязи, то это онъ объяснялъ тѣмъ, что ѣздилъ днемъ верхомъ по хозяйству; повстанское-же платье у него потому, что въ немъ безопаснѣе отъ множества бандъ, бродящихъ по странѣ. Но и здѣсь отговорки не помогли. Забравъ и его съ собою, мы отправились въ обратный путь въ Серпецъ, куда прибыли когда совсѣмъ уже разсвѣло и народъ началъ съѣзжаться на ярмарку. Сдавъ арестованныхъ, мы съ И—чемъ отправились отдохнуть, потому-что днемъ предстояло намъ не мало дѣла.

Серпецъ мѣстечко очень не дурное и ярмарка общала быть очень многолюдною. А какъ И—чу извѣстны были кромѣ лицъ, бывшихъ съ нимъ въ бандѣ, и многіе жандармы-вѣшатели изъ околodka, которые обыкновенно очень смѣло являлись въ

многолюдныя собранія, потому-что начальство въ лицо ихъ не знало, а жители не осмѣлились-бы ихъ выдать, боясь за свою кожу и имущество, то мы и рѣшились арестовать всю эту братію по указанію И—ча.

Отдохнувши, мы взяли съ собой на ярмарку нѣсколько наиболѣе расторопныхъ солдатъ и казаковъ, уговорившись съ ними, чтобы они тотчасъ хватали тѣхъ людей, на которыхъ мы укажемъ, или съ кѣмъ завяжемъ разговоръ, или-же поклонимся, но при томъ, чтобы хватали какъ можно незамѣтнѣе для остальной публики.

Мы съ И—чемъ переодѣлись въ костюмы простыхъ крестьянъ и отправились на ярмарку. Народу было тамъ тьма тьмушая. Давка страшная. Въ очень короткое время арестовано было до десяти человекъ жандармовъ-вѣшателей, описаннымъ выше порядкомъ. И — чѣ мнѣ указывалъ на подозрительное лицо, я давалъ знакъ и казаки хватали. Но это была все мелкая рыба. Наконецъ удалось поймать и осетра. Слоняясь взадъ и впередъ по ярмаркѣ, мы наткнулись наконецъ и на пана ксендза Голешинскаго, который, не смотря на всѣ усилія начальства, удачно ускользалъ изъ сѣтей, разставлявшихся для его ловли. И — чѣ потихоньку указалъ мнѣ на него.

Это былъ высокій, полный мужчина, лѣтъ со-рока, съ широкимъ, одутловатымъ краснымъ лицомъ, небольшимъ носомъ и сѣрыми пронизательными глазами. Вся фигура его напоминала нашего

крючника, таскающаго десяти-пудовые кули. Одѣтъ онъ былъ въ какую-то красную поддевку, сверху которой накинута была широкая плащъ. Вѣроятно по той-же причинѣ, т. е. въ увѣренности, что въ большой толпѣ никто не рѣшится его выдать, изъ опасенія мести жандармовъ-вѣщателей, онъ пошелъ на ярмарку, явно издѣваясь надъ нашимъ начальствомъ.

Едва И — чь успѣлъ его указать, шепнувъ, чтобъ я не выпустилъ такого звѣря, я, пользуясь своимъ простонароднымъ костюмомъ, подошелъ сзади къ ксендзу и поцѣловалъ его въ рукавъ, что въ Польшѣ обыкновенно дѣлается простымъ классомъ при встрѣчѣ съ ксендзами. Не успѣлъ я оглянуться, какъ пана-ксендза и слѣдъ пропалъ; такъ ловко подхватили его казаки.

Однако-же арестъ его произвелъ большое впечатлѣнiе въ народѣ. Со всѣхъ сторонъ только и слышались восклицанія: „А слышали вы, Голешинскаго ксендза взяли!“ Особенно въ отчаянiе приходили панны и паненки.

Забравши ксендза, я прекратилъ дальнѣйшiй поискъ, тѣмъ болѣе, что И — чь объявилъ что главнѣйшiя лица уже взяты. Проведя день на ногахъ послѣ безсонной ночи и только вздремнувъ не надолго утромъ, мы оба нуждались въ отдыхѣ, но передъ тѣмъ зашли въ корчму, гдѣ, усѣвшись въ уголокъ, спросили по кружкѣ пива. Народу было много: во всѣхъ углахъ только и рѣчи, что объ арестѣ ксендза. Я обратился къ сосѣдней старушкѣ: „а

что развѣ хорошій былъ человѣкъ ксендзь?“ спросилъ я.

— Да какъ-же не хорошій можетъ быть панъ ксендзь, отвѣчала она, и какъ-же его не жалѣть?

— „Мой пане пшіяцелю дрогій, перебила другая, не жалуй тѣго злодѣя, ксендза Голешинскаго, онъ есть наигорній въ цѣломъ свѣтѣ збуї (разбойникъ).“

Меня заинтересовали слова старухи. Желая знать, почему она такъ титуруетъ ксендза, я подѣлъ къ ней поближе и, чтобы подзадорить бабу, началъ его подхвалять.

Маневръ мой удался какъ нельзя лучше. Старуха, видя противорѣчіе своимъ словамъ, пришла въ совершенный азартъ.

— А вотъ недавно, говорила она, онъ собственноручно повѣсилъ своего мальчика овчарника (овечьяго пастуха) за то, что тотъ не послушался его, не пошелъ въ лѣсъ съ письмами къ начальнику шайки. Въ письмахъ ксендзь предувѣдомлялъ его о приближеніи русскаго отряда и совѣтовалъ принять нужныя противъ этого мѣры, а такъ какъ они не дошли по назначенію, то банда была атакована въ расплохъ и разбита на голову. Когда узналъ объ этомъ ксендзь, продолжала старуха, то разсвирѣпѣлъ хуже тигра, потребовалъ къ себѣ мальчика съ поля, привязалъ его къ доскѣ и велѣлъ двумъ хлопамъ сѣчь его розгами, въ промежутокъ спрашивая, кто научилъ его не исполнить приказанія. Рассказывали послѣ на деревнѣ, что

не послушаться ксендза и не ходить въ банду, научилъ мальчика одинъ изъ нѣмцевъ-колонистовъ, но мальчикъ на истязаніи не хотѣлъ ничего говорить. Тогда ксендзъ началъ пытаться бѣдняжку, посыпая на кровяные рубцы отъ розогъ соль и поливая ихъ виномъ. Откуда у несчастнаго бралось терпѣніе; онъ кричалъ отъ боли, но не смотря на жестокія страданія не выдавалъ тайны. Разсвирѣпѣвшій ксендзъ, забывъ Бога, не помня и себя, выхватилъ ножъ и съ пѣною у рта заревѣлъ: „Зарѣжу мерзавецъ, если не скажешь!“ и началъ колоть несчастную жертву, а потомъ собственноручно повѣсилъ на деревѣ находившагося въ безпамятствѣ овчарника. И это все происходило на глазахъ раскащицы и другихъ! Разговоръ ея невольно навелъ ужасъ на всѣхъ присутствующихъ. И это служитель алтаря! и въ наше время! Невольно поблагодарилъ я Бога, что этотъ злодѣй, черезъ мое посредство, отданъ въ руки правосудія.

Мы вышли изъ корчмы съ тяжелымъ чувствомъ, навѣяннымъ печальнымъ разговоромъ. Все слышанное я тотчасъ-же передалъ начальству.

М — іе, П — іѣ, ксендзъ и другіе арестованные отправлены были съ конвоемъ въ Плоцкъ, гдѣ и посажены въ тюрьму. Слѣдствіе обнаружало, что всѣ они были вербовщиками въ банды и находились въ постоянныхъ съ ними сношеніяхъ, доста-

вляя все необходимое, что ксендзь и другіе жан-дармы-вѣшатели, кромѣ того, оказались виновными во многихъ убійствахъ и истязаніяхъ надъ лицами, не хотѣвшими преступить долга присяги.

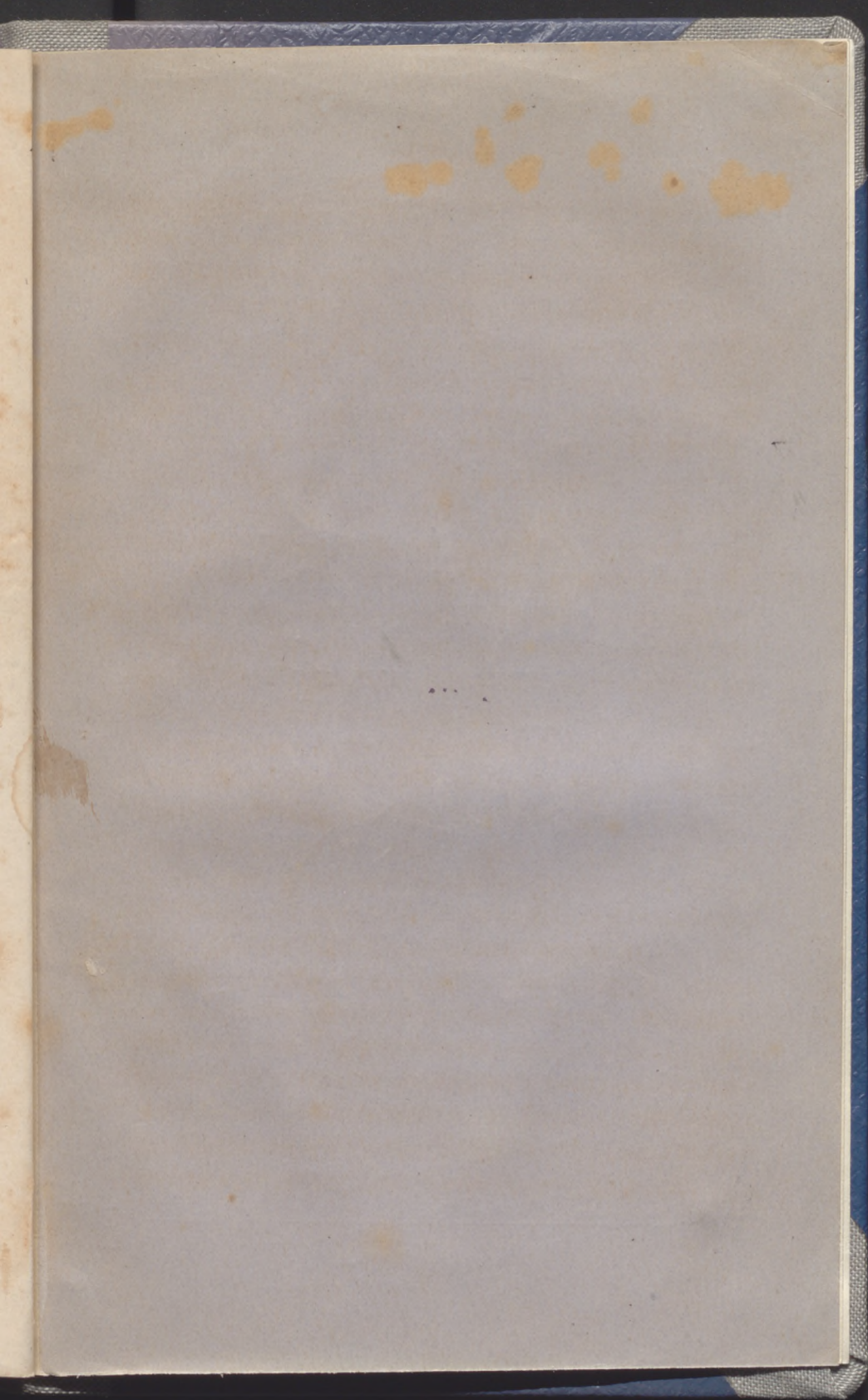
Виновные понесли должное наказаніе.

Biblioteka Główna UMK

300047632205

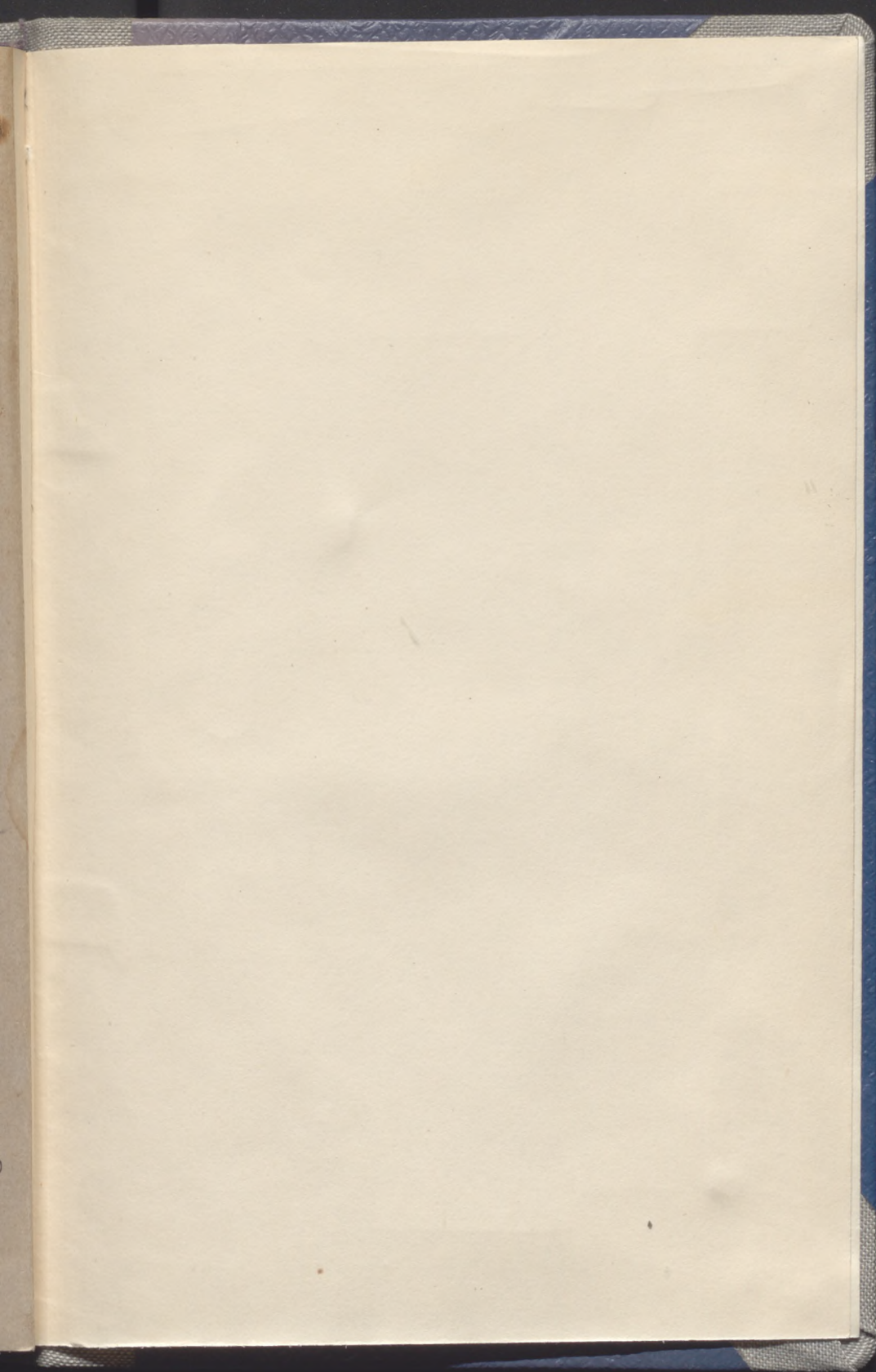

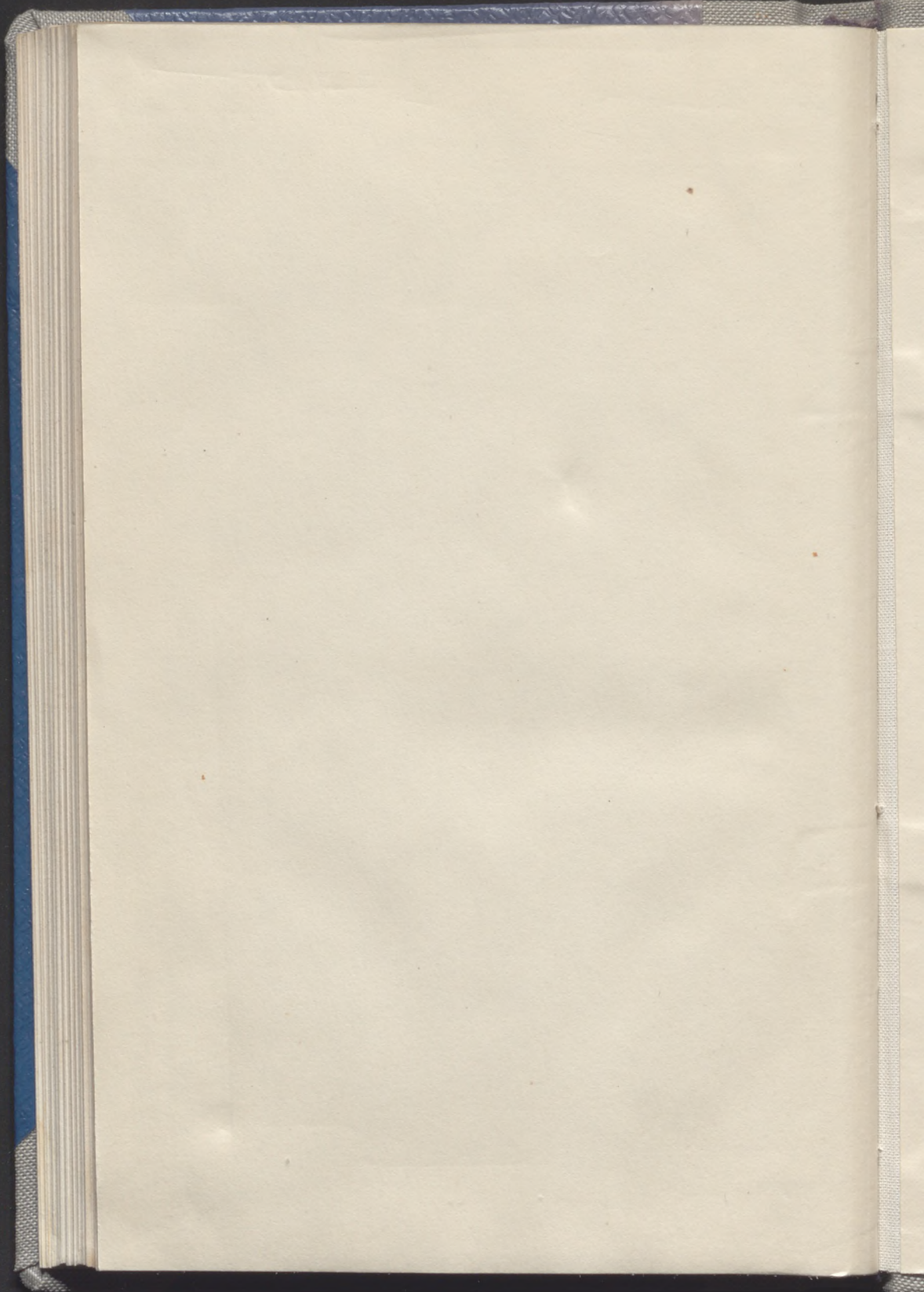
110

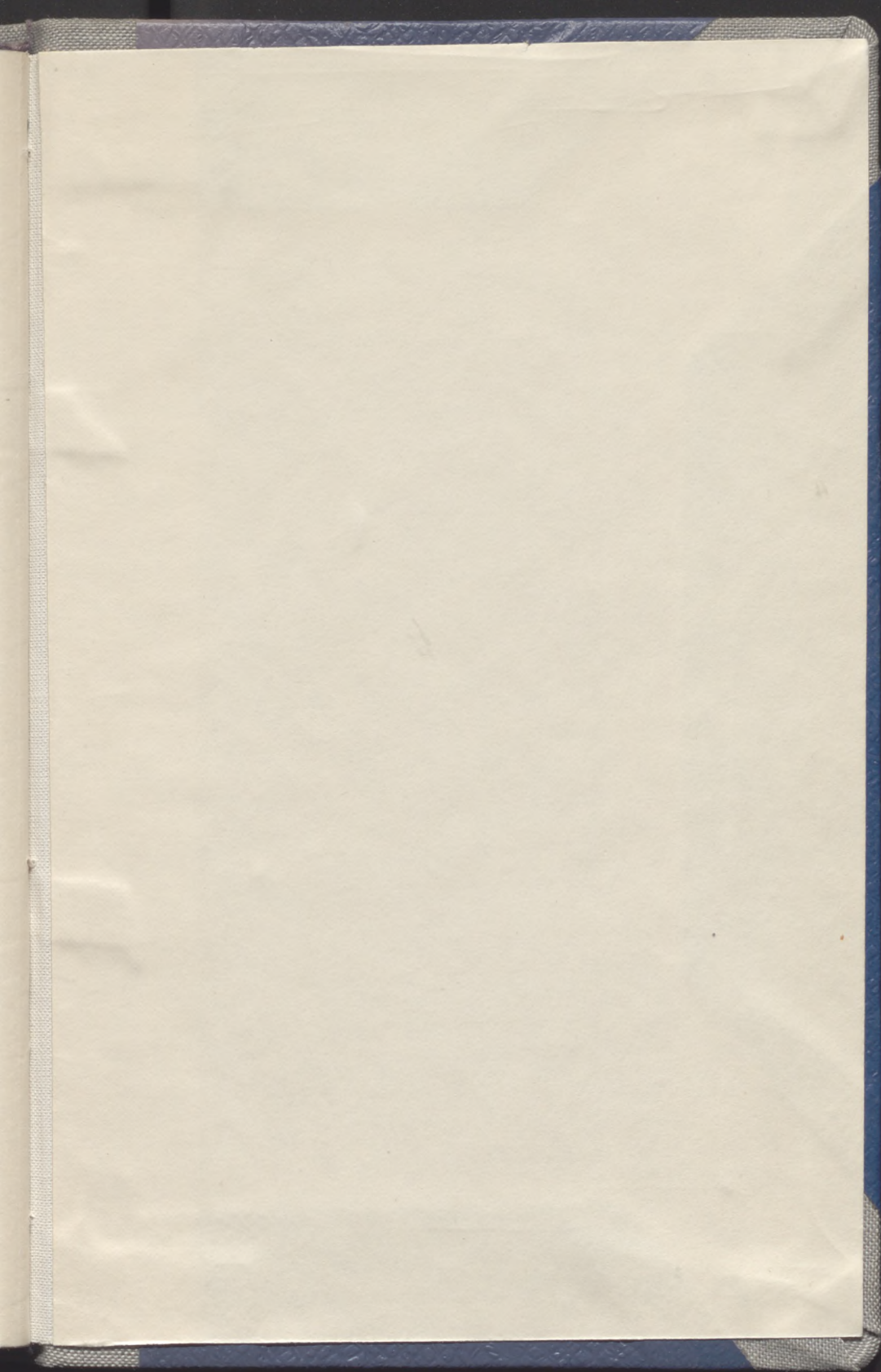
32888

75.
111921/13882

ЦѢНА 75 КОП. СЕР.

Biblioteka Główna UMK

300047632205